

Александра Кессель

*Ищайки
часть первая*

пес вставший на след не сойдет с него

Частный сыщик Йон Рейке не искал приключений и сложных дел. Он просто выполнял свою работу — ловил на горячем неверных супругов и мелких мошенников, возвращал украденные слугами драгоценности, отыскивал загулявших детей. Ему не нужны были проблемы, он не хотел быть героем. Но Судьба распорядилась иначе — и сложное дело само нашло сыщика Рейке на узких улицах Альмейры. Повесть окончена.

Александра Кессель
Ищйки: Часть первая

Глава 1. Двое и труп

Раннее солнечное утро было именно таким, каким должно быть раннее солнечное утро. Сияло голубизной летнее небо. На Часовой площади колокола отбивали час Белого Голубя. Смеющиеся дети сновали между еще не развернувшимися торговцами. На крышах грелись коты, подставляя разноцветные спины теплым солнечным лучам. Легкий ветерок раскачивал натянутые поперек улицы разноцветные флажки, подхватывал яркие юбки и длинные рукава спешащих по делам женщин. День радовался закончившемуся недельному ливню.

Йон Рейке купил у уличного повара палочку рыбных шариков и, неторопливо прогуливаясь, завернул в малозаметный проход между стенами домов. Затаился в тени, проверяя, не заметил ли кто его маневра. Дожевывая свой первый завтрак и, бесшумно, как кот, прокрался к приоткрытому в одном из домов вентиляционному окну. Прижался к стене, вытащил из кармана Глаз и просунул его в узкую щель.

Хитрое техномагическое приспособление позволяло державшему видеть и слышать все, что происходило в поле его действия без, так сказать, непосредственного участия. Главное, свои глаза плотно закрыть и настроиться. И тогда увидишь.

Потную, мускулистую мужскую спину и обхватившие ее стройные женские ноги. Задранные до пояса широкие юбки. Вывалившуюся из расстегнутого платья грудь. В клубах золотистой пыли, в помещении склада, на мешках с рожью и пшеницей совершалась супружеская измена. Причем активно совершалась, Йон аж залюбовался. Да так, что только шумное сопение за спиной вернуло его в реальный мир.

По тому же самому проходу к нему спешил, пыхтя и отдуваясь, господин в тилейского покроя костюме нежного сиреневого цвета. Господин был так непотребно толст, что двигаться ему приходилось боком, обтирая дорогой шерстью грязь с каменных стен.

Йон мысленно выругался на трех известных ему языках. Драгоценный со всех сторон, в том числе со стороны невыплаченного вознаграждения, рогатый супруг не вытерпел и принесся лично смотреть, чем занимается его жена.

— Я должен знать! — прохрипел он, как только перестал утирать огромным платком обильно текущий по лицу пот. Неопрятные мокрые пятна расплывались на груди и подмышками.

Йон улыбнулся и опустил руку с зажатым в ней Глазом. Другой сделал характерный жест, означавший только одно. Невыплаченный гонорар вперед, пожалуйста. А то знаем мы вас, трепетных клиентов, забудете еще, в порывах чувств-то.

— Немедленно! — хрюкнул мастер Лойсе, и шлепнул в протянутую ладонь две банкноты по десять лян.

— Вы их только не спугните, — шепотом посоветовал Йон клиенту, пряча Глаз обратно в карман. Раз уж мастеру так не терпится своими глазами увидеть источник его рогов, то действуя, записанному на Глаз магический, можно найти иное применение. По два лян за картинку, между прочим. Йон улыбнулся и достал из внутреннего кармана кошелек, куда убрал заработанное честным трудом. В конце концов, он неделю старательно работал тенью у супруги Лойсе, выискивая, где, с кем и как она предпочитает проводить время, и деньги эти заслужил сполна.

Поклонился потной спине прильнувшего к окну бывшего клиента и неторопливо пошел прочь. Но не успел он выйти из проулка, как сзади раздался шум, крик и грохот, а потом еще

один крик, выше и пронзительнее. Кажется, мастер не удержал свой немалый вес и не только некрасиво упал, так его еще и жена заметила. Будет им сегодня веселье!

Йон Рейке улыбнулся солнечному дню и, выйдя на открытую улицу, направился в редакцию газеты «Эхо Альмейры». Его мечта только что стала на двадцать лян ближе, так что не стоило останавливаться на достигнутом. Сыщик был счастлив и потому не обратил никакого внимания на пронесшуюся мимо коляску с двумя восседавшими в ней крайне перепуганными мужчинами в военной форме.

Пациент кричал. Его истощенный, на грани человеческого терпения, крик заставлял морщиться даже опытных докторов. Распахнулась дверь, в операционную, стуча каблучками, влетела медсестра со стопкой чистой перевязочной ткани.

— Где целитель?! — крикнул, стараясь заглушить вой, старший хирург.

— Я тут! — Эрех влетел следом за медсестрой, чудом не упав на почему-то скользком полу, подбежал и занял свое место в изголовье операционного стола.

Привычно расположил руки по обе стороны от головы бьющегося в припадке боли пациента, на уровне мокрых от пота висков. Сосредоточился. Представил синее-синее небо, такое, каким оно бывает, если летом выбежать после полудня на луг, рухнуть в душистое разнотравье и смотреть вверх, ощущая как огромен мир. Так, как можно сделать только в глубоком детстве.

Пациент перестал кричать и извиваться. Его глаза широко распахнулись, искаженное гримасой лицо расслабилось. Болевой шок отступал.

— Мамочка... — отчетливо произнес он.

— Начинаем операцию, — отдал команду врач.

Отряд хирургов и ассистентов встрепенулся, входя в привычный операционный режим.

Эрех стойко держал.

На сегодня это была уже третья операция, первая пришлась на час Черной Кошки, когда он, только успев закончить все свои ночные занятия и, естественно, не поспав, был вызван обратно в госпиталь по причине обрушения балок на складах у реки. К счастью, там были только ночные рабочие. К несчастью, все они оказались в дежурном Чистом Сердце. Этот был третьим.

Эреху было привычно держать оперируемых только краем себя, не погружаясь глубоко, потому что, все же, операция — это не то, что ты хочешь чувствовать в полной мере. Но сегодня он еле справлялся, все время то вываливаясь вовне, то, наоборот, ныряя глубже, чем следовало. Ментальная сторона человеческого организма или Мир-в-Душе, как называл его наставник Эгмар, любила шутить с не выспавшимися, измотанными целителями. Потому что первое правило целителя — спать. Не менее восьми часов. И мечты о светлом будущем в это правило никак не умещались.

Эрех вздохнул и опять чуть не рухнул внутрь. В незанятой части сознания промелькнуло недовольство собой. Юноша мысленно вздохнул и вернулся к своим делам: концентрации и подслушиванию того, что происходит в операционной. Было жутко интересно.

— Ножницы! — приказал ведущий хирург госпиталя, доктор Бак.

Требуемое легло в окровавленную ладонь.

— Пинцет. Да держите же вы, держите! Растяните края раны!

Раздался лязг и топот.

— Перекись!

Зачем им перекинься? Свободная часть разума продолжала осмысливать происходящее. Они еще не зашивают, слишком рано... Так зачем?

Грохот, раздавшийся сбоку, заставил Эреха вздрогнуть и чуть не потерять контроль. Это уже никуда не годилось. По крайней мере, когда он попал на Боятскую кампанию его даже близкие взрывы снарядов не могли выбить из положения. А тут? Позор!

— Идиот! Кривые твои руки! Ты что, не смотришь, что делаешь?! — это был кто-то из ассистентов, Эрах еще не успел научиться различать их голоса.

— Доктор Бак! Доктор! Смотрите! Он бледнеет! Его дыхание!

— Ах ты ж!.. Держи тут, держи! Что происходит? Ассистент!

— Это гемоторакс, — вмешался в крики чей-то спокойный низкий голос. — Травматический. Он же из-под завалов. Надо дренировать.

И только когда фраза отзвучала, Эрах сообразил, что голос был его. Мамочки!

Он зажмурился до цветных кругов под веками, кожей ощущая ошеломленную тишину. Все! Он больше никогда, никогда не будет нарушать заветов наставника Эгмара. Если его, конечно, после эдакого выступления оставят в госпитале...

— Шприц сюда! — рявкнул доктор Бак.

Эрах одним усилием перепуганной воли отрешился от происходящего и уцепился за лежащего на операционном столе мужчину, как утопающий за брошенную ему ветку. Лишь бы не выгнали! Лишь бы!

Сколько времени длилась операция, он не мог сказать. Не считал, боялся. Мало того, до последнего держал пациента, пока не вышли из операционного кабинета все участники действия и оставшаяся для транспортировки прооперированного в палату медсестра тронула его за руку. Только тогда Эрах решился приоткрыть один глаз. В конце концов, он не может прятаться тут до скончания века или, хотя бы, до вечера. И он мужчина! Он должен быть храбрым!

Ну, или пусть его речи спишут на обычные чудачества усталого целителя, который слишком глубоко залез в организм умирающего больного. А? Пожалуйста, пресветлая Наэма!

— А я тебе персиков поставлю, — шепотом посулил богине Эрах и высунул нос наружу. Вроде никого. Он на цыпочках проскользнул в коридор, намереваясь тихо сбежать, и тут...

— Как тебя зовут? — голос, раздавшийся сзади, был низким и хриплым. Эрах прекрасно его знал.

— Э... — его собственный сорвался. — Эрах... Эрах н-но-Тьен. Ээээ... Мастер хирург. Простите... простите меня... я...

Он подавился извинениями, потому что сзади раздались шаги и на плечо Эраху опустилась тяжелая мужская ладонь.

— Ты сегодня спас пациенту жизнь, Эрах. Ты знаешь это?

Эрах оцепенел. Ему показалось, что от усталости разум шутит с ним. Не может такого быть! Он же...

— Мне понравилось, что ты умудрился сохранить самообладание и способность к анализу, даже удерживая пациента. Это о многом говорит. Ты изучаешь медицину?

— Д-да... — кажется, это были не игры разума, а реальность. — Я прошел два года медицинского курса в Университете Маэдда Третьего, и еще полгода ходил вольнослушателем на кафедру хирургии...

— А практика? Ты когда-нибудь вскрывал настоящее человеческое тело?

Эрех подавился ответом. Нет, еще не...

— Нет, — он спохватился. — Но я тренируюсь на животных! Покупаю органы на рынке...

— Похвально, — доктор Бак обошел его, потянул за собой, приглашая пройти с ним по коридору. От такого шанса у Эреха в очередной раз зашло сердце. — Но тебе надо тренироваться на людях и ходить на вскрытия. Раз в неделю в Анатомическом театре проводят публичные вскрытия, бесплатно...

Эрех знал. Но день Собаки — день плановых операций в госпитале, и он не мог отказаться. А на платные вскрытия у него не хватало заработка. Если только совсем престать есть, даже купленные для учёбы внутренние органы коров и свиней...

— И обязательно вернись вольнослушателем в Университет, тебе это будет...

Им наперерез бросился человек в военной форме. Увлечённый беседой с великим мастером Эрех не сразу сообразил, что тот хочет. А военный, согнувшись в поклоне чуть ли не вдвое, вцепился доктору в рукав и зашептал что-то столь страстно и испуганно, что это было даже неприлично.

— Сердце...езде кровь...помощь... — слышалось ему.

Доктор Бак внимательно выслушал экспрессивную речь до конца и величаво кивнул.

— Но мне понадобится взять материалы и ассистента... — он на миг задумался, перевел взгляд на все еще стоящего рядом Эреха. — Мальчик, ты не будешь против проассистировать мне в одном важном деле?

Эрех в очередной раз за сегодняшний день подумал, что ослышался, но потом, сообразив, восторженно закивал головой.

Он разорится на целых три персика для пресветлой Наэмы!

Йон Рейке задумчиво стоял рядом со столом главного редактора «Эха Альмейры» Марва Онойки и смотрел, как тот уныло пялится в запечатленное в Глазу.

— Ну, что ж, для последней страницы сойдет. Возьму одну картинку. Вот эту. Три ляна.

— Э! — Йон аж поперхнулся от такой наглости. — Супруга купца Ллойсе, поставщика муки для королевской пекарни, изменяет тому на мужнином складе, а ты мне втираешь такую цену? Ты за кого меня держишь?!

Редактор набычился.

— Послушай, мастер Рейке, это, — он ткнул пальцем в Глаз. — Плохие картинки. Почему? Потому что, во-первых, мы не видим лица мужчины, только спину...

— Зато мы видим лицо женщины! И не только лицо, если между нами!

— Вот я и о чем — мы приличное издание...

— Давно?! — в это слово Йон вложил все свое ехидство сорокалетней выдержки.

— Не понимаю я твоих намеков. Дальше! — Онойка решительным жестом прервал открывшего было рот Йона. — Если ты хочешь повышенную ставку, приноси мне что-то увлекательное. Вот, если бы ее супруг ворвался в самый жаркий момент в этот сарай, вот тогда я бы дал десять!

Рейке мысленно застонал от масштабов упущенной выгоды.

— Но, все равно, поставил бы только на последнюю страницу. Потому что на первой полосе у нас таинственное исчезновение Читела Ойзо, единственного сына городского магистрата! Не тянет твой купец после таких сенсаций на что-то большее.

— В смысле?

Редактор, вместо ответа, протянул ему макет завтрашней первой полосы. На ней самым крупным из возможного шрифтом значилось «Кровавая трагедия! Смерть в павильоне на Розовой улице! Таинственное исчезновение тела!». Чуть ниже — и существенно меньшими буквами — излагалась суть новости. Утром пришедшая убираться служанка обнаружила, что павильон, в котором проживал тул Ойзо, пуст, все внутри перевернуто, а стены «залиты таким количеством крови, словно ее откачали насосом из тысячи человек».

— У твоего репортера что, кровавые галлюцинации? — поинтересовался Йон, пробежав глазами эту строку. А слог-то, слог!

Марв только оскорблённо поджал губы.

Как бы то ни было, но тело и вправду не нашли. В связи с чем магистрат Ойзо объявил награду в пятьсот лян за обнаружение местонахождения его сына и за раскрытие тайны его исчезновения.

— Страшные деньги, — редактор Онойка причмокнул губами.

— Страшные, — согласился Йон. — Только впустую он это все.

— Почему? — его собеседник встрепнулся, почував еще одну первую полосу.

Потому что лежит сынкино тело где-нибудь на дне Красного озера, с камешком в ногах, чтобы не всплыло, пока рыбки не объедят. Но так я тебе это и сказал, хмыкнул Йон про себя. Губу закатай, жмот.

— По тому, как гуси летят, — отбрил он Марва вслух. — Ты лучше давай мне мои законные пять лян и хватит тут вилять хвостом!

— Я сказал три!

— И последнюю страницу. Но, знаешь, ведь многие люди начинают читать газету именно с последней страницы. Сплетни, скандалы, некрологи...

Он многозначительно посмотрел прожжённому пройдохе в глаза и пошевелил пальцами. Так, как будто собирался кого-то придушить.

Редактор вздохнул и сдался. На всякий случай.

— Слушай, мастер Рейке а зачем тебе эти деньги, а? Просто ты так их собираешь...

Так я тебе и сказал, вновь улыбнулся Йон, пересчитывая мелкие купюры. Его мечта стала еще на пять лян ближе.

Место, куда они с доктором Баком направились в сопровождении военных, находилось в Верхнем городе, на холмах, и было так не похоже на те места, где Эрех обычно обитал: госпиталь Чистого Сердца, Синюю улицу и дома призрения на западном берегу реки Яблочной. В Верхнем городе цвели деревья, а широкие улицы вымощены не серым, а желтым камнем, который каждую неделю моют специальными щетками. Красивые дома в традиционном стиле блестели цветной лакированной черепицей, а за изящными заборами буйным розовым цвели азалии. И воздух, конечно же, был намного чище. Преобладающий в этой части столицы восточный ветер не нес сюда ароматы скотобоен, плавлен, кожевенных мастерских и бедняцких трущоб.

Другой мир.

Коляска остановилась в самом конце Розовой улицы, у аккуратного маленького домика, за оградой которого зеленели деревья Королевского парка. Только после того, как Эрех слез вслед за доктором на землю, прижимая к груди вверенный ему аптекарский саквояж и сверток с инструментами, он сообразил, что это за место. Знаменитый Розовый павильон, самый дорогой частный дом в городе.

Целитель разулся у порога, радуясь, что на прошлой неделе купил новые и пока еще целые носки, и стараясь даже дышать медленнее, чем обычно, проследовал вслед за доктором Баком во внутрь, уже предвкушая, как сейчас увидит те самые панели с изображением сюжетов из «Судьбы бессмертных» Кароля Линдэ, классической драмы великого поэта эпохи Первых Фаттихидов. По легенде, эти панели написаны были по заказу самого Линдэ, и изначально стояли у него в доме, на сгоревшей дотла вилле в Алессо.

В Розовом павильоне их всех действительно ждало ошеломляющее зрелище.

Золотистые шелковые ковры, затянутые золотистой бумагой, в тон коврам, перегородки и, главное, панели Кароля Линдэ, были щедро залиты успевшей свернуться и потемнеть кровью. Эрах замер, вцепившись в саквояж, как младенец в мать. Кровь его не пугала, но Боги... Хорошо, хоть панели лакированные, можно будет отмыть, мелькнула непрошенная, стыдная мысль.

— Боги мои! Мой эрл! Что здесь случилось! — полный неподдельной тревоги голос доктора вернул Эраха в реальность, в который раз за этот день.

Он моргнул и только тогда осознал, что в комнате они не одни, что в ней, в кресле у окна, сидит пожилой и белый, как мел, мужчина, а вдоль стен, переступая ногами в носках, мнутя, будто школьники перед наказанием, трое военных.

Мужчину Эрах узнал. Магистрат Мауве Ойзо, человек, железной хваткой державший весь город. Как поговаривали, в масштабах Альмейры он был много влиятельней даже кабинета королевских министров.

Седой, старый человек с растерянным взглядом. Который нервно потирает рукой область груди рядом с сердцем.

Доктор бросился к нему, и Эрах поспешил следом, стараясь ступать на чистые участки пола. Это было сложно. Создавалось впечатление, что кто-то, кто бы он ни был, обмакивал в кровь огромную кисть и размахивал ею из стороны в сторону. Или же кругами таскал по полу тело, из всех артерий которого струями била кровь. Скотобойня, а не дом.

Доктор Бак меж тем опустился на колени перед своим влиятельным пациентом, совершенно не жалея дорогого костюма, и принялся внимательно проверять пульс на обеих запястьях. Эрах пристроился рядом, послушно подавая требуемые материалы.

— Вы испытываете серьезное нервное истощение, — тихим голосом комментировал доктор свои действия. — Ваше сердце... вы на грани приступа, мой эрл. Это опасно. Вам надо перестать так беспокоиться...

Он осекся.

— Как я могу, — еле слышным шепотом пробормотал магистрат. — Как я могу... Вы же видите, мастер, что творится вокруг. Мой сын... что же я наделал... мой бедный маленький мальчик...

Стоящие у стены военные вновь в беспокойстве переступили ногами, как по команде. Эраху не надо было погружаться в них, чтобы чувствовать расходящиеся по комнате тонкие нити их испуга, напряжение нервной системы, страх на грани паники.

— Мой сын пропал, мастер... — ловкие руки доктора, серебряные иглы, запах прижиганий. — Как вы думаете, вся эта кровь... есть ли шанс, что он может быть жив?

Это вряд ли, честно подумал про себя юноша. При таком-то напоре и количестве.

— Я бы на вашем месте сейчас об этом не думал, — твердо, хоть и с почтением, ответил доктор Бак, и Эрах восхитился его профессионализмом. — Даже если случилось что-то страшное, вы, заболев, ничего не сможете с этим поделать. Как давно пропал ваш сын?

Полыхнула, поджигая траву в специальной курильне, спичка, воздух наполнился кружевами белого, ароматного дыма. Мелисса и майоран, определил Эрех. Успокаивают и отбивают запах крови.

— Сегодня ночью. Еще вчера вечером его однокурсники были с ним на вечерних занятиях, а потом он уехал и... Что здесь случилось, Боги... Столько крови...

Эрл Ойзо зашелся в приступе судорожного кашля, и Эрех, подчиняясь знаку, поданному доктором Баком, выхватил из саквояжа флакон зеленого стекла. Наверное, в нем вытяжка из боярышника и валерьяны, смешанная с ягнячьей травой, лучшее средство от болезней сердца и учащенного сердцебиения, ведущего к приступу. Эрех отсчитывал капли в серебряную рюмку и вспоминал все, что знает о сердечных приступах.

— Мне просто страшно подумать, что все, что у меня останется от моей семьи — это карточка моего сына, — произнес магистрат, когда кашель отступил.

Повел головой в сторону алтарного шкафчика у стены, где стоял серебряный отпечаток, с изображённым на нем большеглазым молодым человеком лет двадцати пяти.

Доктор и трое военных, как по команде, послушно перевели взгляд на картинку, склонив головы в вежливой печали. Только это позволило им не заметить, как побелевший Эрех, впившись глазами в черно-белое лицо пропавшего тула Ойзо, невероятным усилием остатков воли удерживается от падения в обморок и сжимает, до боли в пальцах, зелёный флакон с сердечным лекарством.

Спустя еще несколько часов, когда эрл Ойзо перестал терять сознание, когда доктор Бак сделал все, что надлежало сделать, а также милостиво разрешил Эреху вернуть его инструменты в госпиталь и даже предоставил выходной, — спустя все это время Эрех сидел на ступеньках, ведущих в закоулок к его дому, и горько, по-детски, рыдал над своей судьбой. Набрякшее тучами ночное небо хмуро разглядывало эту картину, потом, видимо подумав, решило добавить влаги, и теперь быстро усиливающийся дождь стекал по шее за шиворот.

За что?! Ведь этот день так хорошо, так многообещающе начинался! И какие силы понесли его ночью в Товайхо?!

Эрех вспомнил, какие, и зарыдал еще горше. Шансов у него не было. Хоть завали персиками храм Светлейшей, но она не заведует такими вещами. А молиться Рукокрылой бессмысленно — Эрех, худо-бедно, посвященный, такие как он не в ладах с Судьбой или Повелителем Случая. Он вытащил из кармана носовой платок, высморкался от души, поднял лицо к узкой полоске мрачного неба между крышами. В глаза тот час щедро плеснуло текущей с карниза водой.

Пришлось перестать рыдать, подняться и засобираться домой. Кое-как отжав успевшие напрочь промокнуть рукава и воротник тужурки, Эрех повернулся в сторону, в которую ему надлежало идти, и буквально носом уткнулся в две красочные афиши, наклеенные поверх стены, куда обычно вешали свои объявления мелкие торговцы, да владельцы украденных животных и сбежавших мужей. «Павильон диковин и чудес мастера Тулли», гласили плакаты, с которых Эреху улыбались и корчили рожи бородатая женщина, человек-змея и что-то, что никакими словами было не описать. А между ними чье-то объявление, начинавшееся со слов «поиск пропавших».

Пальцы у целителя дрожали, когда он подцепил край неплотно приклеенной афиши, и, оторвав, обнаружил еще слова. Поиск и возврат. Частный сыск и свидетельство в суде. Информация по вашему требованию. Забыв о слезах и страданиях, ломая ногти, Эрех судорожно выколупывал объявление из-под взявшихся коркой афиш Павильона мастера

Тулли. Кто бы из Богов это не сделал, но все же его услышали.

По возвращению домой Йон всегда проделывал одни и те же вещи. Снимал и аккуратно вешал на специально для этого приспособленного деревянного болвана костюм и котелок. Начищал туфли, чтобы они блестели, словно зеркало, и засовывал во внутрь скомканные листы «Эха Альмейры», которым там было самое место. Если день был удачным, как вот сегодняшний, доставал из тайника жестяную коробку и, предварительно еще раз пересчитав, укладывал в нее заработанные ляны, а на специально лежавшем поверх листке бумаге записывал изменившуюся сумму. Потом ужинал, постелив на стол вышитую кувшинками и стрекозами салфетку, и внимательно глядел перед собой, на стену, куда булавками прикрепил маленькую цветную иллюстрацию, еще больше укрепляясь в достижении мечты. После всего, умывшись, он укладывался спать, перед сном обычно анализируя прошедший день и составляя план работы на следующий, если работа имелась. Это был его ритуал, который он неукоснительно соблюдал последние семь лет.

Этим вечером ритуал прервали на этапе чистки зубов нервным стуком во входную дверь. Йон не имел ни малейшего желания кому-либо открывать, поэтому просто замер со щеткой в руке, ожидая, когда гость уйдет, но стук повторился. Прикидываться, что дома никого нет, смысла не имелось — из-за дождя пришлось оставить зажжённой лампу, и ее превосходно было видно стоящему снаружи. Мысленно обругав непрошенного гостя разными словами, Йон прополоскал рот от порошка и, прихватив с полки свинчатку от возможных сюрпризов, открыл смотровое окошко в двери.

На пороге, уткнувшись носом в решетку этого самого окошка, пританцовывало нечто, что он сперва принял за молоденькую девушку, по дороге к нему упавшую в большую лужу.

— М-мастер Рейке? — неожиданно густым баритоном уточнила девушка, и Йон сообразил, что его гость всего лишь мокрый, как мышь, молодой человек в возрасте около двадцати лет. Белокурые, без примеси золотистого или пепельного, волосы сияли в тусклом свете уличного фонаря, создавая иллюзию нимба вокруг его головы.

— Я, мастер Рейке, — подтвердил Йон. — А ты кто такой?

— Я? — юноша внезапно замялся, потом, видимо собравшись с духом и мыслями, выпалил. — Я хочу вас нанять найти человека.

— Десять лян, — привычно откликнулся Йон. — Аванса. Еще десять после обнаружения пропавшего. И по лян за день работы. Через неделю, максимум, дней десять, получишь результат.

За дверью задумчиво засопели.

— А кто у тебя пропал? Невеста, что ли, сбежала, э? — поощрил робкого клиента Рейке. Мало того, что приперся посреди ночи, так еще и стесняется!

За дверью что-то пробубнили.

— Чего?!

— Мне надо найти убийцу, — трагическим шепотом произнес клиент.

Йон на мгновение замер. После чего с грохотом закрыл окошко, тем самым давая понять, что разговор окончен.

На улице воцарилось ошеломленное молчание, потом, видимо, опомнившись, гость с силой забарабанил в полированные доски.

Перехватив свое оружие поудобнее, Йон рывком распахнул дверь и замахнулся свинчаткой. Пискнув, теперь уже совершенно по-девичьи, паренек на крыльце присел и

закрыв голову руками.

— Я не занимаюсь поиском убийц, — пояснил Рейке, глядя в огромные, как плоски, испуганные серые глаза. — А еще раз постучишь, руки сломаю.

— Пятьсот лян, — пропищали снизу.

Он замер. Потом фыркнул в ответ.

— Что? Откуда у тебя такие деньги? Ты что, казну ограбил?

— Нет, — парень завозился, вытащил из кармана сначала одну скомканную бумажку, в которой Йон опознал свое объявление, напечатанное в типографии «Эха» в качестве услуги от Марва, потом другую. В другой объявляли о награде в пятьсот лян за обнаружение тела пропавшего тула Ойзо и за раскрытие тайны его исчезновения. То самое объявление, которое утром будет на всех первых полосах всех городских газет.

— Жевал ты его, что ли... — брезгливо пробормотал Йон, пробегая глазами текст. — И при чем тут я? Или ты хочешь заработать, но не хватает мозгов самому решить задачку? И откуда в твоей истории взялось убийство, еще же ничего толком неизвестно? Может, этот папенькин баловень сейчас просто таскается по куртизанкам?

Все еще скорчившийся на пороге мальчишка вдруг отвел взгляд, помялся и тихим-тихим, как дождь, голосом, произнес:

— Потому что... я уже нашел... тело...

Полчаса спустя полностью одетый, в прорезиненном плаще и калошах, Йон стоял посреди потайной анатомической лаборатории, которую его клиент собственными силами соорудил в подполе рядом с ледниками на Синей улице, и озадаченно глядел в покрытое синяками, искаженное смертью лицо тула Ойзо.

Нового клиента звали Эрех но-Тьен, был он чистокровный аст — по крайней мере, чистокровный настолько, что иных примесей на внешности не отразилось — и служил штатным целителем в госпитале Чистого Сердца. А в свободное от работы время самостоятельно изучал медицину, потому что мечтал когда-нибудь из целителей переквалифицироваться в хирурги.

— Так ты доктор, — задумчиво констатировал Йон, все еще пристально разглядывая мертвое лицо младшего Ойзо.

— Я только учусь.

— Значит, доктор, — фразу клиента Йон пропустил мимо ушей. — А скажи мне, док, чего ты просто не признаешься, что нашел сынка, и не получишь свои полтысячи из рук безутешного отца?

— Я не могу, — просто ответил Эрех и сдернул пониже простыню, закрывавшую лежащее на столе тело.

Некоторое время Йон тупо пялился на аккуратный шов на покойном, стягивающий края длинного, характерного разреза от груди до лобка.

— Ты идиот? — на всякий случай уточнил он.

Клиент покраснел, но не отступил.

— А вы знаете, сколько стоит поучаствовать во вскрытии в Анатомическом театре? Пятнадцать лян за сессию. А купить тело у черных копателей — от сорока лян, в зависимости от свежести! Где я найду такие деньги? Я работаю по пятнадцать часов в день, у меня два выходных в месяц и я получаю за это всего лишь тридцать три лян! А тут... Это был мой шанс, понимаете?

Йон не понимал. Он смотрел на вытянувшегося на верстаке покойника и изо всех сил

пытался понять, но не мог. Мешал развитый инстинкт самосохранения.

— Рассказывай, — повелел он, желая разобраться не столько в деле, сколько в мотивах действий этого странного мальчика.

Клиент вздохнул, пристроил тощую задницу на пустом ящике и принялся рассказывать, глядя в пол и старательно выкручивая пуговицу на рукаве потертой тужурки.

Вчера после полуночи он возвращался из Товайхо к себе домой, и на опушке леса, недалеко от бывших прудов заброшенной еще в Магическую войну старой королевской резиденции, нашел человеческое тело. Это была редкостная удача, как раз потому, что раздобыть настоящее живое — тут Йон поперхнулся, — то есть мертвое и свежее тело для вскрытия ему действительно было не по карману.

— Обычно я покупаю органы у мясников на рынке, свиные там или коровьи, или маленьких поросят, или ягнят, и сравниваю их с рисунками в анатомическом атласе, — пояснил будущий доктор свои действия.

А тут такая удача подвалила, действительно. Приперев собственными силами — Йон даже поразился, на что способен сублильный парень, когда ему хочется работать ночами — труп в лабораторию, он всю ночь провел, ковыряясь в его внутренностях, чтобы на практике так сказать, выяснить, в чем разница между человеком и свиньей, и так ли человек похож на то, что рисуют в атласе. Собственно, если бы он не узнал, чье именно тело подбросила ему Судьба, он бы и не забеспокоился.

— И отчего он умер?

— А! Это очень интересно! — парнишка подскочил к верстаку, полностью откинул простыню. — Видите? Его, конечно, сначала били, а потом зарезали. Тут три разреза, один на бедренной артерии, второй — в правой подмышечной впадине и третий — слева на шее, от дуги аорты. Причем сделаны все одним движением, смотрите, как будто...

— Слева, направо, налево, — Йон взял со стола карандаш и резко, одним движением, нарисовал в воздухе восходящую зигзагообразную линию. Нога, подмышка, шея. Ровное движение руки. — Это уже что-то.

— Вы знаете как и чем это сделано? — восторгу в голосе Эреха не было предела. Вот же послали Боги кретина!

— К сожалению, знаю, — мрачно кивнул Йон, покатав карандаш между пальцами. — Это называется кошачий коготь, севрасский изогнутый нож с коротким внутренним лезвием. Его зажимают в кулаке, продев указательный палец в кольцо на рукояти, и режут так, как я тебе показал. Единственное, это существенно сокращает нам круг подозреваемых, просто так на улице когтем махать не научишься...

Перед мысленным взором Йона нарисовался образ убийцы. Замотанный в черное тряпье, с выбритыми и татуированными висками севрасский кот, нарезающий на ленточки сначала восторженного мелкого доктора, а потом и его самого. Хотя...

— Надеюсь, что речь шла просто о драке или мести, а не о заказном убийстве. Если ты точно уверен, что его сначала били. Потому что севрасские наемные убийцы не бьют. Иначе, мелкий, ты мне не только все вознаграждение отдашь, но и книжки свои подаришь.

— Мне двадцать один год и я не мелкий, — сердито буркнул Эрхе. — И я знаю, кто такие севрассэ, я просто не знал, как работают когтями...

Ишь ты! Севрассэ! Сопливое дитя подчеркивает, что он, Йон Рейке, варвар эдакий, коверкает язык его великой белобрысой цивилизации, которая уже один пес знает сколько веков лежит в пыльных руинах.

— И где ты их видел?

— В городской тюрьме. Я несколько лет назад работал несколько месяцев при допросной.

На некоторое время в подвале воцарилось молчание, в течение которого Рейке с возрастающим удивлением рассматривал нежное девичье личико малолетнего дока. С большими сюрпризами, однако, человек.

— Так, — подвел итоги Йон. — Ясно. Вернемся к нашему барану. Вернуть тело сам ты не можешь по понятным причинам. А почему ты не хочешь подкинуть его в морг или Анатомический театр, э?

— Я думал, — признался Эрех. — Но своими силами это невозможно. Театр и морги при госпиталях охраняются от кладбищенских воров, протащить его незамеченным не получится. И еще, самое главное, вы представляете, что сделает магистрат, если хотя бы заподозрит, что его сын был вскрыт в Анатомическом театре?

Рейке представлял. В его представлениях театр горел, причем вполне реальным, а не синим пламенем, а перед ним на ветру раскачивались тела всех, кто просто мимо прошел. Тул Ойзо был единственным и любимым сыном магистрата, так просто его смерть тот не спустит.

— Я решил, что единственная возможность избежать последствий, эм... моих действий, это найти убийцу. Потому что тогда никто не спросит, что конкретно случилось с сыном магистрата, так ведь? Если убийца найден...

Йон понимал. Он задумчиво разглядывал светящиеся в тусклом пламени масляной лампы оттопыренные ушки новоявленного клиента и видел куда больше, чем тот хотел показать. Например, старую тужурку, слишком свободную на тощем тельце, с надшитыми рукавами. Гербовые пуговицы срезаны, заменены на простые, из скорлупы водяного ореха. Светлые, по-астийски чистого оттенка, густые волосы когда-то были полностью сбриты и теперь отрастали, чтобы, скорее всего, вскоре быть сбритыми вновь. Сплошная экономия, одна десятая ляня в цирюльне раз в полгода. У астов на лице ничего не растет, а покупать бритву лишь для того, чтобы сбривать волосы на голове, парню сплошное разорение. Судя по весу, что у подзаборного кота, питается он плохо, в лучшие дни заедает воду картошкой, а в обычные просто водой обходится и ест то, что приносят из дома сердобольные санитарки. Благо внешность у него такая, будящая родительские инстинкты. Так и тянет подкормить и оттаскать за уши, паршивца.

А все, что зарабатывает, он тратит на свою мечту.

Йон Рейке знал, какова судьба таких храмовых посвященных. Лет в пять на очередной службе обнаруживается, что он избран кем-то из Богов в качестве сосуда, потом приезжает телега из конкретного Убежища, и мальчик навсегда покидает семью, переселяясь под холодные каменные своды. Там изо дня в день он моет полы и зубрит священные тексты, пока наставники розгами загоняют в него знания о ценности отпущенной благодати, да учат ею пользоваться. Годков через десять принявшего обеты ребенка выкидывают обратно, в большой и абсолютно чуждый мир, в котором он должен служить своей Богине, а как это у него выйдет уже не людям решать. И хорошо, что вот этот ребенок умудрился зацепиться в жизни, а не закончить ее на очередном поле боя, когда в госпитальную палатку попадает криво летящий снаряд.

Да, Рейке знал, каково быть таким мальчиком. Тридцать лет назад он сам им был.

— Значит, так, — задумчиво сказал он, поднимаясь со своего насеста. — Завтра ты что

делаешь, док?

— Ничего не делаю, выходной у меня.

— Просто замечательно. Тогда встречаемся у Восточных ворот в час Белой Собаки. Понял? С утра я еще кое-куда забегу по делам. И, кстати, давай-ка ты, плати мне аванс. А то знаю я вас, служителей шприца и клистира. Деньги-то хоть есть, э?

Деньги были, видать зарплату недавно получил. Отобрав у клиента десять лян мелочью, Йон сунул их в карман и направился к выходу из лаборатории, представлявшему собой вход в подпол прямым из той хибары, в которой жил непутевый целитель.

— А что же я есть буду? — растерянно донеслось вслед.

— А вот его и ешь, — хмыкнул Йон, кивнув на труп. — А если серьезно, то ты это, док, не вздумай больше кромсать тула Ойзо, э? Эй, ты слышишь меня, мелкий?

Грустный вздох был ему ответом.

За пределами города дождь, казалось, лил еще сильнее. Сплошные ровные струи, словно у Отца небесное ведро прохудилось. Человек в коляске натянул поводья, заставляя лошадь повернуть на малозаметную, поросшую травой дорогу, и поежился под тяжелой тканью непромокаемого плаща.

Лошадка наемной повозки неторопливо трюхала, опустив голову, а человек нервно оглядывал окрестности. Из-за погоды дорога, обычно светлая и солнечная, выглядела пугающе мрачной. Высокие, словно упирающиеся в набрякшее небо, стволы алмейрических кипарисов, казалось, все теснее и теснее обступают узкую колею. Человек почувствовал, как в его душу заползает страх. Он вдруг понял, что находится один, ночью, в лесу за пределами города и причина, по которой ему приходится тут быть, далека от законопослушной.

Но гнев и жадность пересиливали.

Огонек маленькой хижины показался, как всегда, неожиданно, словно сам зажегся в ожидании гостя, вот только облегчения не принес. Человек подъехал к покосившейся ограде, на которой мокли старые глиняные горшки, и некоторое время сидел, скукожившись и слушая, как капли дождя стучат о плотную парусину капюшона. Потом слез на землю, потрепал по морде наемную лошадку. Привязывать ее не стал, обученное животное никуда не уйдет и будет послушно ждать его возвращения.

Он прошел по тропинке к двери, увязая ногами в раскисшей земле, и постучал условным стуком. Раз. Потом два раза. Еще раз. Дверь отворилась, стоило затихнуть последнему удару.

Стоящий с той стороны порога человек, темный силуэт на фоне лампы, посторонился, молча приглашая войти. Длинные рукава его одеяния колыхнулись, как крылья готовящегося взлететь ворона. Гость, чуть помедлив, шагнул внутрь. Промокший плащ тоже делал его похожим на птицу, на гигантскую скукожившуюся сову. Дверь закрылась, оставляя снаружи тихий шум дождя.

Стоящая у ограды лошадка терпеливо ждала, когда тот, кто потащил ее в такую погоду прочь из города, выйдет из этого странного, покосившегося строения. А когда небо над лесом стало светлеть, а дождь — утихать, она неторопливо развернулась и побрела прочь, волоча за собой пустую коляску. Она умела не только ждать, но и возвращаться обратно в теплую конюшню. Самостоятельно, не дожидаясь, пока арендовавший ее человек вернется.

Глава 2. Старые связи

Ранним утром, следуя намеченному плану, Йон вытащил из-под кровати плетеный чемодан, из которого извлек сложенную вчетверо форму. Задумчиво разложил ее на кровати и, чуть помедлив, погладил рукой серую потертую ткань, восстанавливая в памяти забытые ощущения. Без знаков различия она ничем не отличалась от той, что носили служащие магистратов.

Ровно час спустя в дверь павильона у озера входил немолодой, подтянутый дознаватель, в холодных светлых глазах которого застыла угрюмая решимость всех построить и всем выдать, причем сполна. При виде него военные, охранявшие дом, вытянулись и склонили головы в молчаливом приветствии. Правильно, молодцы, ребята, небось важного человека сам магистрат прислал, надо быть почтительными.

Йон усмехнулся, задвигая перегородку и оставаясь один на один с произошедшим в доме. Все же, пусть и восемь лет прошло, а хватки и привычек он не утратил. И чего эти придурки тут торчат? Хотя, что это он, имело же место покушение на сына магистрата — то есть государственное преступление военной подсудности. Только вот опыта у этой подсудности...

Он остановился посреди разгромленной гостиной, оглядывая ее. Несомненно, помещение при жизни хозяина было уютное и жутко дорогое, вон, одни лаковые картинки стоят, небось, как пять столичных кварталов вместе с жильцами. Однако, обстоятельства смерти существенно все изгадили. Кровь залила золотистую бумагу и глянцевый лак, намертво впиталась в ковры. Мебель, низкая, в стиле Второй династии, была разбросана по всей комнате и переломана, словно тут метались два внезапно взбесившихся зверя. Маленький столик для приема гостей раздавлен в щепки. Часть крови на полу тянулась широкими мазками, будто бы размазанная гигантской кистью. И все это обзирал из инкрустированной эмалью рамки портрет покойника, брезгливо поджав губы. Аккуратный лакированный комодик, приставленный к комоду в качестве ансамбля домашний алтарь, на котором портрет и стоял, в ходе боя за жизнь не пострадали.

— И что же тут было, а? — спросил вслух Йон, обращаясь к портрету. — Придурок, ты меня слышишь, э?

Портрет, естественно, не ответил, и Рейке не оставалось ничего, как самому попытаться понять, чем же нарисована эта картина.

Кровь. Разбитая мебель. Синяки на лице и груди убитого, и три пореза на теле, нанесенные умелой рукой кота. И столько крови вокруг. Не вяжется.

Давным-давно Йону доводилось видеть, как работают севрасские наемники. Чисто. Тень, возникшая из ниоткуда, исчезала в никуда, оставляя после себя труп, и все. Поймать эту тень было невозможно, потому что только самый яркий свет способен отделить ее от порождающей тени ночи. А времени на такой свет у потенциальных жертв не было никогда. В этом ценность севрасцев. Прирожденные мастера ножа, что тут еще скажешь.

И, вдруг, политый кровью бардак. Что случилось? Покойник сопротивлялся? Смешно. Сопротивлялся он, как же! Нельзя сопротивляться тому, чего не видишь. Но у тула морда в свежих синяках, а, значит, убили его не сразу.

Йон покружил по комнате, внимательно глядя под ноги. Разбитый столик, среди щепок и лакированных обломков, вперемешку, фарфоровые осколки, размазанная еда, цветы.

Пришлось встать на колени, чтобы поближе разглядеть это месиво. Крошки печени и цветочный мед. Красное вино разлилось и впиталось в шелк, запах специй до сих пор силен. Стол был накрыт для свидания с женщиной, на деловые встречи с партнерами такое не подают. Йон развернулся к столику спиной, сел, скрестив ноги. Он был готов целых сто лян поставить, что отсюда все и началось. Отсюда, от лакированного столика со сладостями, окруженного десятками мягких подушек.

У Ойзо-младшего разбито лицо. Один удар пришелся справа, в губы, второй в левую скулу. И синяки по груди, мелкие, но частые.

— Ах, ты ж скотина! — сообщил портрету Йон, когда сообразил, чем конкретно занимался накануне гибели магистратов сынок. Он часто видел такие повреждения в далекой другой жизни, когда доводилось брать насильников. Так бьет, сопротивляясь, жертва, прижатая к земле тяжелым мужским телом. — Кастрировать тебя было мало, сучье ты вымя!

Ну что же, на Небесном суде его уже отпесочили как следует. И быть в следующей жизни сыну аристократа, в лучшем случае, безногим калекой. Боги за такие делишки мало не дают!

Сыщик встал и огляделся. Все верно. Жертва сопротивлялась. Вот почему так легла кровь. Перед смертью Ойзо бегал по комнате, то ли спасаясь, то ли пытаясь догнать убийцу. Последнее, конечно, маловероятно.

Интересно, кто она, эта несчастная? Вряд ли из общества, иначе шум бы уже подняли, да и где приличная девушка сможет связаться с севрасцем? А, значит, точно должен был ходить этот мальчик из хорошей семьи по борделям...

Насвистывая под нос, Йон завершил круг почета по комнате и остановился у нетронутого дракой угла. Алтарь венчала статуэтка Повелителя Быков, типичный выбор покровителя для мальчиков из чиновничьих семей, которым от мысли о служении посвященных делается мокро в штанах. Причем даже здесь поклонение хромало, вон и портретик стоит над статуэткой. Нехорошо.

Быстрыми, привычными движениями Йон распотрошил комод, выдвигая ящички. Сунул в нагрудный карман перевязанную розовой лентой пачку надушенных писем, в другой — стянутую простой бечевкой пачку счетов. Поковырял пальцем в фарфоровой баночке с духами. Запах был приятный и жить не мешал, стоят такие как три месячных дохода малолетнего дока. Подумав, он сунул баночку в тот же карман, что и счета.

Еще раз окинул взглядом композицию на алтаре и вдруг заметил, что в жертвенной чаше, из-под уложенных пирамидкой яблок, торчит голубой шелковый лоскут. Пришлось, предварительно извинившись, вытащить его наружу.

Это оказался маленький плотный сверток. Йон потыкал в него пальцем, пытаясь на ощупь определить содержимое, но тут за перегородкой раздались голоса. Он отчетливо различил слова «дознаватель», «магистрат», потом был вопль, и в тот момент, когда перегородка отъехала в сторону, Йон рыбкой выпрыгнул в окно, порадовавшись, что не стал снимать ботинки.

Привычно перекатился по земле, смягчая удар, и, вскочив, понесся напрямиком к забору. Фора у него была приличная, учитывая, что те два болвана у двери умудрились разуться из уважения к давно мертвому хозяину дома.

И точно, крики и шум ломаемых роз донеслись до него только после того как он взлетел на забор. Приземлился на ноги и галопом понесся в сторону парка, туда, где были щедро

расставлены чайные домики, павильоны проката лодок и прогуливались, никуда не торопясь, жители окрестных домов. Там у него был шанс затеряться, не то что среди фигурно стриженных кустов и ровных газонов.

— Лови его! — истошно заверещали ему вслед, и он припустил еще сильнее, радуясь, что за все прошедшие годы не набрал лишнего веса. Военные оказались не столь неповоротливыми, как он сначала подумал.

Петляя зайцем между цветущих азалий, Йон выскочил на посыпанные песком тропинки, и побежал, стараясь не слишком распахивать прохожих. Набитый бумагами карман неприятно хлопал по боку.

Сзади, с воплями, неслись военные. Отставать они явно не собирались.

Йон резко повернул вправо, где у прудов высились резные чайные домики, пробежал еще с десятков шагов и нырнул внутрь одного из них. Широко улыбнулся ошеломленной официантке, пересек зал и скрылся за шторой, отгораживавшей кухню.

Бодрые армейские ребята влетели следом буквально через несколько секунд.

— Да поймайте же мне его, идиоты кривоногие! — донеслось до Йона, и он остановился, внезапно узнав высокий, чуть истеричный голос.

Потом неторопливо вышел через заднюю дверь, за которой росли густые и живописные кусты сирени, и замер под стенкой чайной, в густой тени от тяжелых цветущих ветвей.

Ребята, как он и ожидал, окрестности осматривать не стали. Вылетели ласточками на задний двор и, пыхтя и продираясь сквозь сирень, понеслись дальше. Все, кроме одного, того, которого сама Судьба, похоже, решила вытащить из прошлого и сунуть Йону под нос.

Рейке подождал, пока отдалятся шум и топот, и тихо возник за спиной третьего из военных.

— Доброго тебе утра, Теон.

Тот подпрыгнул, резко развернулся и одновременно зашарил рукой по боку, нащупывая оружие. И только потом, узнав, замер.

Йон задумчиво разглядывал ошеломленного офицера. За прошедшие восемь лет Теон Делко изменился, отрастив усы, брюшко и полковничьи знаки различия.

— Йон?

— Я, — кивнул Йон, заложил руки в карманы и прислонился к стене. — Это меня ты тут ловишь?

Он кивнул в сторону убежавшей парочки. Не смог отказать себе в удовольствии поглядеть на вытягивающееся лицо бывшего знакомого.

Теон Делко все еще боялся его. Этот страх, тщательно скрытый под синей униформой, Йон чувал, как гончий пес. И, как всякий пес, не мог отказать себе в удовольствии чуть-чуть поиграть с испуганной жертвой.

— Что ты тут делаешь? — Делко быстро оправился от шока, взгляд его стал цепким. Увидел и форму, и то, что с нее давно срезаны все нашивки.

— Пытаюсь заработать пятьсот лян, если повезет. Ты же знаешь, что я везучий, — он усмехнулся, глядя в лицо бывшему приятелю.

Или нет. Никогда они не были приятелями, даже сослуживцами не были. Просто прежняя работа сводила его с разными людьми. Иногда вот с такими, как Теон Делко.

— А, предложение магистрата, — Делко досадливо поморщился.

— Оно самое. Ну-ну, старый друг, не делай такого лица. Я, как ты видишь, больше не получаю казенного жалования, так что приходится крутиться по мере возможности.

Йон улыбнулся, надеясь, что в этой улыбке достаточно и заискивания, и попытки его замаскировать остатками того, старого Рейке восьмилетней давности. Почему-то очень не хотелось, чтобы Теон догадался, что именно побудило его влезть в это дело.

— А что, думаешь, без шансов? — подбавил он дурачка, понизил голос до заговорщицкого шепота. — Или вы уже и вовсе всех нашли?

Делко поморщился.

— Да кого мы там нашли, даже тела у нас нет. Я вообще думаю, что, может, это не его кровь, а какой-нибудь девицы, которую он притащил поразвлечься, да прирезал ненароком. Сам понимаешь, на что способны порой эти богатенькие детки.

— Еще бы, — кивнул Йон, и подумал, что Теон-то сам был из богатеньких деток, вернее, мужей богатеньких деток. Иные в столичных полковниках в тридцать шесть редко ходят. Все больше капитанами остаются. — И больше ничего?

— Ничего.

— Печально. А я-то, понимаешь, обрадовался, когда тебя увидел, думал, может ты... Ну, понятно, э? — и снова улыбнулся той самой улыбочкой, которую так долго тренировал перед зеркалом.

— Извини, Йон. Сам понимаешь, служебная тайна...

— Да, да, — мелко закивал Йон. — Никуда не денешься. Ну, я тогда пойду?

— Иди, — милостивое разрешение, в глазах отблеск превосходства.

Йон прошел мимо, даже плечом не зацепив, но, через пару шагов его окликнули.

— Эй, Рейке!

— Чего? — он обернулся, Делко стоял на том же месте, с многозначительным, по его мнению, лицом, и властно протянутой рукой.

— Верни, то, что взял.

Йон изобразил на лице сначала удивление, потом досаду пойманного за руку мелкого взяточника, потом сунул руку в карман и послушно кинул Теону фарфоровую баночку с духами.

И пока тот недоуменно ее разглядывал, растворился в кустах сирени.

Место, где Эрех нашел тело, так и осталось нетронутым. Высокие деревья кольцом окружали небольшую круглую поляну, спускавшуюся к заросшим ряской королевским прудам. На той их стороне виднелись развалины заброшенной резиденции.

— Жутковатое, должно быть, местечко, ночью-то, — высказался мастер Рейке, когда они, наконец, до него добрались. — А еще и в дождь... Не страшно было одному тут слоняться, а, мелкий?

Эрех недовольно передернул плечами. Во-первых, его раздражало это обращение, потому что он и так знал, что ростом не вышел, и вовсе не обязательно все время его в это тыкать. А, во-вторых, ему, конечно, было страшно. Но не было выбора.

И не признаваться же в этом!

— Я тело тут нашел, — образованные люди не заостряют внимания на таких вещах, поэтому на подначку он не ответил. — Лежал он вот так, навзничь.

Эрех быстренько брыкнулся на спину, раскинул руки и ноги наподобие морской звезды. Поморгал, глядя в небо. В небе плотной стайкой собирались комары, привлеченные, не иначе как его, Эреха, присутствием.

Мастер Рейке, меж тем, неторопливо обходил место преступления вокруг, пристально

вглядываясь в землю.

— Так и лежал? — уточнил он, спустя пару минут.

— Ага.

— Понятно, — снова молчание, потом вопрос. — А одежда на нем была? У тебя-то он в одной простыне.

На веко сел комар и кровожадно облизнулся. Эрех замахал на гнусную тварь руками, потом приподнялся на локтях и обнаружил, что сыщик больше не обращает на него никакого внимания, стоит спиной и задумчиво смотрит в зеленую гладь пруда. Пришлось вставать.

— Ничего на нем не было, — ответил юноша, отряхиваясь, и отмахиваясь от алчущих его крови насекомых. — Только подштанники.

— Так я и думал.

Эрех потоптался некоторое время на месте, разглядывая широкую спину сыщика, потом, решившись, подошел и встал рядом. Попытался понять, что же так его привлекло. Руины, конечно, живописные, но...

Над ухом упрямо звенели комары. Эрех шлепнул одного, пристроившегося на щеке, и не выдержал:

— О чем думаете?

— А? — Рейке обернулся. — О чем? Да вот... Пытаюсь понять, зачем было тащить тело из города аж сюда, и бросать его просто так валяться на открытом месте, когда тут такие замечательные, полные всякой дряни пруды? Ты глянь на эти болота, его же здесь никто бы никогда не нашел, надо было лишь камень потяжелее выбрать. В чем смысл, э? Не нравится мне все это...

Эрех старательно подумал над сказанным. Действительно, если убийца знал, чьего сына он убил, разумнее было бы скрыть факт убийства, утопив тело. Или, если ему надо было, чтобы Ойзо нашли, оставил бы просто там, где убил.

— Верно говоришь, — Эрех осекся, сообразив, что мыслил вслух. — Каким-то образом он вывез труп сюда и бросил его так, чтобы парня гарантированно нашли. Конечно, можно подумать, что ты спугнул убийцу именно в момент, когда он собирался тула утопить. Но, зная севрасцев, думаю, он бы и тебя рядом уложил, если бы видел, что ты рядом топчешься. Ты чего зеленеешь, э?

— Ничего, — просипел Эрех, только сейчас сообразив, как сильно рисковал. Его обдало жаром. — Душно просто.

— Да-а, после дождя парит просто зверски, — сочувственно покивал мастер Рейке. — Так что вряд ли он не смог. Я думаю, он хотел, чтобы его нашли. Только кто и зачем? Что такого в этих местах? Кроме живописных развалин?

Он широким жестом обвел окружающее их пространство. Полное отсутствие подлеска, который не выживает в тени высоких кипарисов, толстый слой иголок на земле, редкие, бледно-голубые колокольчики, которые в народе называют «девичьими». Только у прудов, выложенные камнем берега которых поросли густым зеленым мхом, буйно растут папоротник и одичавшие ирисы. Да на той стороне, среди развалин, еще сохранились старые, кряжистые, при Второй династии посаженные клены и ясени.

— Тут редко кто бывает, — подвел итог растерянный Эрех и прихлопнул очередного комара. — Дорога недалеко, но с нее же не увидать ничего.

Если не сокращать путь из Товайхо до столицы, как это обычно делал он.

— Именно! — Рейке поднял вверх указательный палец, подчеркивая важность этого

вывода. — И, все же, наш убийца притащил и бросил тело именно тут. Жаль, следов не найти, на этой хвое ничего не отпечатывается. И мы должны понять, зачем. Пойдем — дальше нам будет легче.

Он развернулся и хлопнул Эреха по плечу, приглашая следовать за собой. От силы его руки Эрах пригнулся.

— Пошли, мелкий. У меня еще есть несколько вопросов, на которые нам сегодня не мешало бы найти ответы.

Теон Делко задумчиво смотрел в окно своего кабинета. За его спиной переминались адъютанты, два идиота, не способные никакой проблемы решить.

— Отправлю на границу, чистить сортиры, — процедил он, прерывая тягостное молчание.

Полковник Делко был зол. Встреча в Королевском парке перечеркивала все его планы. Менее всего он рассчитывал, что в расследование смерти тула Ойзо ввяжется этот сукин сын Рейке.

— Надеюсь, вам хоть что-то удалось узнать, — он обернулся и вперил в подчиненных тяжелый взгляд.

— Да, полковник! — хором рявкнули оба, и Теон поморщился.

Про себя он давно звал их Правая и Левая. В жизни они были его лейтенантами, Михе Рои и Тарьен Сола. Оба достаточно умны, чтобы не болтать о происходящем в штабе командования и достаточно глупы, чтобы не замечать отдельных вещей. К сожалению, иногда эта глупость его подводила. Как вот сегодня, когда они пропустили в жилище убитого Ойзо-младшего вездесущего Йона Рейке.

— Так рассказывайте, что замерли, — буркнул полковник.

— Он ушел со службы восемь лет назад, — начал Рои. — Причину увольнения мне узнать не удалось.

Теон припомнил дождливую ночь и узкую, мощеную улицу, зажатую между двумя рядами одинаковых домов.

— Я ее знаю, так что не стоит уделять этому излишнее внимание, — прервал он Михо. — Что там дальше?

— Год пропал неизвестно где, — это уже Тарьен. — Потом вернулся в Альмейру, поселился в домике на окраине Северных кварталов. Живет один. Семьи не завел. Любовниц нет. Иногда ходит в заведение матушки Катрионы. Это все.

— Все? — уточнил Делко, приподнял брови.

— О личной жизни, полковник! — вновь сорвался на крик Рои. Они его боялись. Знали, что стоит чуть-чуть прогневить начальство, и оно быстренько отправит их куда-нибудь вроде Боятских островов, откуда крайне затруднительно вернуться живыми. — Еще есть профессиональная!

— Тогда чего молчим?!

— Зарегистрировался в магистрате семь лет назад, получил лицензию сыщика с правом свидетельства в суде, — отрапортовал Рои. — Занимается, преимущественно, супружескими изменами, проверкой кандидатов в мужья и поиском мошенников. Несколько раз брался за пропавших людей. До позапрошлого года сотрудничал с городской тюрьмой по поиску и возврату беглых преступников, но потом сотрудничество прекратил по собственной инициативе, хотя начальник тюрьмы до сих пор ждет, что он вернется. Также периодически

оказывает услуги адвокатской конторе Эрайнао-Фосса. Цены берет умеренные. Жалоб в магистрат на него не поступало. Это все.

— То есть, это официальная информация, так? — медовым голосом уточнил полковник. Правая и Левая синхронно кивнули, забыв, что они в армии.

— Идиоты! — чернильница описала дугу и врезалась в стену позади вздрогнувших адъютантов. На белой извести расплылась гигантская клякса, вниз потекли черные ручейки. — Мне не нужна официальная! Мне нужна другая! С кем он спит! С кем пьет! Кому давал взятки, кого бил, кого запугивал! И не врите, что он этого не делал!

Оба помощника сравнялись цветом лица с бумагой.

— А, теперь, марш отсюда и не возвращайтесь, пока не найдете что-то, что мне пригодится! — страшным шепотом прокричал Делко, и парочку как ветром сдуло. Полетевшая вслед за чернильницей книга воинского устава врезалась в закрывшуюся дверь.

Проклятые недоумки!

Делко схватил со стола стакан, намереваясь послать его вслед книге, но замер. Вдохнул и выдохнул, пытаясь усмирить разбушевавшуюся ярость. Не дело это, так поддаваться ненависти.

А Йона Рейко он ненавидел всеми фибрами своей души. С самого из знакомства. Ненавидел, потому что знал его. И понимал, что даже движимый всего лишь жаждой получить объявленное тупицей магистратом вознаграждение, Рейке не остановится, пока не выкопает все, что только касается этого дела. Потому что плохо работать он не умел и никогда ничего не делал спустя рукава.

Псу можно перебить ноги, но он все равно не разожмет клыков на глотке врага.

Полковник с отвращением посмотрел на кляксу на белой стене. Разжал сжимающие стакан пальцы, поставил его на стол.

В дверь постучали.

— Открыто, — буркнул он

На пороге возник курьер в серой форме магистрата.

— Полковник Делко? — уточнил он, пристально глядя на Теона.

— Я. Чего надо магистрату? — недовольно ответил полковник.

— Его сиятельство городской магистрат эрл Ойзо, — курьер на тон внимания не обратил, — прислал вам сообщение. Полчаса назад на дороге к Товайхо было найдено тело.

Стакан ударился о стену и брызнул в стороны сотней осколков.

В этом доме за высоким забором всегда царил полумрак, словно день отказывался заглядывать за плотно закрытые ставни. Полумрак, разгоняемый сейчас только пламенем бесчисленных свечей. Поднимался кольцами ароматный дым множества курильниц, оплетая бумажные фонарики, которые раскачивались под потолком. Йон видел его свечение, опаловые переливы, подкрашиваемые синеватым дымком из тонкой трубки, зажатой в тонких пальцах. Сахарное печенье на лакированном столике, дорогой чай в фарфоровых чашках. По внутреннему краю чашки косяком плывут алые рыбки, плещут хвостами, ныряя в золотую чайную глубину. За бумажными перегородками, в конце бесконечного коридора, журчат струны цимбал.

Все вокруг текло, все извивалось и уходило в слоистый мрак под потолком, такой же непроницаемый, как темные глаза женщины, полулежавшей напротив Йона, на низком диване среди груды бархатных подушек.

— Послушай, Кат.

Йон сидел на одном из многочисленных низких табуретов и задумчиво вертел в руках пачку писем, перевязанных ленточкой.

Женщина чуть приоткрыла длинные веки, блеснув белками глаз, в этой темноте казавшихся синеватыми. Ровные белые зубы покусывали янтарный чубук длинной трубки.

Она не станет отвечать, пока он не задаст прямой и конкретный вопрос. Но и тогда ему потребуется уйма усилий, чтобы ответ на него был хотя бы чуточку вразумительным.

Эта игра длилась не один год, она была привычна, и привычно же раздражала, но только деваться Йону было некуда. Попробуй еще найди такого информатора, как матушка Катриона, хозяйка самого большого, дорогого и закрытого борделя всего Альмеррайда.

— Мне сейчас очень важно узнать хоть что-то о том, как и чем жил Чител Ойзо. Пожалуйста. У меня действительно нет на это времени.

Привычная уже партия. Которая сегодня началась с того, что Йон в подробностях изложил историю появления у него в клиентах Эреха но-Тьена. В принципе, этого его не беспокоило. Катриона ни разу ни слова никому не рассказала за все время их знакомства. Она умела молчать, как никто.

— В прошлый раз, — сейчас она говорила неторопливо, голос смешивался с дымом курильниц, — помнится, мы расстались немного нервно.

— Кат, — Йон опустил глаза, покрутил ленточку в пальцах. — Я забыл извиниться. У меня не было времени. Поэтому.. прости меня. Прости, что я тогда не выдержал и накричал на тебя.

Бархатный смешок был почти физически ощутим, всей кожей.

— Дорогой мой страж, вы и выдержка — понятия несовместимые. Но я простила вас. Вы тогда были так расстроены, ведь преступник практически ушел от вас.

Боги, пошлите смирения.

— Все равно это не причина, чтобы кричать на женщину. Поэтому я еще раз настоятельно прошу у тебя прощения.

Катриона фыркнула, протянула руку и изящным движением положила трубку на край серебряного блюда. Сквозь густые пряди упавших на лицо волос блеснули темные глаза. Они сияли, мягко, как черные бриллианты с глубоко запрятанной золотой искрой. Длинные ресницы опустились, погружая искры в беспросветную ночь.

Танец соблазна, в котором каждое движение выверено до бритвенной остроты.

Невероятная женщина. Драгоценность, мечта. Мужчины всего королевства готовы голыми ползти за ней по улицам, лишь бы она только взглянула. По крайней мере, Йон точно знал двоих, кто это сделал.

— Понимаешь, Кат, ты единственная моя надежда. Я думал, когда забирал сегодня вот это, — он указал на пачку писем, которые по прежнему держал в руке, — что они помогут мне узнать кое-что о личной жизни тула Ойзо. Они помогли. Это не его письма. Это чьи-то письма, к совершенно постороннему человеку. И я хочу понять, что это значит.

Катриона неотрывно смотрела на него.

— Это будет сложно, — отметила она, но Йон не позволил сбить себя с мысли.

— Я просто оставляю их у тебя. Понимаешь... если это то, о чем я думаю, то речь идет о шантаже. Это проклятое дело, похоже, разрастается с каждым часом, и я не уверен, что обещанных денег хватит, чтобы компенсировать то, во что я влез. Больше всего меня сейчас, почему-то, пугает мысль, что покойник мог быть шантажистом. Это немного слишком для

магистратского сына, тебе не кажется?

Она неторопливо поднялась и села, поставив ноги на пол. Узкие, идеальной формы ступни утонули в шелковом ворсе ковра. Переставила чашки с чаем. Движения были бесцельны и бессистемны. Йон положил письма на край стола и продолжал говорить.

— Я не могу привлечь к себе внимание магистрата, Кат. Я-то выживу, меня все еще никто не тронет, а пацана сожрут, ты прекрасно это понимаешь. Поэтому я прошу тебя, не молчи. Если ты что-то знаешь, что поможет мне разгадать загадку, я буду очень тебе благодарен.

— Йон, — она оборвала его речь. — Эрл Ойзо никогда не прикасался ни к кому в этом доме. Немного чиновников в этой стране, о ком я могу такое сказать.

Йон помолчал, потом кивнул и тяжело поднялся. Ноги затекли.

— Но письма я все же оставлю у тебя. Попробуй узнать, кому они принадлежат.

Он повернулся и направился к двери, надеясь не споткнуться о разбросанные по полу подушки.

Она остановила его, когда он коснулся створки двери.

— Обернись! — голос был злой и отчаянный.

Йон, помедлив, послушался приказа.

Катриона сидела на низком диванчике и бархат сброшенного платья стекал на пол. Сочетание огня и тьмы обрисовывало идеальное тело обнаженной женщины.

— Неужели здесь нет ничего, чтобы остаться?

Это тоже было частью игры. Двадцать лет, что они друг друга знали. Исключением был лишь тот год, который он провел здесь, в маленькой каморке в подвале, в состоянии более животном, чем человеческом. Лишенный всего.

— Прости...

— Восемь лет прошло, восемь! Ты уже не можешь ей изменить!

— Прости.

— Ты так ее любил?

— И всегда буду.

Он отвернулся и снова взялся за ручку двери.

— Эрл Ойзо никогда не прикасался ни к кому в этом доме! Но он приходил ко мне, три года назад. Приходил, чтобы попросить принять его сына. И заплатил мне три тысячи лян полновесным золотом, как будто мы были персонажами древней пьесы.

Йон молчал, ожидая продолжения.

— Я приняла его сына лично, как он и просил. Но Чител Ойзо не смог. А в этом королевстве очень мало мужчин, которые бы не хотели меня, Йон. И еще меньше тех, которые бы испытывали отвращение ко мне. И, поверь, я не желала бы знать причину этого отвращения.

Йон открыл дверь и вышел.

Глава 3. Обратная сторона столицы

В каморку к Эреху он вернулся уже поздним вечером. Сначала долго бродил по улицам, выветривая аромат благовоний Красной улицы, потом, обнаружив себя аж у Северных ворот, пешком добирался домой, чтобы переодеться в гражданское. Одним словом, когда Йон подошел к Синему кварталу, небо над головой уже окрасилось в густые цвета ставень на окрестных домах.

Эреха он обнаружил в его подземелье, за столом, в окружении крепости из справочников, разваливающихся тетрадей, каких-то пробирок с ретортами и дешёвой коптилки, притворявшейся лампой. Пробирки все были как одна с отбитыми краями, так что не составляло труда догадаться, где нищий бывший студент их наскреб — повытаскивал из мусорных баков вокруг своего же госпиталя.

— Ну, разобрался, что там такое было, в свертке? — с порога поинтересовался Йон.

— Подождите, — неразборчиво пробубнил Эрех, не отрывая покрасневших глаз от плоски, в которую что-то капало из хитрой стеклянной конструкции. — Еще минуточку.

Йон ухмыльнулся и принялся прогуливаться по импровизированной лаборатории, разглядывая интерьеры. В принципе, усилия, с которыми Эрех ее соорудил, заслуживали, как минимум, уважения. Чем-то это место напоминало лавку старьевщика, поскольку не обремененный деньгами парень стаскивал сюда все, что хоть отдаленно могло послужить его целям. В итоге, вместо книжных шкафов вокруг громоздились поставленные на бок винные ящики, заполненные книгами, отправленной в утиль битой медицинской посудой, банками и бутылками с какими-то жидкостями, порошками и анатомическими препаратами. Йон остановился перед укупоренной емкостью, где в желтой жиже плавали чьи-то легкие, поскреб пальцем пыльный стеклянный бок.

— Нашел! — радостно возвестил Эрех и взмахнул пробиркой, как гвардеец полковым знаменем.

— Ура, — согласился Рейке и подошел к столу. — Ну, что это за ерунда такая?

— Я не знаю, — не снижая градуса счастья ответил целитель.

Йон приподнял брови и пристально поглядел в восторженные серые глаза.

Эрех смутился.

— Вообще, это порошок белого мака, смешанный с порошком из семян дурмана побережного и с чем-то явно искусственного происхождения, что я не могу определить. Никогда такого не видел. Я три часа потратил, отделяя это от остальных составляющих. Единственное, что знаю — оно хорошо растворяется в горячей воде и эфире. В холодной воде просто выпадает в осадок и все.

— Дурман побережный — это черная дурь? — уточнил Йон и отобрал пробирку, на дно которой лениво оседали белые хлопья.

— Да.

— Интересно, — он покрутил пробирку перед светом коптилки, потом понюхал.

Сквозь типичную вонь кислятиной еле пробивался сладкий, ни на что не похожий душок.

— Интересно...

Док подпрыгнул на стуле.

— Что — интересно?

— Ты был когда-нибудь в чумных домиках? — Йон на вопрос не ответил, всунул пробирку в докторскую лапку и повернулся к столу спиной, разглядывая красочную обложку анатомического атласа. Такой не меньше пятидесяти лян стоит.

В голове бешеными кроликами скакали мысли. В довесок к тому, что покойник вполне мог оказаться насильником и шантажистом, стоило прибавить еще и наркотики. Что ни день, то чудо. Йон заскрипел зубами.

— Я что, похож на идиота? — возмущенным баритоном отозвался Эрех.

— Ну, может, целительский долг заносил... В конце концов, был же ты в тюрьме, хоть по твоему виду и не скажешь, — усмехнулся Рейке.

— Не заносил, — целитель надулся. — И вообще, ненавижу чумных и всю эту... коммерцию.

Сказано было брезгливо, с омерзением в голосе.

— Это плохо. В жизни стоит интересоваться не только строением человеческого тела, — Йон не выдержал, стащил атлас с полки, тот послушно распахнулся на странице с изображением кровеносной системы. — Ты вообще знаешь, как организуется дело в таких заведениях?

Мелкий за его спиной покачал головой, потом спохватился, что Йон его не видит, и сказал вслух:

— Нет.

— Довольно просто. Существует два направления поиска клиентуры: дешевое и дорогое. Дешевое — это как раз черная дурь, ее легко сделать самостоятельно, достаточно собрать семена, смолоть с водой или там поджечь, и наступает счастье. Другое дело, что ей легко отравиться, разрушение тела наступает за погода, а чердак перекашивает так, что... — Йон вспомнил дождливый вечер в портовых доках Асталота, выпученные в эйфорическом бреду глаза и остро заточенный топор. Плечо от воспоминаний привычно заныло. — Одним словом, очевидной любовь к дури становится быстро, такое не спрячешь. Но, тем не менее, есть такие чумные домики для бедных, где их собирают по несколько человек, усаживают в кружок, ставят посередине курильницу с тлеющими семенами, а все окна и щели затыкают мокрой кожей. Видел когда-нибудь, что в таких случаях бывает? Нет? Тебе очень повезло, мелкий.

Например, когда компашка из двенадцати моряков нанюхалась до групповой оргии, объектом которой стал малолетний бродяжка, отловленный ими на улице. Тогда Йон понял, что фраза «затрахать до смерти» может иметь вполне буквальное значение. Или группа уличных торговцев, которым привиделось, что на них нападают насекомые и лезут под кожу. Того единственного, кого нашли живым, пришлось привязать к тюремной койке ремнями, придурок все пытался проскрести себе голову при помощи вилки, чтобы освободить застрявших в голове тараканов. Остальные в этом деле преуспели гораздо больше.

— Я не знаю, пишут ли это в твоих книжках, док, но у дури есть одно забавное качество — если нанюхаться ее в группе, то и бред будет один на всех. Странно, но с раствором так не бывает. Поэтому торговля дурью всегда рассчитана на бедняков, полляна с рыла, полгорсти семян, комнатка, которую можно закрыть снаружи, когда обкуренные начнут беситься, и по пять-семь потоков клиентов за ночь. Я даже видел умника, который соединил десяток таких комнаток одной трубой и пускал дым от общей курильни, экономист... Но с дури, как я уже сказал, быстро сходят с ума. С богатыми это не нужно. Богатые обычно готовы платить, а

если у человека есть деньги, выгоднее тянуть их из него так долго, как только можно. И здесь нужны две вещи: чтобы клиент быстро привык и не мог без наркотика, и чтобы было за что эти деньги просить.

— Например, белый мак, — задумчиво произнес Эрех.

Йон кивнул, не отрывая взгляда от страницы с детальным изображением сердца в разрезе.

— Белый мак в этом деле идеален. Редкое, веками проверенное средство. Приучить к нему клиента можно за один раз, а жить на нем он будет не менее десяти лет. Растет только в предгорьях Северного хребта, везут его аж из Тилеи, да с недавних пор еще и в медицине используют, что, вроде как, гарантия качества.

Эрех буркнул что-то неразборчивое, Йон понимающе улыбнулся. Морфин, вещество, добываемое из белого мака, недавнее открытие какого-то тилейского коновала, впервые поставило под вопрос необходимость кормить и содержать детей Наэмы при госпиталях. И даже если белый мак еще не научились выращивать вне полей под Северным хребтом, само открытие существенно повлияло на заработки целителей. Экономия она такая, ей только дай предлог, пусть и призрачный.

— Но есть еще одна особенность. Богатые любят экзотику. Курить один только мак им скучно, они разнообразия хотят. Отсюда и контрабанда коры боятского падуба, и синий пещерный гриб, и настойка на стручках степного бархата, и небеса знают, что еще. Вот это, док, настоящая сокровищница, неиссякаемый источник золотишка. Есть даже подпольные лаборатории, где все это мешают и выдумывают. Лет пятнадцать назад один придурок решил, что в мозгу человека есть какие-то вещества счастья и начал готовить экстракт, — Йон поморщился, вспомнив те невеселые полгода. — Фокус был в том, что мозг он вытаскивал из живого человека, предварительного напоенного настойкой пещерного гриба. Или повальное увлечение ушастыми лягушками, которых возили контрабандой с самого Эфеса, потому что они, якобы, выделяют какую-то очень веселящую слизь. Представь, что местная элита платила по сто лян за право разок облизать лягушачью задницу. Одним словом, зачем я тебе это рассказываю...

Йон вернул атлас на полку и обернулся.

— Вы хотите сказать, что вот это, — Эрех кивнул на пробирку, — очередная экспериментальная идея?

— Угу.

— То есть тул Ойзо, сын магистрата... — парнишка мысль не закончил, но выражение омерзения на его лице говорило само за себя. Он действительно ненавидел наркотики.

Интересно, почему? Что здесь причина, а что следствие?

— Богатенький сынок, что ты хочешь.

— Но... Но я не нашел никаких видимых следов приема наркотиков. Он был прекрасно развит, сильная мускулатура, жировая прослойка достаточная для человека, привычного к физическим упражнениям и хорошему питанию. В книгах по анатомии это называют «мужественное тело». Классический образчик. Правда, есть первые признаки грядущего увеличения печени, но они встречаются у многих представителей высшего общества, предпочитающих вино воде, — ничего не понимающий Эрех заморгал. — Чумные же, прежде всего, теряют аппетит и интерес к выпивке.

— Значит, увлекся не так давно, делов-то, — Рейке хмыкнул, все же док был по-детски наивен. — А до этого были другие увлечения. Кстати! Ты, когда его потрошил, не заметил

ничего женственного на его мужественном теле?

— Вы о чем? — Эрих оторопел и часто-часто захлопал длинными ресницами.

Йон поглядел на крайне растерянное личико и его решительный ответ пошатнулся под тяжестью смутного сомнения.

— Гм... Судебные медики называют это сглаживанием складок прохода под воздействием неестественных актов. А магистратские кличут таких мужчин устрицами.

Мелкий сначала не понял, заморгал чаще. Потом до него дошло.

Густая алая волна залила целительские щеки.

— Вы...В-вы... — тоненько проблеял Эрех, язык у него отнялся.

— Мальчик, ты ж врач! Откуда такое смущение? Да ты бабу-то голую хоть раз живьем видел, э? — Док покраснел еще больше, оттопыренные уши пламенели рубинами, прям хоть свечи зажигай. Йону стало одновременно смешно и совестно. — И зачем я спросил? Забудь про бабу. Может, тебе водички дать попить, ты же сейчас в обморок грохнешься.

— Н-нее... не надо, — парень шумно выдохнул, пытаясь взять себя в дрожащие руки. — Нормально там все было. Никаких... сглаживаний.

— Значит нет, — задумчиво ответил сам себе Йон, имея ввиду теорию, возникшую после прощальных слов Катрионы. — Но он мог и не быть нижним... Тогда почему его не интересовали женщины?

Он осекся под отчаянным взглядом юноши, хмыкнул.

— И как тебя такого, трепетного, брать с собой по чумным притонам, э? — добродушно спросил сыщик.

Эрех от упоминания притонов востепенел. И волнение тут же прошло, надо же. Смешной парнишка.

— Меня? А зачем?

— Для прикрытия. Меня с моим лицом точно никто не впустит, если же я приду не один, будет больше шансов.

Ту часть, в которой упоминалось, что признак одного порока часто открывает двери для другого, Йон опустил. Опасался, что если док узнает, чем он так хорош для прикрытия, то забьется под стол и забаррикадируется там стульями.

— Так как мы нужный найдем? Их же полно по городу, нам одной ночи не хватит. А мне завтра с утра в госпиталь на работу.

— А мы и не будем обходить все, — сыщик вытащил из-под наваленных на стол книг голубой лоскут, в который был завернут порошок из дома Ойзо. — Во-первых, у нас уже есть пропуск, не думаю, что кто-то взялся кромсать дорогой шелк лишь потому, что бумага закончилась. А, во-вторых, нам надо найти только один конкретный домик среди домиков для богатых. Тот, в котором и мешают это дерьмо.

— Думаете, это недавнее изобретение?

— Конечно. Иначе я б уже знал.

Эрех недоверчиво на него поглядел, Рейке широко и самодовольно улыбнулся. Аст поежился от этой улыбки, поправил потертые рукава тужурки и этим напомнил кое о чем, что следовало решить до начала операции.

— Только ты это, док... Не обижайся, конечно, но у тебя еще какая-нибудь одежда есть? А то при твоём нынешнем наряде нам в чумных домиках даже край от занавески понюхать не дадут.

— Опускай! — сказал Рейке и Эрех послушно разжал руки.

В темноту старого колодца ухнуло человеческое тело, в предутренней тишине всплеск был оглушительным. Над заброшенными речными доками светлело небо.

За эту ночь Эреху удалось узнать много нового о теневой жизни Альмейры. Это была, конечно, не та категория знаний, без которых нельзя прожить, да и, если быть честным, он и раньше на неосведомленность не слишком жаловался, но, тем не менее. Сейчас Эрех даже мог признаться себе, что это увлекательно, взглянуть на мир с другого угла зрения. В конце концов, хотя бы с собой надо быть честным. Несмотря на гудящие от напряжения ноги и разбитые костяшки пальцев, ночь принесла много интересного.

Например, он узнал, что чумных домиков для богатых в Альмейре семь.

Они начали свои поиски в Черный час и шли, все дальше углубляясь в недра той части города, о которой ему точно не хотелось бы знать ничегошеньки. Темные улочки, стиснутые между кривыми хибарами, занавешенные вечно сушащимся тряпьем, провонявшие мусором, который гнил тут годами. Кварталы, куда ни магистрат, ни военные не отваживались и носы сунуть после наступления ночи.

Йон Рейке явно чувствовал здесь себя как дома.

Сначала они нырнули в какой-то узкий проулок, настоящую крысиную нору, где сыщик скрылся за драной занавеской, оставив Эреха, как он выразился, «подышать свежим воздухом». Четверть часа но-Тьен старательно дышал ртом, чтобы не затошнило от густого запаха кошачьей мочи, и нервно стискивал в кармане флакон с помпой, куда залил масляную эссенцию из жгучего перца. Отличное средство от прострелов в пояснице и внезапных разбойных нападений.

После чего они отправились искать, кто же продает детям богатых семейств наркотики, завернутые в голубой шелк. В первом же притоне Эрех с неудовольствием понял, что длинная синяя мантия и синяя же круглая шапочка целителей открывали им двери будто по волшебству. Мастер Рейке и тут оказался прав: когда он вытащил из плетеной корзины, на выбор, национальный наряд с символами рода Тьен и люто ненавидимый храмовый балахон, Йон ткнул пальцем в последнее. Как он сказал? Люди всегда подтолкнут святого, готового упасть, дай только им видимость падения.

Эрех даже в ночных кошмарах не был святым, но в первом же чумном домике понял, что для обычных людей посвященный Исцеляющей приравнивается к одержимому богиней чудотворцу. Маслянистые ухмылки, многозначительные взгляды, предложение скинуть цену для «святого мастера» — все это было настолько омерзительно, что он впервые ощутил, как запятнал целительское одеяние. Эти люди действительно верили, что его в подобные заведения может привлечь только дым порока. Приходилось прилагать огромные усилия, чтобы удерживать на лице испуганную гримасу человека, впервые спустившегося на дно человеческой морали.

Мастер Рейке же играл за двоих, словно дышал. Подмигивал, ссутулившись и подобострастно присюсюкивая, непрерывно чесался, словно и впрямь дня прожить не мог без какого-нибудь зелья, таинственно хмыкал и разговаривал исключительно намеками. Первый домик держала хозяйка, так он умудрился ей еще и комплименты отвешивать, настолько пошлые, что если бы стены могли краснеть, заалели б как закатное солнце.

И все это ради того, чтобы получить ответ на один единственный вопрос.

Легенду, как назвал это сыщик, предлог для поиска, они разработали еще в лаборатории. Мол, некий уважаемый муж поделился со своими друзьями за ужином одним

интересным снадобьем и теперь друзья, чтобы не заставлять своего бесценного друга отрывать от сердца самое дорогое, ищут, где бы самим купить. Почему друга не спросят? А друг уехал на воды в Конаму и будет только к концу второй луны. Очень, очень грустная история. Нет, уважаемая, мы не можем ждать, сами понимаете. Вот наш с вами храмовый брат тоже очень страдает.

Эреху во время этого спектакля по роли полагалось только печально глядеть из-за плеча сыщика большими глазами и душераздирающе вздыхать, демонстрируя невыносимость страдания. К сожалению, впустую; хозяйка домика хоть и умилилась, но торговала исключительно маковыми миражами.

— Если не получится стать доктором, сможешь сделать неплохую карьеру в роли брачного афериста, главное моргай почаще, — хмыкнул Рейке, когда они, не солоно хлебавши, вышли на улицу. После душных закоулков чумного домика вонючий воздух улицы показался морским бризом.

Эрех предпочел проигнорировать это замечание, чрезмерно точное для того, кто знал его только вторые сутки, лишь зубами скрипнул. И тут же заработал мгновенный взгляд, острый как лезвие меча. Следовало признать, к мастеру Рейке его действительно привела милость Наэмы. Он был удивителен, умел делать молниеносные выводы из совершенно незначительных событий. Если бы не ненависть к тому, в чем приходилось копаться сыщику, Эрех бы пожелал себе быть как он.

— Пошли проверим номер два по списку, — Рейке привычным движением хлопнул его по плечу и нырнул в очередную темную щель. Эрех поддернул сползающие шаровары и уныло поплелся следом.

Во втором домике им тоже не повезло. Сначала они долго скреблись в незаметную снаружи дверь, потом, будучи допущенными только в узенькую прихожую, сильно напоминавшую размерами и атмосферой мышеловку, потратили еще уйму драгоценного времени на намеки и многозначительные демонстрации. Хозяин к ним не вышел, а его помощники только носами вертели, да поигрывал мышцами стоящий в углу вышибала.

— И тут пусто, — констатировал Йон, когда они в очередной раз оказались на улице и отошли достаточно далеко, чтобы их не было видно из притона.

Эрех покосился в темный угол, где за кучей мусора, судя по характерным сопению, пыхтению и требованиям уплатить поляна вперед, продавалась женская любовь, и уточнил:

— Почему?

— Потому что у них не было основания отказываться от денег. И они точно не знали, что я прошу. Ладно. Минус два и пять в остатке. Нам в любом случае сегодня повезет. Хватит путаться в юбках док, до рассвета четыре часа, а еще многое надо успеть.

— Вы так безоговорочно верите Повелителю Случая? — пошутил Эрех, не зная как еще отомстить за выпад в отношении его внешнего вида. Если быть честным, широкая мантия была ему велика и, подпоясанная, топорщилась совершенно как юбка. От этого вскользь брошенная шутка становилась еще обиднее.

— Я верю в статистику, — отмахнулся сыщик.

Они снова потащились вглубь каких-то трущоб и плутали еще с полчаса, прежде чем обнаружили притон номер три. Этот действительно был похож на злачное заведение для богатых — большое деревянное здание с резными колоннами и балкончиком второго этажа, украшенное на входе расписными бумажными фонарями.

Мастер Рейке поскребся в дверь, тут же в ней открылось смотровое окошко.

— Добренькой вам ночи, уважаемый, — прошепелявил Рейке, легко перескакивая с тилейского говора на диалект южных портов. — Моему мастеру бы купить немного счастья. Вы нам не поможете?

Надрессированный Эрех «сделал» важное лицо. Вспомнив, яростно почесал шею, демонстрируя классический признак неразборчивых в снадобьях чумных — нестерпимый зуд под кожей.

— И чего богатому мастеру конкретно надо? — скрипнул из-за двери мужской голос.

Рейке засуетился, пригнулся к окошку еще ближе и что-то неслышно зашептал. Поднес к свету кулак, меж сжатых пальцев мелькнул голубой лоскут.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дверь распахнулась бесшумно, пропуская их в темные недра дома.

Место было действительно непростым. Полированное темное дерево, гладкие шелковые обои, тяжелая бархатная занавеска отгораживала коридор от основных помещений и не было прогорклого запаха вспотевших в токсическом припадке тел, рвоты и смеси разнообразных наркотиков. Зато были лаэсты. Эрех невольно вздрогнул, пробежав взглядом по окружившим их людям — узкие смуглые лица, жилистые тела, темные глаза и темные волосы. Много сотен лет прошло с тех пор как астинэ, в том числе и его предки, выгнали на острова жителей западных провинций, но каждый раз как белобрысые любимцы небес и черноголовые потомки степных кочевников сталкивались на ограниченном пространстве, ничего хорошего ждать не стоило.

По спине вдруг кавалерийским полком проскакали мурашки.

Вперед вышел маленький плешивый человек в традиционном лаэстахском атаи, внимательно оглядел новоявленных посетителей с ног до головы.

— Что нужно? — спросил он.

Йон, к удивлению Эреха, повторять историю не стал, только вновь продемонстрировал угол шелковой ткани.

Человечек пожевал губами.

— А ты кто такой, чтобы я тебе что-то продавал?

Эрех внезапно увидел, как напряглись плечи сыщика под пиджаком, и инстинктивно сделал шаг назад. Он не понял, что именно изменилось, но ему вдруг стало страшно.

— Так разве ж я не объяснил? — все еще не выходя из образа, пробормотал Рейке и тоже отступил.

Лаэсты, число которых неведомым образом удвоилось, обходили их по кругу, отрезая от входной двери.

— Не знаю, на что ты мне тут намекаешь, уважаемый, — последнее слово лысый человечек произнес с нескрываемой издевкой.

— Если не понимаете, то мы с моим мастером, пожалуй, пойдем? — интонация сыщика была просительной.

— Да куда же ты пойдешь-то, на ночь глядя, — ласково улыбнулся странный мужчина.

Йон сделал еще шаг назад, почему-то заслоня Эреха спиной и спросил вполголоса, нормальным тоном и на нормальном языке:

— Док, а ты драться-то умеешь?

Эрех сплотнул, но ответить не успел. Рейке резко шагнул в сторону и поприветствовал ближайшего из стоявших к нему людей молниеносным ударом лба в переносицу. Раздался мерзкий влажный хруст и короткий вопль. Не отвлекаясь на собственные ощущения, Йон

добавил мощный пинок в живот и мужчину унесло куда-то вглубь, за занавеску. А сыщик уже встречал следующего нападавшего кулаком в лицо.

Эрех отскочил в сторону, наступил на подол мантии и приземлился на зад, больно ударившись об пол. Кое-как вскочил и отбежал подальше. Опыта в драках у него было немного, больше в получении побоев, но одно он знал твердо — если кто-то тебя вызвался защищать, мешаться у него под ногами не следует. Особенно, когда окружающие явно хотят не просто набить тебе лицо, а прирезать и выкинуть тело в ближайшую выгребную яму.

Мастер Рейке дрался молча, со звериной сосредоточенностью. Ломалась мебель, вокруг с грохотом бегали и ругались на лаэсти, сквозь этот шум доносились стоны — то ли первого пострадавшего, то ли обкурившихся посетителей.

Кто-то поднырнул под локоть рослому Йону и устремился на Эреха. Эрех взвизгнул, позорно и не по-мужски, чудом увернулся от боевой трости и, вспомнив, выхватил из кармана свой спасительный стеклянный флакон. Эссенция у него была отличная, сам делал и даже пару раз на окружающих проверял. Получив в глаза маслянистую жгучую струю, нападающий взвыл, выронил свое оружие и завертелся на одном месте. С торжествующим воплем Эрех вдруг добавил ему хорошего пинка по копчику, подхватил выроненную трость и, завывая больше от страха, чем от ярости, ринулся в общую свалку...

Одурение от боя прошло не скоро. Сначала мастер Рейке научил его связывать задержанных цепочкой — Эрех до этого такое только в тюрьме видел — потом они покопались в недрах притона, игнорируя стонущих, бредящих и блюющих клиентов. Таинственных наркотиков в домике не было, зато в маленькой кладовке на втором этаже обнаружилась корзинка с нарезанным на квадраты отрезом голубого шелка.

— Ага! — торжествующе заявил Йон и загреб полную горсть скользких лоскутов. — Мы пришли по адресу.

Они спустились вниз и выдернули из получившейся колбасы того самого неприятного мелкого типа, который так настойчиво задавал им вопросы. И теперь Эрех, старательно вцепившись в веревку колодца-журавля, впервые принимал участие в допросе с пристрастием.

— Поднимай! — деловито сказал Йон.

Эрех напряг все тело, чувствуя, как тягуче отзываются мышцы рук и спины, заскрёб ногами по земле. Треклятый владелец притона оказался весьма упитанным, несмотря на скромные размеры.

Тело взмыло в воздух, под аккомпанемент сухого скрипа колодезного плеча, вниз ручьями потекла зеленая, дурно пахнущая вода. Колодец явно протух.

— Ыыыыыыы! — запротестовал допрашиваемый. Рот ему мастер предусмотрительно заткнул его же шелком.

— Говорить будешь? — буднично уточнил сыщик.

Поток мычания был ему ответом.

— То есть, не будешь? Тогда ладно. Макаем!

Целитель мысленно взвыл в унисон с колодцем и лаэстом, и снова отпустил веревку. Тело поехало вниз.

— Он там не утонет? — уточнил на всякий случай, когда плешивая голова скрылась в глубине деревянного сруба.

— Обижает! Я же считаю, — хмыкнул Рейке. — Не бойся, док, все точно по методике. И, тем более, дерьмо не тонет. Доставай его!

Процедура повторилась еще три раза. Эрех послушно тянул журавля туда-сюда, с беспокойством поглядывая на светлеющий горизонт. Кому как, а ему сегодня еще в госпиталь возвращаться и весь день работать.

На пятый раз тон мычания изменился.

— Что, передумал? — Рейке вдруг улыбнулся, даже бесцветные глаза его приобрели какой-то оттенок. — Ладно, посмотрим, что ты нам можешь сказать.

Он вытащил мокрый комок из сжатых челюстей.

— Ыыыаааа, — выдохнул мокрый как мышь наркоторговец; по лицу, вниз, в глаза и на лоб, стекала мутная жижа. — Ты пожалее...

— Тебя еще раз окунуть? — ласковым голосом спросил Йон.

Человек осекся, зажмурился, потом отрицательно помотал головой.

— Молодец. Тогда давай заново. Как тебя зовут? — Рейке многозначительно подбросил на ладони шелковый кляп.

— Я — Боро Кутирай из Валай-куты, — прогундосил, наконец, бандит.

— Вот и отлично. Можем считать знакомство состоявшимся. Скажи-ка мне, апэ Боро, не ты ли продаешь странную наркотическую смесь, завернутую в голубой шелк? И не ты ли продал ее тулу Чителу Ойзо, сыну магистрата Ойзо? А?

Боро Кутирай недобро зыркал из-под насупленных бровей, что выглядело, с учетом его позиции вверх ногами, крайне потешно. Эрех задумчиво облизал разбитые костяшки пальцев и поймал себя на мысли, что ситуация начинает его забавлять.

— Чего молчишь? Мы недостаточно хорошо тебя отмыли? Еще хочешь?

Кутирай посопел и неохотно выдал.

— Я.

Рейке улыбнулся еще шире. Зубы у него были отличные, крепкие, ровные и белые, само то — пережевывать альмейрскую преступность.

— Краткость сестра таланта, э?

Кутирай дернулся, как червь на крючке.

— Чего ты от меня хочешь, сволочь?!

— А чего я могу хотеть? Подробностей конечно же, дубина. Историю! Где дурь берешь? Сам мешаешь?

Снова молчание, потом неохотный ответ.

— Нет.

— А кто?

— Не знаю, — Йон повел плечом в сторону, и Эрех, спохватившись, отпустил веревку. Тело неумолимо заскользило вниз.

— Неее-ээт! Я правда не знаю! У меня поставщик!

— Понятно, — Рейке почесал затылок. — Слушай, уважаемый, давай проясним один момент — все ответы, вроде «нет», «не знаю», «не был», «не участвовал», я не рассматриваю и карать за них буду немедленно. Вон, видишь, как мой док недобро на тебя смотрит? Чистый зверь! Так что давай-ка ты забудешь про краткость и расскажешь мне все, как на духу. Или мне подвесить тебя внутри колодца, закрепить верёвку камнем и посмотреть, что с тобой случится? Кстати, док, а что случится-то?

Эрех еще раз облизал кровоточащие пальцы и, с удивившим его самого воодушевлением, процитировал парочку наиболее красочных вариантов из учебника по судебной медицине. С подробностями.

Боро Кутираи из Валай-куты побелел под слоем зеленой тины и принялся исповедоваться.

Он действительно поставлял новый наркотик богатым отпрыскам Альмейры. Нет, он не знает откуда — к нему пришел один его родич, который предложил небольшой опыт по выведению нового товара на рынок. Товар был хорош, привыкание с первой пробы, никто не помер, разве есть причины отказаться? Нет, это была лишь третья партия, тул Ойзо принимал с первой. Как почему? Он был завсегдаем его домика, перепробовал все и во всех комбинациях, даже эфесских лягушек, но его не увлекало. Не более двух проб подряд, потом тулу становилось скучно. Как сюда попал? Друг его привел где-то с год назад, вроде как раз тул вернулся из Асталота. Нет, больше партий не было, и апэ Боро и вправду не знает, откуда товар. Родич исчез как раз перед четвертой поставкой, тул Ойзо вон тоже приезжал пару дней назад, просил про запас, а нету...

— Когда приезжал? — Рейке прервал истерический поток слов, вскинулся, как охотничий пес.

— Два дня назад... Или три... Вернее, накануне дня Крысы, вечером.

— Именно приезжал?

Боро замялся, не понимая смысла вопроса.

— Я к тому, что у вас в ваших трущобах тачка садовая не пролезет, что значит — приезжал?

— А! Так он мне сам сказал, что оставил наемную коляску у гостиницы «Северные ворота» и очень спешит, потому что ему еще надо успеть съездить в Мимири...

Эрех тоже встрепнулся и сделал стойку. Мимири называлась деревушка в двух милях от заброшенной королевской резиденции, места, где он нашел тело.

— А зачем магистратову сынку на ночь глядя переться в деревню? — вкрадчиво уточнил сыщик.

— Я не знаю. Пес их разберет, богатых ублюдков, — с неожиданным презрением отозвался владелец чумного домика, торговец дурью. — Но он часто туда ездил в последний месяц. Он и у меня-то не реже раза в два дня бывал и почти все время потом ехал в Мимири...

Рейке вдруг оглянулся на Эреха и подмигнул ему. Эрех почувствовал, что, помимо собственной воли, расплывается в улыбке.

Наконец-то они напали на след.

Глава 4. Еще один труп

Йон сидел на бревне и смотрел как расцветает утро. Колокола Речной башни отбивали час Голубя, в десяти шагах, шумно сопя, пытался выпутаться из веревок вымоченный в колодце Боро Кутирайи. Как раз его персона и занимала мысли сыщика — тот старательно решал, что с ним делать.

Идея пойти и сдать в магистрат отпала сразу, мешал труп Ойзо, лежащий под стеной ледников в Синем квартале. Вариант с прибить и прикопать — или утопить в том же колодце — не устраивал по причине наличия наследников и родичей, который обязательно придут предъявлять претензии за невинно павшего торговца чумой. Мелкий мог пострадать, за себя-то Йон совершенно не беспокоился. Хотя... а если они к нему в дом влезут и все накопленные деньги сопрут?!

Он решительно вскочил и направился к лаэсту, тот как раз закончил выпутываться из веревок, и даже довольно бодро, для человека, у которого все тело должно было основательно онеметь, встал на четвереньки.

— Что тебе? — твякнул Кутирайи, резво отползая в сторону.

— Поговорить хочу, — довольно миролюбиво ответил Йон, хотя кулаки у него так и чесались.

— Что, забеспокоился?! — сообразила эта сволочь. — Понял, куда влез? То-то же!

— А куда я влез? — разговор сворачивал в какую-то странную сторону, но было интересно. Ему давно никто по-настоящему не угрожал, последние полгода были одни неверные супруги, а у них храбрости не хватало, да и возможностей тоже.

— Да ты... Да ты что, ничего не знаешь? Да ты знаешь, кто я?!

— Понятия не имею, — Йон вдруг заулыбался, а Кутирайи вскочил таки на ноги и отбежал еще на пару шагов. — Но ты же мне расскажешь? Ты же у нас птица певчая, э?

Кутирайи намек понял и заметался.

— Угрожаешь мне, сволочь?

— Да какие могут быть угрозы, тем более такому человеку как ты! Просто напоминаю.

— Тыы-ыы... Ты! — торговец побагровел.

Кажется, он решил, что раз его всего лишь макали, а не жгли, не били и на части не резали, то можно и права начинать качать. Йон мысленно оскалился. Идиот не понимал, что дело было отнюдь не в слабых характеристиках Рейке, дело было в двадцатилетнем астийском пацане, которому рано познавать, как на самом деле выглядит дно человеческой души.

— Ну, я. И что?

— Да я тебя раздавлю... сукин сын! — Боро Кутирайи уже начинал кричать и брызгать слюной, правда пятиться при этом не переставал. — Всех вас найду! Ты знаешь, какие у меня связи?! И сколько людей? Да ты землю жрать будешь, кишками своими подавишься! И выродок этот белобрысый — тоже! Собакам скормлю! Все отберу, все отдашь, все, что у тебя есть!

Вот этого ему произносить не следовало.

Мир вдруг стал кристально чистым, очертания окружающих предметов приобрели небывалую четкость. В голове зазвенело. Раньше после этого глаза застилала кровавая пелена, а тело приобретало удивительную легкость, но то было раньше. Теперь Йон, под аккомпанемент непрекращающегося звона, в три быстрых шага преодолел разделяющее его и

торговца расстояние, и засадил тому с размаху ногой в живот.

Кутирай выпучил глаза, придушенно крикнул и мешком рухнул на землю, прямо мордой в пыль и песок.

Не останавливаясь, Йон нанес еще несколько ударов, ногами, от всей души, привычно — в живот, по почкам, в копчик. Главное в голову не бить, чтоб не сдох, сволочь. Потому что убивать его, действительно, будет немного накладно, лаэсты живут кланами, где один, там, через полгода — табор. Добавил еще один, профилактический, потом дождался, пока Боро выблюет все содержимое желудка — и обильный ужин, и колодезную тину. После чего брезгливо перевернул его навзничь носком туфли. И сунул под нос ствол верного Миротворца, заботливо прихваченного с собой на самый крайний случай. Пусть и не каждая тварь заслуживает его пули.

На мгновенно побледневшего Боро Кутирай из черной глубины дула задумчиво поглядела магически заряженная смерть.

— Ты что-то сказал? — мягко уточнил Йон, чувствуя, как звон в голове утихает, а к зрению возвращается привычная близорукость на левый глаз. Ярость засыпала. — Что-то там насчет кишок и земли, э?

Миротворец уперся в подбородок, заставляя перепуганного насмерть человека затылком впечататься в землю, прямо в наблеванную лужу. Йон поймал взглядом перепуганный взгляд собеседника, полюбовался на свое отражение в расширившихся от ужаса зрачках.

— Слушай меня сюда. Ты же хочешь жить? Вставать утром, бить свою мерзкую жену, орать на своих уродливых детей? Пересчитывать выручку и прятать трупы сторчавшихся? Взятки там платить в магистрат и окружную комендатуру? Хочешь? Так вот сейчас ты встанешь, утрешься и галопом побежишь к себе домой. Там соберешь манатки, сунешь подмышку всю свою кодлу и быстро исчезнешь из моего города. Так быстро, чтобы завтра, когда я зайду проверить, в доме было пусто и свежо. Потому что иначе... ты же понял, кто я, э? Пояснять не надо?

Боро Кутирай, белый уже до прозрачного, закивал головой. Так закивал, что она только чудом удержалась на шее. Он все понял. В том числе, что ценность жизни отдельного человека — вещь строго субъективная, а револьвер эту ценность существенно снижает.

— Чеши отсюда, — сплюнул Йон, встал и отошел подальше, где не так воняло.

Кутирай вскочил на четвереньки и рванул вперед, только пыль полетела.

Рейке лишь усмехнулся, его злость утихла окончательно. Любовно протер Миротворца, полюбовался тонкой вязью гравировки на барабане, резьбой на костяных щечках рукояти. Верный друг, единственный оставшийся из той жизни. Ну, кроме Катрионы, которая ему Миротворца и сохранила. На следующий день после того, как к нему вновь, милостью Судьбы, вернулось человеческое, принесла в шкатулке и отказалась рассказывать, каким чудом ей удалось. В глазах Йона это был подвиг, заслуживающий вечной признательности.

Оставалось только решить, что делать дальше. С одной стороны хотелось взять коляску и поехать в Мимири, чтобы точно узнать, чего же забыл сын столичного магистрата в деревушке на двести домов. С другой, последний раз он спал больше суток назад и совсем недолго. Костюм вот помял, от сорочка несет не понять чем, туфли в грязи и пыли. Да еще и наемная коляска будет стоить денег, а вечером можно за поляна уговорить возвращающихся с рынка торговцев подбросить его до места. И дока прихватить, для компании.

Заодно, может, выяснится, по какой причине двадцатилетний госпитальный целитель, внешне и характером сильно смахивающий на колокольчик, набрел на труп посреди леса,

еще и ночью. И что той же ночью он делал в Товайхо, такой же деревушке, как и Мимири. Соседней деревушке. Этот вопрос, столь тщательно оберегаемый но-Тьеном, Йона крайне интересовал. Вряд ли там что-то криминальное, но у этого мальчишки столько сюрпризов...

Рейке широко зевнул, сунул Миротворца в наспинную кобуру и повернул в сторону дома.

— Ты слышал? Купец Сапана отказался от целителя на операции и настоял на применении морфина.

Эрех, только получившей от уличного торговца едой чашку горячей пшенной каши, замер. Он узнал голос Ито Панчатты, старшего целителя госпиталя.

— Да ты что!

— Что, правда что ли?

Госпиталь Чистого Сердца был богатым и мог позволить себе держать целых восемь целителей в штате. Трое из них сейчас стояли позади Эреха.

— С чего бы мне врать-то! Сам можешь сходить в сестринскую и спросить. Должен был ассистировать Мейре, но Сапана закатил дикий скандал и потребовал обезболивающего. Это уже третий случай за месяц.

— И что теперь будет?

— А его знает...

Эрех в разговор вступать не стал, сунул в рот полную ложку каши и отошел в сторону. Говорить было не о чем, и так понятно, а кудахтать впустую он не любил. К тому же еще и язык обжег.

Целители обходились госпиталям дорого, потому что приходилось платить Храму, что и составляло основной доход всего культа Наэмы. Та мелочь, которую в качестве зарплаты получал младший целитель Эрех но-Тьен была лишь десятой частью суммы ежемесячного платежа за него, выплачиваемого руководством Чистого Сердца в храмовую казну. Причем не каждый госпиталь мог позволить себе иметь штат целителей, в отдаленных местностях порой доходило до одного на уезд. Количество посвященных разнится, больше всего чтецов, посвященных Матери и Отца.

Вообще, странная зависимость, подумал Эрех, глотая кашу — чем больше даровано, тем меньше тех, кого Боги избирают в качестве носителей дара. В самом конце, редкие, как алмазы в борозде, стоят ищейки Горо Псоглавца: все, как один, на службе в Департаменте безопасности короны, посчитаны, переписаны и учтены. Целители болтаются где-то посередине, их достаточно, чтобы обеспечить нужды государства и общества, но недостаточно, чтобы Эрех мог сам определял, где и кого ему исцелять. В отличие от врачей, что могут проводить операции и назначать лечение, целители лечат силой дара — успокаивают, снимают боль, ускоряют заживление ран. И, самое главное, делают то, что никому не под силу — исцеляют умирающих, пусть и не все.

Ложка заскребла по дну опустевшей чашки.

Мечта о свободе от Храма Наэмы вновь напомнила о соевой недостижимости. Никогда он не наберет достаточной суммы, чтобы выкупить себя. Разве что к старости.

— Эй, Тьен! — оклик выдернул его из задумчивости, на ступенях к главному входу махал рукой ассистент хирурга Бака. — Тебя мастер ищет!

Эрех швырнул чашку в чан с грязной посудой и понесся на зов.

Доктор Бак ждал его не в ординаторской, как можно было бы думать, а внизу, в

маленькой анатомичке при госпитальном морге, куда обычно свозили на вскрытие особо важных покойников. Сейчас на столе лежало подготовленное для аутопсии тело, накрытое простыней. Чистой, машинально отметил Эрех, вытягиваясь перед доктором и военным. Тем самым, которого он видел, когда ездил в дом тула Ойзо.

По спине вдруг пробежал холодок, предчувствие неприятностей сжало сердце.

— Доброе утро, целитель Тьен, — поприветствовал его доктор.

Эрех склонился в поясном поклоне, стараясь, чтобы волнение на лице не вышло за пределы обычного для младшего целителя перед главным хирургом.

— Сегодня я вновь попрошу тебя оказать мне небольшую помощь, мальчик мой, — голос Бака звучал доверительно, ещё двое суток назад эта интонация заставила бы Эреха умереть на месте от счастья. Сейчас же, когда за спиной прятался разделанный труп покойного тула, ничего, кроме ужаса и паники, он не вызывал. — Поскольку ты человек, который умеет хранить секреты, я решил, что мы можем тебе довериться.

Мы? Эрех распрямился и поймал выражение лица полноватого усатого военного. Недовольное выражение. Такое же было у стоявшего за его спиной молодого парня, тоже в форме. Адьютант, что ли?

— Мы — это я и полковник Делко, которого ты тут видишь, — доктор Бак проигнорировал полковничье недовольство. — Дело в том, что сегодня мне надо определить причину смерти одного человека, а для проведения аутопсии, как ты знаешь, нужен ассистент. И я взял на себя смелость попросить тебя занять это место.

Что? Быть ассистентом на вскрытии, причем единственным, а не просто стоять в толпе студентов?! Конечно, да!

— Почту за величайшую честь, — невероятным усилием удавив в себе желание подпрыгнуть от радости, ответил Эрех и снова поклонился.

— Тогда начнем? — Бак посторонился. — Халат и фартук можешь взять с вешалки.

Эрех кивнул, потом, спохватившись, подбежал к вешалке и стал натягивать на себя длинный белый балахон, призванный защитить одежду от всего на свете, а сверху — длинный же фартук из просмоленной ткани. Все это время полковник Делко наблюдал за ним со странным чувством недоверия и отвращения. Астинэ не любит, что ли?

Он подошел к столу и откинул простыню. На столе, вытянувшись, лежал мужчина лет пятидесяти или около того, судя по внешности, тилеец. Они все одинаковы по сложению — высокие, худые, с длинными конечностями и сухим рельефом мышц. Глаза у покойного были закрыты, но Эрех мог поспорить, что они того самого, национального, бледно-голубого цвета, почти белые. Как у мастера Рейке, например.

— Ну, полковник, что вы можете рассказать нам о покойном? — благодушно поинтересовался доктор Бак, внимательно осматривая тело. — А вы, молодой человек...

— Лейтенант Сола, мастер доктор! — адъютант подскочил, поклонился.

— Да-да, лейтенант, вы записывайте все, что мы будем говорить. Потом отдадите целителю Тьену, он ваши записи приведет в удобоваримый вид. Простите, что прервал вас, полковник...

— Ничего страшного, доктор. Перед вами тело судьи Исы Карре из Лаальского городского уезда, пятьдесят три года, не женат. Был не женат. Тело найдено вчера, в лесу...

Доктор Бак его перебил:

— А почему так поздно привезли?

— Так пока его нашли, пока сообщили нам, — полковник потер лицо. — Пока мы

доехали, пока вернулись... Там только кажется, что расстояние небольшое, но со всеми с этими делами — уже и ночь прошла.

Доктор кивнул.

— Тогда понятно. Ну, что ж... Тело принадлежит мужчине, возраст около пятидесяти лет или старше, рост около пяти с половиной локтей роста в золотой системе мер, вес...

Эрех внимательно смотрел и слушал. Лейтенант скрипел металлическим пером по бумаге. Моргал полковник Делко.

— Эрех, уברי простыню. Что мы тут видим... Судя по гибкости членов, умер в прошлую ночь, трупное окоченение уже практически не выражено, что, с учетом массы его тела, соответствует нормальному усредненному времени. То есть, могу сказать, что умер он около Черного часа или в течение еще пары часов, но не более.

— Середина ночи? — уточнил Делко.

— Да, середина ночи.

— Следов насилия на теле нет, за исключением трех ножевых порезов. Эрех, мальчик мой, подай мне линейку и скальпель. И посмотри сюда. Тебе должно быть любопытно — нехарактерные какие ранения, даже не предположу сразу, как их нанесли.

Эрех с поклоном передал требуемое, потом подошел, нагнулся над телом и онемел.

— Итак, у нас три разреза, по восходящей. Бедренная артерия, правая подмышечная впадина, левая сторона шеи, от дуги аорты. Зигзагообразное направление удара снизу вверх. Лезвие было очень острым, сейчас я замерю длину ран и тогда можно будет что-то предположить.

Эрех судорожно выдохнул сквозь сжатые зубы и приказал себе прекратить так пялиться на разрез в паху у мертвого судьи. Что он, спрашивается, там не видел? Как режет севрасский коготь?!

Ему внезапно стало очень страшно. Вспомнилась ночь, когда он шел из Товайхо через лес.

Рядом с ним кто-то остановился и он вздрогнул. Полковнику Делко надоело стоять у стены и он подошел поглядеть на рану. И резко помрачнел. Более того — на какой-то миг Эреху показалось, что лицо его было ошарашенным.

— Что с вами, полковник? — от доктора Бака, казалось бы занятого прикладыванием линейки к ранам, это тоже не ускользнуло.

— Что? Эээ... Да ничего, просто я узнал оружие. Это севрасский кинжал, доктор знаете, такой, изогнутый, как кошачий коготь...

— Севрассэ?! То есть, вы хотите сказать, что его убил наемник? Судью? Да что же это творится! Ай-яй!

Эрех был целиком согласен с мастером хирургом. Действительно, что же это творится-то? Может, мастер Рейке знает? Он вдруг понял, что ему не хватает рядом зоркого взгляда сыщика и его умения делать выводы.

— Не знаю, мастер, не знаю, — сокрушенно покачал головой военный. — Давайте продолжим, заодно, может, вы мне что новое скажете.

— Разумеется! — доктор Бак взял скальпель и уверенным движением рассек кожу на груди.

Эреху это уже было не интересно. Вполуха слушая пояснения доктора, он внимательно оглядывал судейский труп. Да, те самые три разреза по восходящей, слева направо, налево, сделанные одной рукой. Можно, конечно, предположить, что убийца — правша, но мастер

Рейке сказал, что кинжалы используются в паре и бить кот ими может что правой рукой, что левой, одинаково. Но предпочитает удар правой. Почему?

Кроме того, на лице и теле Исы Карре не было синяков и ссадин, его никто не бил, как тула Ойзо. Он еще раз обежал взглядом все тело, задерживаясь в тех местах, где обычно остаются травмы при драке. Ничего. Обычный цвет кожи двухдневного покойника на стадии раскоченения. Старый хирургический шрам от аппендицита. Эрех аккуратно, якобы проверяя инструмент, обошел стол и оглядел тело с другой стороны. Запястья и кисти рук чистые, ногти не поломаны, только правая сжата в кулак и...

Стоп. В кулак?

Он метнул быстрый взгляд на доктора. Тот закончил резать мягкие ткани и как раз освобождал от них грудную клетку. Скоро костные ножницы попросит, ребра перекусывать. А, значит, надо спешить. Благо окоченение действительно прошло.

Эрех для видимости посуетился у стола с инструментами, отложив все, что нужно для последующего выламывания грудины и, внимательно оглядев возможных свидетелей, склонился над телом с другой стороны. Разжал кулак.

На ладони, между указательным и большим пальцем чернел глубокий укус. Словно кто-то впился зубами в зажимающую рот руку. Эрех вспомнил объяснение сыщика о происхождении синяков на теле магистратского сынка и его передернуло. И тут? Что это, вообще, такое? Он аккуратно вернул пальцы в прежнее положение и вдруг заметил, как между ними что-то блеснуло.

— Костные ножницы мне, — распорядился доктор, откладывая скальпель. — И иди сюда. Будешь кожу оттягивать.

Эрех кивнул, показывая, что понял. И украдкой сунул в карман прядь волос, которую, судя по всему, судья вырвал у убийцы, прежде чем умереть. Длинную прядь тонких волос, по севрасский традиции выбеленных до белоснежного цвета.

Кажется, когда он будет переписывать документы об аутопсии для полковника Делко, надо будет сделать еще копию, более подробную. Для мастера Рейке.

— Я не понимаю, чем вы тут занимаетесь, — голос господина Бо звучал подобно шипению змеи. — Это просто возмутительно.

Полковник Делко тоскливым взглядом смотрел на отчет о вскрытии судьи Карре, который ему только что принес Правая рука. Когда он вернулся, в кабинете его уже ждали. Магистрат Ойзо — совсем не давешний старик на грани сердечного приступа, а молчаливый и неприступный владетель Альмейры — явился с вопросами. И главу городского отдела дознавателей из комендатуры прихватил. Эрл Ойзо был очень недоволен тем, что спустя двое суток после исчезновения его сына никаких следов еще не было найдено. Ну, и, само собой, версий о том, где искать, тоже не было.

— Мне бы хотелось узнать, полковник, что вы уже предприняли, чтобы разрешить возникшую ситуацию, — глава Бо был раздражен, но говорил ровно, голоса не повышая.

Он всегда говорил ровно, с одинаковой монотонной интонацией: что с задержанными кровавыми убийцами, что с рыдающими родственниками жертв. Его нельзя было вывести из себя, подкупить, на него невозможно было надавить и запугать. Последнее раздражало Теона Делко неимоверно. Потому что именно за этим привел с собой Бо разгневанный магистр Ойзо.

— Мне кажется полковник, — Бо продолжал говорить, не давая и слово вставить, — что

вы немного неверно понимаете уникальность переданного дела. Естественно, будучи единственными, кому подведомственно расследовать преступление против государственной власти, вы считаете, что освобождены от контроля и надзора...

Даже фразы он строит, словно протокол пишет. Лишенная эмоций, сложная канцелярская речь. Делко стоял, склонив голову и тупо смотрел на титульный лист отчета об аутопсии. И думал, что надо будет сходить в чей-нибудь храм и зажечь там благовоний подороже. За то, что история с судьей Карре сразу попала сюда, в этот кабинет, а не промелькнула крылом мимо вездесущего взора главы Бо. За то, что судья ушел в отпуск за три дня до смерти и собирался отбыть на воды. За то, что нашедший труп бродяга будет молчать.

Но только не за тело этого самого судьи, голое, окровавленное тело, лежащее посреди дороги на Товайхо. От этого хотелось не в храм, хотелось заорать и шарахнуть об стену чем-нибудь тяжелым. Стулом вон, что ли.

— Мне нужно, чтобы вы уяснили, полковник, — а глава Бо все не унимался. — С сегодняшнего дня я лично буду наблюдать за ходом расследования. Все отчеты, планы, версии и предположения вы будете отправлять мне. И не надо думать, что ваши армейские погоны способны меня остановить или как-то прикрыть ваш зад. Не способны. Единственное, что я не могу — это забрать у вас дело без соизволения Его Величества. Не будьте уверены, если через сутки я не увижу прогресса в ваших действиях, я лично схожу во дворец. Вы меня поняли? Полковник?

— Так точно, глава Бо! — в последний момент Делко сцепил зубы и щелкнул каблуками.

Срывать на главу Бо было ни в коем случае нельзя. Потому что он и вправду сходит. Фелис Бо был ищейкой, псом трона на королевском поводе, а единственной силой, способной остановить пса является только сила королевской длани. Или божественная воля Псоглавца. И потому Теону Делко очень не хотелось разногласий. Так не хотелось, что на гордость можно было и наплевать.

— Я нижайше прошу прощения за возникшую заминку в этом деле, — он низко поклонился, практически коснувшись лбом лежащего посреди стола отчета. — Я заверяю вас, магистр Ойзо, и вас, глава Бо, что эта задержка более не продлится. Я и мой отдел предпринимаем все возможные меры по поиску вашего сына. Еще раз приношу вам мои глубочайшие соболезнования в связи с несчастьем.

Чтоб твоего ублюдка шуки в пруду драли.

— Спасибо, Теон, — проскрипел магистрат и это были его первые слова за все время, что он тут провел. — Но я бы хотел вот что вам сказать... если мой сын не будет найден, я сам схожу к королю.

И, пока Теон Делко хватал ртом воздух, развернулся и вышел. За ним ядовитой змеей скользнул прочь Фелис Бо.

Полковник мысленно досчитал до ста, потом схватил со стола тяжелый пресс для бумаги и с протяжным удовольствием шарахнул им в стену. Следом полетели новая чернильница и новый стакан для воды.

— Проклятые твари! — зарычал он, примериваясь, чем бы еще выразить свое недовольство.

Дверь приоткрылась, внутрь просочились Правая и Левая, а вслед за ними штабс-капитан Баккари, посланный с проверкой в дом судьи. Обогнул замерших лейтенантов и

склонился в глубоком поклоне.

— Ну, что там? — устало спросил Делко, опускаясь на стул.

— Ничего, мой полковник, — развел руками Баккари. Руки у него были короткие, так что выглядел жест потешно. — Он уехал два дня назад, практически в Черный час. Взял наемную коляску у Северных ворот, лошадь вернулась утром. Одна. Дежурный из патруля у ворот его вспомнил, он был последним, кто покидал столицу.

— В ту ночь, когда был сильный дождь? — уточнил Делко.

— В ту самую, мой полковник.

— И какого его туда понесло, сукина сына, он, естественно, никому не удосужился рассказать, — это был не вопрос, это была констатация факта.

— Нет, мой полковник. Однако его управляющий вспомнил, что весь день, накануне, он был очень раздражен и все время срывался на окружающих. Вы не находите такое поведение странным? Особенно для человека, который собирался уехать отдохнуть?

Полковник пожевал губами, еще раз долгим взглядом посмотрел на так и не прочитанный отчет. Навалилось все сразу, будто проклял кто.

— Я не знаю, Вадэ, — устало ответил он. — Ни малейшего представления. Я, знаешь ли, мало общаюсь с судейскими... да и не до него мне сейчас.

Штабс-капитан понятливо склонился в поклоне. Правая и Левая, стоявшие у стены, привычно переминались с ноги на ногу.

— Ты же слышал, я так понимаю? — Делко кивнул в сторону двери, намекая на разговор, вернее, монолог главы Бо в присутствии магистрата. — Если мы до завтра не найдем этого ублюдка...

— Я думаю, мы его не найдем, мой полковник, — Баккари не разогнулся, продолжал, глядя в пол и сияя проплешиной на макушке. — Если мне будет позволено предположить, тело тула Ойзо уже давно лежит где-нибудь на дне Красного озера. Иначе он бы уже всплыл. И, раз у нас совершенно нет выхода, можно прорубить его самим.

Делко оторвался от созерцания столешницы и заинтересованно поднял голову.

Вадэ Баккари был очень плохим воякой, его ценность была в другом. Он умел решать проблемы.

— Эй, наседка, проснись, — Эреха толкнули в бок и он, завалившись, стукнулся головой о косяк двери.

Зато проснулся, вскинулся и удивленно заморгал, пытаясь сообразить, где он. Увидел стоящего над ним Йона с плетеной корзинкой в руках и сообразил. Он принес отчет, а дома никого не оказалось. А потом он присел на порог, подождать. И уснул.

— У меня для вас новости, — укоризненно сказал он, — я пришел, а вас нет. Вы куда-то ходили?

— Ходил, — кивнул Рейке и ставил ключ в замок. — В бордель.

Эрех почувствовал, как жаркая волна опалила щеки.

— 3-зачем?

— За триппером, — Йон осклабился. — Зачем еще, по-твоему, сыщик может ходить в бордель, э? Ну, и по дороге еды прихватил. А то с таким работодателем, как ты, я, того и гляди, протяну ноги от голода. Чего расселся? Заходи давай, есть будем.

Эрех спохватился и, разувшись, зашел в дом. Не удержавшись, огляделся с любопытством.

Он по-всякому представлял себе обиталище сыщика, поэтому реальность оказалась разочаровывающей. Скучно обставленная комната и хирургическая чистота вокруг, ни пылинки. Даже полы сияют, словно их натерли. Кухни и гостиной нет, лишь две двери, одна, видимо, в туалетную комнату, а вторая — в кладовую.

— Итак, какие у тебя новости? — Рейке плюхнул на стол корзинку, типичную двухъярусную тростниковую плетенку, в которой продавцы готовой еды продавали сразу несколько блюд. Четверть ляна за обед и ужин на одного.

Эрех пощупал за пазухой копию отчета.

— Сначала давайте вы. Или меняться. А то мне же тоже интересно, — пискнул он.

— Э-э, надо же, интересно ему, — покачал головой сыщик. — Кстати, док, а чего ты мне про свой возраст наврал-то? У тебя же еще голос ломается.

— Он не ломается, — мрачно, зато уже баритоном, буркнул Эрех. — Просто я так говорю, когда волнуюсь. Очень невежливо над этим смеяться.

— А я и не смеюсь, — ответил Рейке и заржал.

Эрех надулся.

— Ладно, извини, мелкий, — махнул рукой сыщик, вытащил из кармана и бросил на стол пухлую пачку писем, перевязанную шелковой ленточкой. — Я тут ходил узнавать, откуда у нашего покойника — ой, прости, у твоего покойника — в доме была разнообразная любовная переписка. Ну, помнишь, подозрение на шантаж? Так вот, и вправду — шантаж. Почитать хочешь?

— Шантаж? Подождите, то есть сын магистрата... — Эрех не закончил фразы, подавившись ее окончанием и самим смыслом.

— Банальный и убогий шантажист, да, — Рейке кивнул, подтверждая. — Сам удивляюсь. Отличная нынче молодежь пошла, просто дети своих отцов. Наш мальчик — вернее, магистратов мальчик, — занимался очень интересным делом. Он с приятелем обрабатывал богатых замужних дамочек. Приятель подкатывал к дамам с романтическими устремлениями, стихи, цветы, ручки целовать, потом дамочку вывозил куда-нибудь на природу, в кусты погуще, и там, так сказать, снимал замок с брачной клятвы. После чего приятель исчезал, а будущий кошелечек получала картинка с интересными ракурсами и копии своих романтических писуллек. И начинала платить. Сам понимаешь, что в наше время бывает за супружескую измену. Не вторая эпоха, конечно, но тоже дорого обходится, причем в самом что ни на есть материальном смысле. Можешь поглядеть письма-то. Эти дурочки не просто мужьям изменяли, они умудрялись подробности своих переживаний на бумаге излагать.

Эрех потянулся за письмами, взял пачку в руки, повертел и положил обратно. Ощущение было мерзкое.

— К счастью, нет такой мужской тайны, которую не способна выведать хорошая девочка в приличном борделе. Эти клиенты треплются как белье на ветру. Потому и я теперь знаю. А у тебя что?

Эрех еще раз поглядел на письма, потом вытащил отчет и положил его на стол.

— Вот. Я сегодня во вскрытии участвовал, — пояснил он. — Сделал для вас копию, с уточнениями. Посмотрите сами.

Рейке углубился в чтение, а Эрех, не желая даже стоять рядом с гадостью, отошел в сторону, рассматривая комнату. Жилье одинокого человека. Чисто, аккуратно, пусто. Над письменным столом прикреплена умело выписанная акварель — маленький каменный

домик на зеленом холме, в окружении цветущих деревьев, за домиком море сливается по цвету с небом. Явный пейзаж юга, ближе к Алессо. Единственное украшение этого жилища. Рядом со столом домашний алтарь, на котором нет ни одного изображения богов. Только картинка в рамке.

Эрех подошел поближе и оторопел.

С черно-белого изображения на него смотрели Йон Рейке, молодой, много моложе себя теперешнего, в хорошем костюме, и дама, которую он держал за руку. Белокурые волосы ее казались особенно светлыми, темнела сложная вышивка на национальном свадебном наряде. Будучи астинэ, Эрех был обязан уметь определять род по таким признакам как орнамент и прическа. Кто-то из Фоссов, кажется, деталей не разглядеть, но похоже. Юные, счастливые. Невеста смотрит прямо и красивое лицо будто светится, а Йон Рейке держит в своих ладонях ее руки. И тоже улыбается. Не насмешливо, не собачьим оскалом, а такой же мягкой улыбкой, полной радости.

Перед портретом стояла курильница и лежали два супружеских браслета, один в другом, перевязанные белой траурной ленточкой. Меньший потемнел в плетениях тонкой вязи. Эрех знал, что оставляет эти следы. Запекшаяся кровь.

— Значит, три разреза зигзагом по восходящей? — раздался задумчивый голос и он вздрогнул, обернулся.

Йон Рейке, держал в руках отчет и смотрел на Эреха, прямо и внимательно. На лице его не было злости, но задавать вопросы целитель не решился. Мешало ощущение, что сейчас он увидел что-то настолько сокровенное, что даже намек это причинит сидящему у стола человеку сильную боль.

— Совершенно идентичные тем, на теле тула Ойзо, — печально вздохнул Эрех, подошел к столу. — Слева, направо, налево. Одним движением. Сделаны правой или тем, кто владеет правой рукой так же, как левой.

— И нашли его на дороге к Товайхо, — сыщик задумчиво пролистал отчет обратно. — Ты откуда знаешь?

— Там были первичные протоколы и мне дали их посмотреть, — сознался Эрех. — Ну, я и переписал для вас все, что там было. Нашли голого, в одних подштанниках, на теле следы крови, но вокруг ее не было.

— Значит, перенесли.

— Похоже на то.

— Так же, как и покойного Ойзо.

— Похоже на то.

— Это уже интересно, — Рейке задумчиво поглядел в текст, потом встал.

Аккуратно закрыл отчет, положил на край стола бумажную папку. Снял одну корзинку с другой, принес чашки для еды. Даже они указывали на то, что в доме обитает не просто закоренелый холостяк, а очень одинокий человек. Одна — металлическая армейская из походного набора, у Эреха во время его карьеры военного целителя Боятской кампании тоже такая была. Вторая — фаянсовая, в кувшинках, со щербатым краем и трещинкой.

— Это уже интересно, — повторил сыщик, снимая крышки с корзинок и раскладывая по чашкам ячменную кашу с тыквой и рубленую жареную курицу в соусе. — Если мы с тобой раньше предполагали, что имеем дело с единичным актом, возможно, связанным с насилием над девушкой, то теперь картина-то совершенно другая. И даже шантаж может быть совершенно не при чем. Потому что я просто не представляю, что может связывать

уважаемого судью городского уезда с сыном магистрата, который всего чуть больше года назад вернулся в Альмейру. А ты? Ты чего не ешь? Бери ложку и жуй, я на двоих покупал.

Эрех послушно принялся за еду. Некоторое время они молча ели, он медленно, мастер Рейке — целеустремленно, как мельница. Потом Эрех решил.

— Я там еще кое-что не записал. Я... Я ему руку осматривал и нашел на тыльной стороне ладони укус, а между пальцами были волосы, — он сунул руку в карман и выложил на столешницу длинную серебристую прядь.

Рейке, не переставая жевать, взял их в руку. Излишней брезгливостью сыщик, судя по всему, не страдал.

— Еще одно подтверждение севрасского следа, — кивнул он. — А что с укусом?

— Вот тут, — Эрех показал на своей руке. — Отчетливый и очень глубокий, чуть ли не насквозь. Старый — ему не меньше пары суток. Вы же понимаете, что это значит?

— Понимаю, — Рейке кивнул, помрачнев. — Вот тебе и связь — еще один любитель изнасиловать, э? Если я не ошибаюсь, судья наш был совершенно не женат. Работал много, понимаешь ли. И чей укус? Мужской, женский? Только не говори мне, что ты не замерил, док, ни в жизнь не поверю. С твоей-то дотошностью до анатомии и вскрытий.

— Замерил, — Эрех опустил голову, глядя в стол, машинально отметил длинную занозу на гладкой древесине. И отколотый с краю сучок. — Вы правы.

— И что? — поторопил его Рейке.

Эрех поднял голову, посмотрел сыщику в глаза. Говорить было противно.

— Он маленький. Узкая челюсть, мелкие зубы.

И увидел, как и без того светлые глаза побелели от внезапной догадки.

— Это детский укус, мастер. Жертвами были дети.

Глава 5. Павильоны чудес

Коляска уныло тряслась на камнях, послушно трюхала серая лошадка. Йон держал поводья, сбоку, погрузневший, скукожился док.

Проклятое средство передвижения обошлось аж в пять с половиной лян за ночь. Деньги Рейке, скрипя зубами, пришлось выскрести из своего кармана, поскольку в кармане мелкого осталось только на то, чтобы не протянуть ноги с голоду. А выбора не было. Если уж объединяла обоих покойников, помимо склонности к извращениям, еще и привычка брать наемные коляски у Северных ворот...

Они действительно нанимали их в одной конторе. Не опасайся Йон даже в мыслях поминать Рукокрылую, то сказал бы, что это Судьба постаралась. Владелец вспомнил и привлекательного юношу в университетской форме, и пожилого мужчину в дорогом костюме. Оба стали навещать его примерно полтора месяца назад, раз в два-три дня, коляски брали на ночь и ездили строго в Мимири. Последний раз в те самые ночи, когда каждый из них и сдох.

Туда им, мразям, и дорога. И чтобы переродились с полным искуплением. Безногими, слепоглухонемыми идиотами.

За двадцать лет работы среди всевозможных порождений криминального мира Альмеррайда Йон повидал многое. Такое, о чем и вспоминать-то было противно, не то что рассказывать. Но вот любители детей встречались редко, всего лишь трижды. Первый был в самом начале карьеры, когда самому-то Йону едва исполнилось семнадцать и следствие вел не он, а его наставник. В памяти осталось только ощущение омерзения, будто на улитку наступил. Маленький щуплый человечек, эфесский купец, признавался без всякого принуждения, рыдал и пытался оправдать свои действия, покупку пятилетнего мальчика у бродяг, тем, что собирался его любить. Мол, мальчику лучше с ним, чем на улице или под мостом. Наставник дословно записал эти излияния и передал по инстанциям. Развращение детей — преступление храмовое, а не светское, оно попирает основы и карается по закону Матери и Отца, а те не страдают ни недостатком воображения, ни излишками сочувствия.

Во втором случае Йон разбирался лично. Он тогда нечасто первым испрашивал справедливости, полагая, что ее и так ниспошлют, если будет необходимость. Но, оказавшись в подвале, где сотрудники магистрата вынимали из земли восемь полуразложившихся детских тел со следами зверских пыток, не удержался. Не смог удержаться. Оторванная голова украсила алтарь, а глава маленького храма в Алессо признался, что счастлив не принимать решения, потому что такие бездны человеческой аморальности ему не ведомы.

После третьего раза Йону еще полгода снились кошмары. Трущобы Асталота совсем не то, что в Альмейре, столица все же озарена благословением Короля, проще говоря, она безопаснее. А вот древний порт способен удовлетворить любые желания. Единственное место под Небом, где нет запретов, где можно найти все, были бы деньги. Дом вдовы Рино, например, предлагал детей. Любых и для любых нужд. Йон, помнится, почти сутки читал клиентскую документацию, то и дело глядя на связанную старушку, более напоминавшую одуванчик, чем кровавую тварь, и шерсть на загривке вставала дыбом. Хотелось не просто убивать — хотелось рвать руками, наживую. Ворованные младенцы для игры «в хирурга» для богатой супружеской пары. Мальчики не старше семи лет для шестидесятилетнего

ростовщика, поставки продолжались более трех лет. Десятилетняя астийская девочка для второго помощника магистрата, которую тот изнасиловал и убил. Комнаты с детьми, куда допускались постоянные клиенты. Любые желания кровожадных безумцев. Помощника Йона, помогавшего разбирать архив, несколько раз выворачивало наизнанку. Рейке тогда таскал вдову за собой, чтобы жаждущие возмездия храмовники не растерзали ее раньше, чем она сольет ему всю сеть. Он помнил череду ночных арестов, когда всех, кто был связан с этим делом, клиентов и посредников, вытаскивали из постелей и волокли в городскую тюрьму, осажденную требующим правосудия людьми. Помнил массовую казнь, когда впервые за более чем сто лет сам Верховный настоятель воззвал к Псоглавцу, публично, на главной площади, на глазах у всего города. И особенно отчетливо Йон помнил, как в абсолютной тишине невидимые псы Горо заживо рвали привязанных к столбам, лишенных голоса преступников. Божественная справедливость, непонятная непосвященному разуму, два ряда ищек в серой форме и вздетые к небу руки старика в золотой маске собаки. Ни разу за все последующие годы Йон не посчитал это неправильным.

И сейчас, глядя на пробегающие мимо стволы кипарисов, он думал, что, вполне возможно, история решила повториться. Слишком многое указывало на это. И полтора месяца поездок за две мили от города сразу двух незнакомых между собой людей. И, разумеется, способ, которым их убили. А еще то, что про судьбу никто ничего плохого не мог сказать, а вот про тула Ойзо — могли. Хотя бы Йон и Эрех. Как-то слишком последовательно прогуливался покойный в ту сторону, где приличному сыну уважаемого человека нечего делать.

— Эй, мелкий! — Йон выдернул Эреха из унылого состояния.

— А?

— Не нюнь.

— Чего?

— Сопли подбери. И ответь мне на один вопрос.

Он на дока не смотрел, но кожей ощутил, как тот занервничал. И ожидаемо пискнул:

— Какой?

— Объясни-ка мне, чего ты забыл тут, среди ночи? — Йон обвел рукой окружающий их вечерний пейзаж: серые кипарисовые стволы, теряющиеся в чернеющем небе, мягкий ковер из опавших иголок, темнота, тишина и жуть, особенно для трясущегося зайцем дока, размером с того же зайца.

— Ээээ...

— И не юли, — строго добавил Йон, подумал, и применил запрещенный прием. — Если мы с тобой в этом деле напарники, то вранья между нами быть не должно. Согласен?

Наивный младенец убито вздохнул и уши повесил. Посопел, собрался с силами, потом что-то прошептал себе под нос.

— Э? — расслышать жалкий писк Рейке не смог бы при всем желании.

— Я... это...

— Смелее, док!

— Я... — он даже зажмурился и Йон слегка забеспокоился. Чем он там занимается, по ночам, в женские бани подглядывает?

— Я... Я — штопальщик!

Над вечерним лесом повисла тишина.

— Ты?! — Рейке несколько секунд ошеломленно молчал, а потом расхохотался.

Глаза у мелкого стали круглые-круглые, а лицо обиженное-обиженное.

— Чего смешного-то? — буркнул он уже нормальным голосом. — Работаю на Красное братство, почти год. Эй! Хватит смеяться! Это, между прочим, невежливо!

Йон покивал и согнулся от нового приступа хохота. Очень уж не вязался похожий на девичий колокольчик но-Тьен с рискованной и запрещенной деятельностью подпольных бандитских лекарей.

— А чего так далеко-то?

— А кто бы меня поближе взял бы... — уныло и по-взрослому ответил док и вздохнул.

Тоже верно. Кому нужен ушастый целитель сопливого возраста, когда половина столичных преступников пользуется услугами подпольных кабинетов при госпиталях, оборудованных по последнему слову науки, причем принимающие там личности — бандиты почище их же собственных клиентов. Штопальщики или, по-другому, черные лекари, очень денежный бизнес с очень высокой и жесткой конкуренцией.

— Меня приятель пристроил, его брат состоит в банде у мастера Юхея. Он выкупился в прошлом году и на свое место предложил меня, — признался Эрех. — А что? У них в уезде довольно тихо, братство контролирует только тракт да всю эту сопутствующую коммерцию — гостиничные дворы, игорные домики. По-серьезному режут редко, меня обычно для такого специально вызывают, да еще раз в неделю хожу на прием, для всех. Вот и в ту ночь... Зато платят неплохо.

— А по тебе и не скажешь, что вообще платят, — сказал Йон, намекая на протертые локти старой тужурки и обтрепанные по низу брюки.

— Так я ж эти деньги не трачу! — возмутился мелкий. — Я коплю на выкуп. И на то, чтобы вернуться на учебу в Университет. Мне ведь, вообще-то, повезло, что Храм меня в Чистое Сердце продал.

— И много уже накопил?

— Примерно седьмую часть, — хлюпнув носом, признался Эрех, и оглушительно чихнул.

Йон щелкнул поводьями, подгоняя лошадь, и прикинул. Средние расценки целительских услуг он знал, тем более, что Лааль не был такой уж глушью, а Красное братство не страдало от нищеты. Седьмая часть. Выкупная стоимость устанавливалась Храмами самостоятельно, исходя из ценности и мощи дара, а также количества посвященных. Самые низкие цены у Матери и Отца, а вот ищейки Псоглавца — бесценны, в том смысле, что оттуда или выносят в погребальной урне, или изгоняют за слом обетов. Третьего не дано.

А ведь и не скажешь, что этот сопливый щенок дорого стоит или у него есть какие-то особые целительские дары!

— А почему такая цена-то, э?

Мелкий засопел. Йон уже подумал, что не ответит, но Эрех все-таки признался:

— Я человека исцелил. Во время Боятской компании, генерала но-Ферра. Ему взрывом ногу оторвало и я ее того... прирастил.

Если бы сейчас с ясного неба грянул гром и в блеске молний явился сам Отец-Небо, Йон бы и то меньше удивился. А так он только рот раскрыл и на несколько секунд забыл, как дышать.

— Это было один раз, — торопливо пояснил мелкий, заглянув ему в лицо. — И то, случайно. Я просто очень испугался, что он умрет, там было столько крови, вокруг все

взрывается, земля с небес сыпется, все трясётся, да еще пираты взяли три первых окопа. И я почему-то решил, что если с генералом что-то случится, то нам конец, испугался до жути. Ну и... Но мне еще шестнадцати не было, так что не надо смеяться! Зато Храм тут же меня с островов вытащил, до того, как следующий снаряд в следующем бою попал бы уже по мне.

И цену выкупную взвинтил, конечно же. А также стоимость самого Эреха но-Тьена как работника. Меньше всего Йону хотелось посмеяться с этой историей.

— Да уж, повезло, — справившись с эмоциями, пробормотал он, покосился на целителя. Вечер был зябким и тот приподнял воротник тужурки, сделавшись еще больше похожим зайца. Тощего, несчастливого и забитого. И точно не похожим на святого. — Лучше оставим в покое твое прошлое, пока я еще чего-нибудь не узнал. Ты мне вот что скажи — если мы в Красном братстве спросим про судью Карре, нам расскажут? Как у тебя там связи, наладились, за год-то?

— А зачем вам? — Эрах тут же переключился, голос окреп. Забавная у него манера, практически сразу забывать неприятное, если под нос подсовывают очередную загадку. Крепкий парень, с виду и не скажешь.

— Ты карту уездов помнишь? Куда входят Мимири и Товайхо? — Эрах похлопал глазами, потом, сообразив, встрепенулся, хлопнул себя уже по лбу. — Именно, в Лаальский городской уезд. Если в лесу по дороге на Товайхо вдруг оказываются два голых тела, оба из которых любили скататься ночью в Мимири, а второе при жизни еще и принадлежало судье Лаальского уезда, кого лучше спрашивать про темные делишки судьи, э? То-то же. Поработаешь со мной еще с месяц и станешь мыслить как нормальный человек. Так как у тебя отношения с мастером Юхеем? Если спросишь, расскажет?

— Ну, выгнать точно не выгонит, — философски заметил Эрах. — Где он найдет себе второго целителя, готового за такие деньги раз в неделю пешком таскаться из столицы в деревню?

— Тоже верно, — согласился Йон и еще раз щелкнул поводьями.

Лес закончился. Кипарисовые стволы расступились, выпуская из серых стен на волю. Дорога вывела на высокий бугор, с которого, вниз, открывался широкий вид на окончательно погрузившуюся в сумерки Красную долину. Будь сейчас утро, Йон с доком увидели бы и Красное озеро у горизонта, и густую зелень, окружавшую Лаальский тракт. В темноте же только сияла редкими зажжёнными огнями Мимири, чуть дальше — маленькая деревушка Товайхо, да совсем вдаль, ярче и гуще, городок Лааль, последний крупный населенный пункт торгового пути перед Альмейрой. А в самом низу, в окружении костров, раскинулись яркие цветные шатры и расписные кибитки.

— А это что такое? — изумленно спросил Йон, ткнув в них.

Эрах приподнялся в коляске, вглядываясь. Перед входом на импровизированную площадь кто-то установил импровизированные ворота с натянутым полотнищем, но букв темноте было не разобрать. На освещенной территории сновали толпы нарядных людей, а перед всем этим теснились, привязанные к ограждению соседнего поля, верховые лошади, телеги, повозки и такие же, как у Йона и Эреха, наемные коляски, указывавшие, что их пассажиры прибыли из столицы.

— Я знаю! — Эрах прищелкнул пальцами, резко развернулся, едва не свалившись на землю. — Я вспомнил! Той ночью, когда я нашел ваше объявление, там были афиши! Сейчас, как же это...а! Павильоны диковин и чудес мастера Тулли!

Йон, не отрываясь, смотрел вниз. Павильоны чудес, значит. Ну, что же. Кажется, вот

оно, начало конца.

Дерни за веревочку, мастер, дерни. Тайна и раскроется.

Павильоны чудес, пространство, сформированное из шатров и кибиток, производили ошеломляющее впечатление. Городок в городке, улочки, площади, домики, все не настоящее, искусственное, а вот надо же. Флажки, фонари, костры в огромных жестяных курильнях, которые обычно используют в траурные месяцы для жертвоприношений, а не для увеселений, лотки, на которых продают жареные лепешки, зимние яблочки в карамели и мелкую рыбу во фритюре. Разноцветные щиты с афишами, разодетые толпы гуляющих и раскрашенные лица актеров, а перед всем этим — гигантское полотно с разноцветными буквами. Павильоны диковин и чудес мастера Тулли.

Коляску они пристроили в общем ряду, но так, чтобы в нее можно было без помех запрыгнуть и уехать.

— И запомни! — мастер Рейке прихватил Эреха за плечо. — Мы с тобой — репортеры «Эха Альмейры», приехали поглядеть, о чем бы написать в нашу газету. Это чтобы не возникало сомнений, что тут делают два явно не состоящих в родстве мужика и почему они задают вопросы. Я — главный, ты — стажер в редакции. Усек, э?

Эрех кивнул.

— Смотри в оба, на рожон не лезь. Я думаю, что убийца тут. Севрасец в национальном костюме может затеряться только в двух местах, либо в воровском притоне, либо в цирке. Так что будь внимателен и осторожен. Ему тебя зарезать проще, чем руки вымыть.

А потом бросил его стоять посреди толпы по ту сторону ворот и растворился в темноте. Просто замечательно! Эрех нащупал в кармане проверенный флакон с перцовой настойкой и решительным шагом уверенного в себе человека направился к первому шатру, на котором значилось «Женщина-змея». Вход, естественно, был платным, но Эрех туда и не стремился. Бродячие цирки и павильоны уродцев не были для него чем-то новым или неизведанным. Как раз в период между Боятской кампанией и постоянной работой в тюрьме он умудрился пару месяцев подрабатывать в одном таком. Естественно, в обход храмовой казны. Нечего им.

На самом деле неприязни к Храму он не испытывал, да, собственно и не мог. Уединение от Страдания, место, в которое его забрали в пятилетнем возрасте, было ему роднее, чем семейное поместье, хотя традиции и обычаи семьи он помнил. После выпуска его практически сразу продали в штат военных целителей и отправили на острова, поэтому семью он смог увидеть только после возвращения. Постаревшую мать, совсем не похожую на ту, что осталась в его памяти, седого отца, возмужавших старших братьев. Они-то были настоящими астинэ, высокими, красивыми, с длинными волосами, заплетенными в традиционные косички. Прирождённые воины, истинные первые дети Богов, совсем не как он, маленький, тощий, с девчачьей физиономией и вечно обритой головой — по храмовой привычке, от вшей. С тех пор к семье он ездил раз в год, на семейную встречу нового года и было ему там... странно. У него не было ощущения дома, он так часто переезжал с места на место, повинаясь велению храмовых отцов, что сам храм — любой из них на обширных территориях Альмеррайда — и был тем местом, которое ближе всего было к его пониманию этого слова. Пространство, заполненное воздухом и светом, статуи Исцеляющей Наэмы в окружении бесчисленных свечей и корзин с персиками, бронзовые курильни на высоких ножках. В храмах ему было спокойно. Там он мог сесть перед алтарем и мысленно

спрашивать Богиню, как ему дальше поступить. Именно туда он ходил, перед тем как принять решение стать черным лекарем. Именно божественного одобрения ждал. Мнение жрецов и политика Храма его интересовали куда как меньше. И именно поэтому он никогда не считал предательством свое желание выкупиться. Ведь, будучи свободным, он не отступит от принятых обетов, как не отступал от них никогда, даже когда помогал делать аборт акробатке из цирка. Это было ее решением, а его обязанность — не дать человеку умереть. Облегчить боль. Вылечить болезнь. Все просто, на самом деле.

Эрех свернул между шатрами, ища, что могло бы дать ответ на заданные вопросы. Мастер Рейке полагал, что следы того, кто же был ночью в доме тула Ойзо и кто укусил судью Карре ведут сюда. Логично, учитывая, что вряд ли в самой Мимири есть люди, способные торговать детьми. Да от одной мысли мерзко становится!

Вообще конечно, каким образом он должен искать способы купли-продажи детей, Эрех не имел ни малейшего понятия. Как и о том, каким образом все эти безумные люди находят тех, кто готов их продать. Бродяги понятно, но через цирк? Походив кругами позади расставленных шатров, но-Тьен решил зайти с другого конца, с убийцы. Все же севрассэ в цирке обнаружить куда как проще, мастер Рейке прав.

Он выбрался на центральные «улицы» и снова огляделся. Павильоны с представлениями были расставлены по периметру, так что обойти их всех, не пропустив не одного, невелика задача. Посчитав, что среди женщин-змей кота точно быть не может, Эрех потратил мелочь на палочку яблок и побрел вдоль левой стороны.

Следующим шел шатер с непонятным названием «Девушка одна из двух» в который тянулась очень длинная очередь. Встать в нее он не стал, но походил вокруг, прислушиваясь к разговорам ожидающих людей. Больше всего обсуждали павильон магии и большое представление, которое обещали начать через час, в главном шатре. Покрутившись еще немного, Эрех убедился, что ничего интересного больше не услышит и пошел поглядеть на павильон магии. Во-первых, раз уж там столько народа, а во-вторых, было любопытно, что за магия такая. Настоящие маги, чуждая раса времен Магической войны из Блуждающего дола, полностью исчезли более двух веков назад, а то, что называли магией теперь, больше напоминало раздел науки и техники. Творить настоящую магию людям не под силу, это известно.

Но до места он не дошел. Отвлеч плач, раздавшийся из-за ящиков в узком проходе между двумя кибитками и полотняной стенкой обиталища какой-то «Провидицы Маэ». Эрех свернул в темноту и обнаружил источник — маленькую, лет семи девчушку с разрисованным личиком. Она забилась в тень за ящиками и горько плакала, прижимая к себе тряпичную куклу. Слезы размазывали краску, изображающую неведомого зверя.

Мысль о том, что он, кажется, нашел возможного ребенка мелькнула и пропала на задворках сознания.

— Привет, — как можно дружелюбнее сказал Эрех, присаживаясь на корточки, — ты чего это тут?

Она не ответила, крепче прижала куклу к себе и попыталась спрятать лицо в ее нитяные волосы. Рыдания стихли, видимо, плакать перед чужим человеком ребенку не хотелось.

— Не говоришь с незнакомцами? — догадался целитель. — Правильно делаешь. Тогда давай меняться. Ты мне расскажешь, почему плачешь, а я тебе скажу свое имя и дам вот это.

Он протянул ей палочку с яблоками в карамели, из которых успел сжевать только два.

— Ну как? Идет?

Она снова промолчала, только в упор смотрела на Эреха большими черными глазами из-под длинной русой челки. Пристально и недоверчиво разглядывала его лицо и думала. Потом, видимо решив что-то для себя, переложила куклу в левую руку, а правой приподняла подол длинного платья, явно с чужого плеча. Худую детскую ногу украшала огромная кровоточащая ссадина, от колена до щиколотки, типичный след удара плеткой или хлыстом для лошади.

Эрех мысленно пожелал тому, кто это сделал, всех благ и крепкого здоровья. В следующей жизни. Его спина привычно заныла, вспоминая собственный опыт.

— Ладно, — вслух сказал он. — уговор так уговор. Держи. И, между прочим, я Эрех.

Маленькая грязная лапка выхватила у него яблоки.

— А ты?

Девочка опять не ответила. Он посмотрел на ссадину, выглядывающую из-под ветхой ткани и подумал, что это, в сущности, пустяки. Немного усилий. В конце концов, если он за деньги держит банкиров, которым вправляют полученные спьяну открытые переломы и лечит бандитов, порезанных в кабацкой драке, помочь одному несчастному ребенку труда не составит.

— Сейчас я тебе покажу чудо, — заговорщицки подмигнул но-Тьен. — Ты только не пугайся, может показаться, что горячо.

Он встряхнул кистью, расслабляя мышцы, потом накрыл пальцами рану, практически прикасаясь к рассеченной коже. Сосредоточился.

— Грабли убрал от моей сестры! — просвистело за спиной, крепкая рука ухватила Эреха за ворот и опрокинула на спину.

Над ним, сгорбившись и полыхая яростью, стоял парень примерно его возраста.

Высокий, жилистый, в черном атаи с широким поясом. Бритые виски покрывали вязи татуировок, выбеленные волосы собраны на затылке в длинный, до талии, хвост. Севрасский кот собственной персоной. Убийца.

Сердце подскочило к горлу, а потом ухнуло куда-то в область мочевого пузыря и там затерялось. Перед глазами Эреха блеснул и замер, готовясь укусить, изогнутый как коготь нож с кольцом на рукояти. Девочка, имени которой он так и не узнал, испуганная резкими действиями брата, уронила в пыль палочку с яблоками и вновь заплакала.

И тут целитель разозлился. Ярость, которая копилась в нем все это время, ярость на себя, на влиятельных покойников, которые жили, нарушая все основы, ярость на людей, торгующих детьми и наркотиками, и на этого парня, который, стараясь защитить сестру, наворотил такого, что не передать словами. Ярость на весь мир, в котором плачет ребенок. Потому что если и было что-то, чего Эрех но-Тьен не выносил, так это когда обижают детей.

Сердце вернулось на место и забилось ровно, будто на работе в госпитале.

Правой рукой он перехватил запястье с ножом, а левую поднял, чтобы задравшийся рукав обнажил клеймо — вытатуированный персик с листьями и цветами, символ Наэмы. За попытку нанести себе такой же просто так до сих пор отрубали руку.

— Я целитель, — злым голосом сказал он незнакомцу. — Твоя сестра плакала и я пытался сделать то, что необходимо в такой ситуации — успокоить и помочь залечить рану. Но ты, конечно, все и сам исправил, поздравляю.

Парень растерялся, не ожидая подобной реакции, и, пользуясь этим, Эрех оттолкнул его в сторону и снова сел, склонившись над девочкой. Яблоки спасти было нельзя, густая пыль плотно облепила карамельные бока.

— Я тебе новые куплю, — посулил но-Тьен, — ты только не плачь. Или вон, твой брат купит. Кстати, он и правда твой брат?

Она всхлипнула и закивала.

— Тогда давай вылечим ногу, — он опять привычно расслабил мышцы, накрыл рану, сосредоточился.

— У меня нет денег... — рыкнул было все еще растерянный севрассэ, но Эрех только цыкнул на него и закрыл глаза. Он не терпел вмешательства в процесс исцеления

Жар разгорелся в области солнечного сплетения, в темноте под веками багровые линии принялись чертить контуры раны. Ссаженная кожа, с почерневшим от запекшейся крови краем, середина раскорябана и кровоточит, особенно там, куда пришлось максимальное усилие от удара. Расплывающийся вокруг синяк, уже явный, черный. Жар заполнил грудную клетку и потек вперед, в кончики пальцев, еле прикасающихся к краям раны. Вспышка света под веками.

— Вот и все, — довольно улыбнулся Эрех, отнимая руку и снова привычно ей встряхивая.

Пять красных точек на тех местах, где были его пальцы. И гладкая, нетронутая поверхность кожи, лишь грязные разводы вокруг. Стоящий за спиной севрасский кот, опаснейший убийца, по-детски ойкнул.

— Теперь не болит? — девочка, недоверчиво разглядывавшая исцелённую ногу, вскинула на него глаза, замотала головой. — Вот и хорошо. Давай, успокаивайся, и пошли, я тебе яблок куплю.

Чтобы встать на ноги, пришлось приложить усилие, голова кружилась и мутило. Забавно, что когда он прирастил безо всякого следа ногу генералу но-Ферра, такого не было. А вот привычное исцеление небольших травм всегда вызывало и головокружение, и тошноту.

— У меня нет денег, чтобы заплатить за это, — севрассец очнулся, вновь заговорил зло, даже с ненавистью.

— А у меня нет сил с тобой перепираться, — устало махнул рукой Эрех. Следом за тошнотой подошла и привычная апатия. Целительство потому-то так недешево и стоит. Как и целители. — Я еще не озверел до такой степени, чтобы требовать денег за лечение следа от удара на ребенке. Так что, прости, но мне не до твоей благодарности.

— А я и не благодарен!

— Ага. Я слышу.

Чуть пошатываясь он побрел наружу, пытаясь вспомнить, где видел торговца горячим гранатовым соком. Самое то сейчас было бы. Ну и что, что денег почти нет, помнится, дядюшка мастера Юхея страдает застарелым геморроем, вполне можно будет сходить пешком эти две мили в неурочное время...

Крепкая рука вновь поймала его за шиворот, только в этот раз, чтобы не дать упасть и усадить на ящик, а не для того, чтобы уронить.

— Тебя шатает, целитель.

— Это бывает, когда лечишь, — отозвался Эрех, глаза закрывались сами собой. — Сейчас пройдет. Только посижу вот...

— И всегда с тобой так? — парень говорил недоверчиво, но злость из его голоса ушла.

— Со всеми так. Ну, может, кроме Верховного и королевских целителей. Хотя я точно не знаю, ни разу их не встречал. А что? Беспокоишься?

— Вот еще! Просто если ты тут навернешься в толпе, тебя или затопчут, или ограбят. Ты

себя-то со стороны видел?

Видел, видел. Но и тебя тоже.

— Меня зовут Эрехом, — будем знакомы, что называется. — Я говорил твоей сестре. А вот свое имя она мне не сказала.

— Потому что она у меня не говорит, — неохотно пояснил севрасец.

— Вообще?

— Да. Немая, с рождения, — он присел рядом и вздохнул. — Ладно, псы с тобой... Её Нимой зовут, ей семь с половиной лет. А меня Тэфе и мне восемнадцать. И мы оба с Белых гор.

— Да, я это уже понял, — тошнота уходила, забирая с собой своих товаров, но вот страх не вернулся. Не вызывал его сидящий сбоку восемнадцатилетний парень Тэфе с Белых гор. А уж его немая сестренка тем более. А вот желание оживить покойных Ойзо и Карре, отпинать ногами да сдать обоих в псарню для наказания — было. И еще какое.

И мучал вопрос, как объяснить все, что сейчас вертится в голове, мастеру Рейке.

— И что вы тут делаете, так далеко?

— Деньги зарабатываем, что же еще. Родители умерли, а сам я мало что умею, кроме этого, — нож перекувыркнулся в воздухе и вновь, как заговоренный, лег рукоятью в ладонь. — Вот мы тут... А ты?

— Я? — после всего случившегося легенда про двух репортеров рассыпалась прахом. — Я с приятелем пришел. Он работает репортером в «Эхе Альмейры», ему надо что-то для репортажа, а я за компанию, ему редакция коляску вон выделила, казенную. Бесплатно.

Эрех сам себе удивился, как складно он врал.

— На большое представление хотите? — Тэфе убрал нож за пояс, сунул руку в карман и выудил оттуда два билета, напечатанных на плохой бумаге. — На. Это тебе и твоему другу.

— Зачем? — Эрех изумленно повертел бумажки. Два ляна, однако.

— В благодарность, — кот соскочил на землю и вдруг поклонился, низко. И сестру в спину толкнул. — Кланяйся, мелочь. И спасибо тебе, мастер.

— Да ладно, я же сказал... — Эрех растерялся.

— Ничего. Ну, нам пора, сейчас выступление. И ты тоже не опаздывай, — брат с сестрой повернулись и направились к выходу.

Но через пару шагов Тэфе остановился, обернулся и, словно решившись, спросил.

— Мастер, а ты можешь... У меня есть еще сестра, ей десять и на нее напали. С тех пор она плохо спит, ей снятся кошмары, она кричит по ночам. Ты... ей можно помочь?

Он смотрел со странным выражением на лице, растерянным и одновременно отчаянным.

Последний кусочек мозаики со щелчком встал на место, и вся картина, во всем ее ужасе, явилась перед внутренним взором Эреха. Десятилетняя девочка, которая кричит по ночам и семилетняя, у которой на ноге след от удара хлыстом. И их брат, зарабатывающий на жизнь тем, что только и умеет делать.

— Я могу, — кивнул Эрех, надеясь, что по его лицу не прочтешь ничего. — По крайней мере, с кошмарами я справлюсь. Встретимся здесь после представления?

Тэфе улыбнулся, впервые за все это время.

— Обязательно! Давай, мастер!

Они с сестрой побежали налево, а Эрех, выждав несколько секунд, выскочил наружу и со всех ног бросился искать сыщика Рейке. У него оставалось полчаса, чтобы найти его и все

рассказать.

Йон некоторое время постоял, глядя как акробаты перед большим красным шатром выделывают всякие штуки, невозможные для обычного человека, потом купил на мелочь жареную лепешку в промасленной бумаге и, сдвинув шляпу на затылок, побрел в толпу, делая вид, что просто прогуливается, как и все тут. Обычный зевака, столичный житель, охочий до небольших развлечений. Вон, многие даже детей с собой привезли.

На самом же деле он искал. Цирк — хорошее место для тайных дел. Закрытое для посторонних, очень тесное, замкнутое профессиональным недоверием к чужакам. Актеры цирка, маги, шарлатаны, уродцы, все они — отбросы общества, и потому к ним никогда не приглядываются, потому что не принято у приличных людей пристально глядеть на неприличное. Да даже говорить о том, что посещаешь такие места стыдно, разве что с прихихикиваниями. Почти два месяца катался сюда Ойзо, значит и цирк тут стоит два месяца, а слышал ли об этом он, сыщик Рейке? Нет. Что и требовалось доказать. Оставалось только понять, кто и как может организовывать здесь торговлю детьми, и дело будет в шляпе. Вместе с предлагающимися к нему пятью сотнями лян.

Хотя, если по-честному, последние несколько часов от мысли про деньги за возвращение тела Читела Ойзо безутешному папаше становилось не по себе. Гнил бы он где-нибудь, этот сынок. Или, вон, пусть док себе из него препаратов нарежет, сердце и печенку по банкам рассует.

А пока нужно найти детей. Воровать они их тут не воруют, такое бы мигом всколыхнуло всех и дошло до самых незначительных ушей вроде его, сыщицких, значит, торгуют своими.

Йон повертел головой и ухватил за локоть пробежавшего мимо парня с разрисованной рожей и в разноцветных портках в облипку.

— Эй, любезный, а где я могу узнать, какие представления вы тут даете?

Парень с готовностью ткнул пальцем в сторону расписной кибитки.

— А вон там, уважаемый, стоит специальный человек и раздает программки всем желающим.

Йон поблагодарил и целеустремленно, закусывая шаг лепешкой, направился в указанном направлении. Стреб бесплатную, на дешевой бумаге, программку и внимательно с ней ознакомился.

Мастер Тулли на аттракционы не скупился. Он представлял двенадцать павильонов, со странными названиями вроде «Девушка одна из двух» или «Человек-стрекоза», пять гадателей всех мастей, одну провидицу, кабинет диковин, мага и целый набор уличных актеров. Помимо этого, каждый вечер, под занавес, в главном шатре давали большое представление. Йон еще раз просмотрел перечень и спросил у человека, который раздавал программки:

— А где я могу найти самого мастера? — и, прежде чем недоверие вспыхнуло в глаза собеседника, добавил. — Я из газеты «Эхо Альмейры», по поручению главного редактора, хочу договориться о большом репортаже на две полосы. Так где?

Парень явно растерялся, и потому указал на пристроенную за шатром обычную цирковую кибитку, только невзрачного серого цвета.

— Там. Кабинет мастера Тулли там.

Йон сунул программку сунул в карман и прогулочным шагом пошел к так называемому кабинету. Он еще не решил, будет ли и впрямь договариваться об интервью — его-то он

потом может и в газету продать, — но вот что подглядывать и подслушивать он точно будет, был совершенно уверен.

В маленьком окошке горел яркий свет. Йон, оглядевшись, нырнул в темноту за складками палатки, обнаружил приставленную к задней стенке кибитки бочку и подкатил ее к окну. Устроив себе импровизированный насест, вскарабкался на него лицом к проходу, чтобы углядеть, в случае чего, опасность, извлек из кармана верный Глаз и приложил его к углу окошка. Глаза закрывать не стал, но уши наострил.

Внутри «кабинета» находились двое. Один говорил скрипучим громким голосом, явно сам мастер Тулли, другой бормотал что-то неразборчивое, нервно, но непреклонно. К сожалению, все обсуждалось на эфесском, которого Йон практически не знал и понимал одно слово из дюжины. И еще названия. Например, Товайхо, произнесенное несколько раз. И слово «садак» — дорога, которое почему-то часто произносили вместе с названием деревни. Очень интересно. Товайхо кхе лие садак, значит. Дорога на Товайхо.

Ну и пусть, что Йон не понимает, зато у него есть масса благодарных эфесских клиентов, которые ссудят бедному сыщику свои знания родного языка. Тут, главное, сидеть и позволять Глазу все запоминать. Не зря в свое время Йон выложил за него целое состояние. Спасибо, опять же, Катрионе, которая умудрилась сохранить все это, вместе с Миротворцем и еще рядом вещей из прошлой жизни.

Разговор оборвался через четверть часа, очень напряженно, скрипнула дверь кибитки и Йон успел соскочить с бочки и спрятаться в тень между колесами. Лица посетителя он не увидел, только силуэт невысокого полного человека в темном костюме и широкополой шляпе. Следом, спустя непродолжительное время, вышел и второй — высокий седой старик в длинном бархатном кафтане, с тростью в руках. Замкнул дверь на засов и пошел в сторону входа в шатер. Йон, посчитав для порядка до ста, вылез из-под дна кибитки и осмотрелся. Окна не горели, замок на двери был мощный, с двумя отделениями для разных ключей. Небось, еще и магический. В принципе, логично для владельца цирка, который и кассу тут должен держать. Но дорого же. Не менее трех сотен такое чудо стоит. С досадой цыкнув, он тоже направился на выход.

Чтобы с грохотом врезаться в Эреха.

Йон еле успел увернуться от удара головой под дых, ухватил клиента за шиворот и встряхнул.

— Эй, мелкий, ты чего так несешься? Случилось что?

Док трясся и смотрел на мир перепуганными круглыми глазами.

— Я нашел его! — выпалил он страшным шепотом.

— Кого?

— Ну, его! Его! — руками изобразил кривую линию, совершенно не похожую на зигзаг.

— И отпустите вы меня, что за день сегодня такой, все за ворот хватают!

Йон послушно выпустил воротник тужурки.

— Молодец. И где?

— Там, — он ткнул пальцем в неизвестном направлении.

-Ты бы успокоился, а? Он тебя что, заметил?

— Лучше! Я с ним познакомился и он мне билеты на представление дал!

Йон еле слышно застонал и провел ладонью по лицу. То, что он принял за испуг, было восторженным возбуждением. Просто у некоторых дураков вот такой восторг.

— Что ты сделал? — уточнил он на всякий случай. Еще оставался шанс, что он что-то

не так понял.

— Познакомился с ним! Его зовут Тэфе, он с Белых гор, ему восемнадцать.

Шанса не было.

Грохнуть и прикопать, чтобы не мучился?

— Так, давай по порядку. Билеты нам зачем?

— Так я вам его покажу! Он здесь выступает.

Йон призвал все свое терпение, ухватил паршивца еще раз, теперь за плечо и потащил в сторону входа.

Билеты оказались хорошие, на первый ряд. А вот новости — не очень. Картинка складывалась такая, что волосы дыбом вставали. Просто калейдоскоп, малейшее движение — и стекла перемешались, сложившись в новый рисунок. И теперь вместо кровавого севрасского убийцы у него на руках подросток с двумя сестрами, одна из которых немая, а другую покойная скотина Ойзо напугал так, что у ребенка кошмары. А еще — потенциальный торговец детьми и странный господин в шляпе, которого так интересовала дорога на Товайхо. Вряд ли по вопросу подорожных платежей. Крышевой? Йон с досадой откинулся на спинку сиденья. Это было самой вероятной версией на сегодня, он восемь лет безвылазно торчит в Альмейре и за это время ни разу не слышал имени Тулли. Как тот смог выйти на клиентуру уровня сына магистра и уездного судьи? Только через хорошее и крепкое знакомство, которое, скорее всего, прикроет его от магистрата и прочих. И уж точно — от сыщика с правом свидетельствовать в суде.

Впервые за восемь лет Йон пожалел, что он уже не прежний. Прежний он сожрал бы мастера Тулли вместе с его крышей и его тростью, даже не подавившись.

Занавес на противоположном конце арены распахнулся и на утрамбованную песчаную площадку вышел человек в бархатном костюме ослепительно-голубого цвета. После притона Боро Кутираи у Йона к этому цвету развилось непередаваемое отвращение.

— Доброй ночи, уважаемые! — выкрикнул бархатный костюм, голос вознесся вверх и разлетелся по всему шатру. — Позвольте приветствовать вас под куполом знаменитых Павильонов чудес и диковин мастера Тулли! Мы предлагаем вам на два часа переместиться в мир фантазий, созданных под руководством нашего мастера! Увидеть чудеса со всего света! Окунуться в океан магии! Познать непознанное! Изведать неизведанное! И все это — благодаря великому мастеру Тулли!

Он взмахнул руками, и все зрители послушно развернулись в сторону, куда он указывал. На самом высоком уровне расположенных ступеньками сидений была скрытая в складках купола площадка. Мастер Тулли выступил из темноты, и Йон увидел бархатный кафтан, трость с костяным набалдашником и костистое лицо в окружении седых волос, с глубоко посаженными бесцветными глазами, отпечатавшееся в его памяти как раскаленное тавро на коже. Тилеец как и сам Йон. А вот имя искажено на островной манер. Интересно.

— А теперь позвольте же нам перейти к представлению. И пусть первой вас поприветствует прекрасная Белая госпожа и ее птицы.

Свет вокруг погас, очертив только круг арены, Рейке мысленно присвистнул. Это был не первый его бродячий цирк, но никогда ранее он не видел такого освещения. Магическая технология, стоит соответственно.

— Покажи-ка мне билеты, — прошептал он на ухо Эреку и тот, не отрываясь от происходящего, протянул ему бумажный квадратик.

Два ляна за штуку. Недешево. Но, учитывая, что дальние ряды, скорее всего, дешевле

минимум вдвое, и не дорого. Уж точно не могут окупить магически настроенное освещение.

Белая госпожа и ее птицы оказались группой эфесских акробатов, летавших под куполом под аккомпанемент скрипок, на которых они сами и играли, ни на миг не сбиваясь с ритма сложных трюков. Роскошные белые костюмы, подчеркивающие изгибы тел, переливались в магическом свете.

Зал взорвался аплодисментами, когда они уходили, а на смену им из-за кулис выплыли огненные жонглеры. Вспыхнули факелы.

— Эй, ты чего с таким лицом? — Йон нагнулся к Эреху, тот сидел прямо, словно палку проглотил, губы сжаты в прямую линию, брови сведены. — Не любишь цирк?

— Терпеть не могу, — признался док, голос был низок и глух. — Но дело не в этом. Я не понимаю... вы не чувствуете?

Йон незаметно обернулся, мазнул глазами по сидящим людям, чье внимание было приковано к кругу желтого песка. Там взлетали, крутились, падали и вновь взлетали зажжённые факелы, плясали в танце огня полуобнаженные эфесские жонглерки. Традиционное представление, Йон видел на островах. Но зрители счастливы. А вот мелкий нет. Сам Рейке ничего не чувствовал, но Эреху верил. Посвященные живут немного по другим законам, чем обычные люди и, если он говорит, что что-то происходит, значит так оно, скорее всего и есть.

На арене, поочередно, сменялись мимы, дрессировщики собак и обезьян, клоуны и эквилибристы. Йон на них не смотрел, Йон разглядывал зрителей. И отвлекся только тогда, когда человек в голубом бархате выкрикнул:

— А теперь, уважаемые, вашему вниманию представляется уникальный номер! Тайные ритуалы Белых гор и небывалая высота смешались в нем. Впервые во всем королевстве и за его пределами тайна Братства Бойцовых котов и его лучший воин, Тэфе Зимний! Танец с ножами под куполом!

Йон с Эрехом как по команде поглядели вверх. На невероятной высоте на узеньком трамплине стоял новый приятель мелкого и заключенный в пределы арены столб света серебрил его волосы.

— Что он будет делать? — обеспокоенно спросил Эрах.

— Ничего особенного. Насколько я знаю, это просто часть традиционной тренировки, он с детства этим занимался. Прыжки и балансирование на канатах на высоте. Сейчас оттолкнется, зацепится, покажет нам серию трюков и уйдет обратно. Ты что, беспокоишься о нем, э?

Док пожал плечами. Йон усмехнулся, а про себя подумал, что тоже беспокоится. Этот парень — жертва, прежде всего. Наверное поэтому. Или... Додумать он не успел. Севрасец вдруг пошел вперед по трамплину и даже на таком расстоянии было видно его напряженное лицо, устремлённый в одну точку взгляд. Йон резко обернулся, но ничего не увидел. А парень дошел до края, остановился, все так же неотрывно глядя вниз.

Зал замер, в оглушенной тишине было слышно как потрескивает сухое дерево сидений.

Стоящий на краю бездны севрасский мальчик вдруг улыбнулся отчаянной улыбкой. Док все понял первым, вскочил и закричал:

— Нет!

Йон вскочил следом.

Тэфе с Белых гор оттолкнулся двумя ногами, раскинул руки и стремительной черно-серебряной птицей рухнул вниз.

Глава 6. Святой

— Где дежурный врач?! — рявкнул Йон, как только двери госпиталя распахнулись.

За ним на растянутой тряпке двое фермеров волокли то, что еще можно было назвать Тэфе с Белых гор, восемнадцатилетним парнем. Следом, в сомнамбулическом состоянии шагал Эрех и держал. Только благодаря его усилиям, да еще чуду и доброте совершенно посторонних людей сиганувший с высоты идиот был жив. Мелкий ухватил его сразу, как только добежал до распластавшегося на арене тела даже не проверяя пульс. И, надо думать, в последнюю секунду за шкуру выволок с того света, потому что после такого не выживают, исключено. И держал его все время, что изломанное бессознательное тело перетаскивали на кусок бархатного занавеса, пока несли сквозь толпу переполошенных людей, водружали на телегу и, сквозь густую летнюю ночь, летели в город, в единственный госпиталь, который пришел в голову.

А Йон не менее крепко сжимал в руке верного Миротворца. Потому что прекрасен помнил пристальный, сосредоточенный взгляд внезапного самоубийцы, направленный за спины сидящим. И то, что сам Йон в том направлении ничего не разглядел, еще ничего не значило. А вот близость огнестрельного оружия, против которого не придумано защиты, добавляла уверенности. Йон выпустил рукоять только когда за ними закрылись двери госпиталя.

— Так я не понял, врач где? — повторил он, глядя в вытаращенные глаза юной санитарки. — У нас умирает человек! И, кто-нибудь, дежурного целителя сюда, а то этот дурак...

Дежурный целитель, высокий парень в очках, уже бежал по коридору. Оттеснил Эреха, профессионально занял его место, так, что севрассец даже не дернулся. Штора, которую все еще удерживали за углы дюжие фермерские сынки, пропиталась кровью, тяжелые красные капли падали на чистый мраморный пол, расплываясь неопрятными темными пятнами.

А врача все не было.

Рейке выругался и ухватил стоящую у стены каталку.

— Грузите сюда! — приказал он, потом вновь обернулся к стойке регистрации. — Еще раз спрашиваю — где врач?

— Врач... не поможет... — выдавил пришедший в себя Эрех, пошатнулся, ухватился рукой за стену, оставляя красный отпечаток. — Там...нечего... нужны все целители... исцелять...

Из носа дока текла кровь и он размазывал ее по лицу.

— Да вы с ума сошли! — вдруг взвизгнула девица за стойкой, белая крахмальная шапочка латунной булавкой в виде сердца подпрыгнула. — Кто вам позволил врываться?! Немедленно убирайтесь! У нас приличная лечебница! Ты, но-Тьен, как ты позволил им...

Йон, не терпевший женских и бюрократических истерик, шарахнул ладонью по полированному дереву. В принципе, нечто подобное им и ожидалось.

— Заткнулась, живо, — тихо сказал он, пристально глядя в округлившиеся от страха глаза. — И быстро ответила, сколько будет стоить полное исцеление?

— Нисколько, — ответил за девицу мужской голос.

Йон обернулся. В проеме двери, ведущей в правое крыло госпиталя, стоял важный седой мужчина белом халате поверх дорогого костюма.

— Госпиталь Чистого Сердца не принимает пациентов без предварительного договора с ними или с магистратом. Для всех остальных есть Восточный госпиталь и лечебница при храме Наэмы, почему вы приехали к нам? Мы сегодня даже не дежурируем!

Последние два слова он выделил особо. Лицо у него было крайне неприятное, презрительная складка у рта — привычной, а глаза — водянистые.

— Все остальных — это которых? Что рылом вышли? — сыщик говорил зло, чувствуя как поднимается внутри, вызванная всеми событиями, глухая ярость. Есть слова, что срабатывают, как собачьи команды. Мужчина в белом халате, похоже, умел их находить. — Мы же не отказываемся заплатить, сколько бы это не стоило! Просто назовите цену. Мы не доведем его на другой конец города.

— Доктор Бак... — мелкий все еще захлебывался дыханием, — это очень важно! Вы не понимаете!

Он зашелся в кашле, не смог договорить.

— Послушайте, мастер доктор, — начал было сыщик, с тревогой заметив, что к крови из носа у дока добавилась и кровь изо рта. Были все основания предполагать, что скоро в приемной может оказаться двое умирающих.

Доктор Бак прервал парня коротким пренебрежительным жестом.

— Мальчик мой, — Йон с удивлением понял, что этот лощеный хлыщ знает Эреха в лицо и по имени. — Я думал, ты понял предназначение нашего госпиталя... Мы оказываем помощь всем людям, но, так случилось, что воля Богов не позволяет в равной мере оказывать ту ее часть...

Йон оторопел.

— Воля Богов? — вдруг тихо и яростно спросил Эрах глухим голосом.

И даже кашлять перестал. Йон вдруг кожей почувствовал, что сейчас что-то будет. А вот доктор явно ничего такого не ощущал и затыкаться не собирался.

— Мы можем помочь этому бедному мальчику уйти без мук...

— Его зовут Тэфе! — с каждым словом голос целителя становился все ниже и ниже. — Ему восемнадцать лет и он приехал сюда с Белых гор! У него две младшие сестры и нет родителей. А у его сестер — нет никого, кроме него! И вы предлагаете мне просто дать ему умереть?! Потому что на то есть воля Богов?!

С грохотом захлопнулись тяжелые створки главного входа.

— Эй, док!

— Мальчик, ты забываешься!

— Да что вы знаете об их воле! Где вы ей учились? Или вы думаете, что ваш университетский диплом позволяет вам выбирать, кто будет жить? Это вы забываетесь!

По стенам, оббитым красивыми панелями из темного дерева, поползли тонкие трещины. Закачались магические светильники под потолком. Йон понял, что уже поздно и шагнул в сторону, сгребая за плечи ни в чем неповинных фермеров, которые застыли, что от выступления персонала Чистого Сердца, что от пронзительной истерики мелкого блондина в потертой тужурке.

— Вы ничего не понимаете в Богах, хирург Бак, ничего! — на то, чтобы оттолкнуть коллегу выше его на две головы, Эреху хватило одного легкого движения рукой. — Что ж, я вам покажу.

А у него глаза светятся, подумал вдруг Йон. И меняют цвет.

Эрах положил обе ладони на плечи лежащему на каталке парню и вскинул голову,

подняв к потолку бледное лицо, измазанное в крови и пыли.

И вспыхнул.

Свет прорвался изнутри, сквозь кожу и одежду, охватил целиком щуплую фигурку, налился, как персик летом и выплеснулся наружу, огненными лучами, обжигающими глаза. Тонкие трещины на стенах, которые в пылу спора никто, кроме Йона не увидел, расширились, побежали вниз, к полу. Вздрыбились мраморные плиты, и сквозь них тонкими зелеными стрелами вверх, к импровизированному солнцу люстр устремились зеленые ростки, утолщаясь на глазах, обрастая ветвями. Доктор, пытаясь увернуться, споткнулся о проломивший мрамор корень и рухнул Йону под ноги.

А Эрех полыхал. Вернее не он, он был где-то там, в сердце этого ослепительного света, а свет рос и ширился, как прорастающая посреди приемной роца, свет менялся, распрямляясь и обретая форму.

Сотканная из солнца женщина поднялась, заполнив собой все пространство, взгляд золотых глаз полоснул по каждому из стоявших, упавших и спрятавшихся, одновременно видя все и всех. Плеснули на невидимом ветру длинные рукава, сияние достигло апогея, затопив помещение и рассыпалось, разлетелось дождем огненных искр. Пискнула медсестра, рухнули на колени фермеры. Йон протянул руку, безуспешно пытаясь поймать на ладонь частички чуда, словно ребенок снежинки.

И огляделся.

Приемная превратилась в сад. На шелестящих листвой деревьях наливались персики. Пришедший в себя очкастый дежурный целитель ошеломленно озирался по сторонам. Вернувшийся к привычному виду Эрех стоял, опираясь обеими руками о каталку, и кровь из носа у него больше не шла.

Раздавшийся вздох заставил всех вздрогнуть. Минуту назад умиравший севрасский мальчишка открыл глаза, а потом сел плавно, красивым гибким движением тренированного бойца.

— Знаете, доктор, — задумчиво сообщил Йон Баку, впрочем, на него не глядя. — Кажется, целитель но-Тьен сегодня от вас уволился. Ваш госпиталь слишком обычен для святого.

— Я все сделал, — сообщил Вадэ Баккари и поклонился. Плешь на макушке весело блеснула в лучах восходящего солнца.

Теон Делко внимательно осмотрел подготовленную сцену.

Покосившиеся домики вдоль обрывистого берега реки Яблочной, вытекавшей из Красного озера стояли на расстоянии, объясняющем, почему ничего не могло быть обнаружено ранее. Старые рыбные сушильни, где уже лет пятнадцать ничего не сушили, добавляли к объяснениям достоверности. Здесь никто не ходил, особенно ночью, разве что играли окрестные дети, но кто же будет спрашивать детей. Дорога была много дальше, так что и заблудившийся путник не мог случайно завернуть в эти всеми забытые окраины Товайхо. А песчаный берег, спускавшийся к бутылочного цвета ленивой воде, как раз часто подмывало и он уходил в воду длинными, поросшими травой пластами. Если закопать что-то в здешнюю почву, оно может быть в равной степени потеряно на долгие годы и обнаружено через пару тройку-дней.

Идеально.

— Ты точно уверен, что опознание невозможно? — с подозрением уточнил он, в

который раз, у исполнительного штабс-капитана.

— Абсолютно, мой полковник, — успокоил его Баккари, тоже в который раз. — Тело подобрано по внешнему и возрастному сходству, вес и рост полностью соответствуют. А все остальное сделали огонь и смола. Ну и мы подкинули кое-какие вещицы, личного характера, так сказать...

— А этот — он не сломается?

— Не за такие деньги. Я оплатил половину, вторую его семья получит после суда. У него такие долги, что он признается в чем угодно, тем более, работать он уже не может. Недавний несчастный случай сделал его калекой, так что даже жена была счастлива моему предложению. Не стоит беспокоиться, все совершенно достоверно.

Полковник Делко кивнул. Еще раз внимательно оглядел сложившуюся картину: полуразрушенные рыбацкие причалы, серые доски и подъеденные водой и временем сваи, осыпавшийся склон, выступающее из песка тело, обугленное до состояния головешки. Смола и огонь способны до неузнаваемости изменить что угодно, это точно.

— Замечательно, — оценил старания Вадэ Баккари полковник. — Пора сообщать магистрату, что его несчастный сын найден.

Причина, по которой раздетый труп Читела Ойзо валялся около развалин старой резиденции оказалась проста — так Тэфе с Белых гор пытался изобразить ограбление на ночной дороге.

Вообще, выслушав его историю, Йон не знал, плакать ему или смеяться. А, может, плюнуть на волю Целительницы и пристрелить бедолагу, чтобы больше не мучился и других не заставлял. Мальчишка, чуть с ума не сошедший от свалившейся на него ответственности за сестер, а также всего ужаса ситуации, ничего не утаивал и был только рад поделиться хоть с кем-нибудь. Сидя на полу в комнате Йона, он смотрел в одну точку и рассказывал, спокойно, сухо, без лишних эмоций.

О том, что сестер продали он узнал в ту же ночь. Он тогда не выступал и потому на вечер уходил в Лааль, а когда вернулся, увидел, как раздетую в шёлковое платье Нору усаживает в коляску молодой человек в дорогом костюме и шляпе, и везет прочь. Тэфе побежал следом и в дом на Розовой улице ворвался как раз тогда, когда сестра, пришедшая в себя, сопротивлялась насильнику, как пойманный волчонок схватившему его охотнику. И тогда Тэфе впервые убил человека — как учили отец и дед, сплошным ударом слева-направо-налево. Опыта у него не было и потому Ойзо успел уделать кровью всю гостиную.

После этого Тэфе, замотавшись в какой-то плащ, загрузил во все еще стоявшую у дома коляску труп и сестру, вывез все это из столицы и оставил Ойзо недалеко от дороги на Товайхо, в надежде, что, когда труп найдут, подумают, что он стал жертвой разбоя. Он понятия не имел, с кем свела его Судьба и, естественно, даже в самых страшных кошмарах не мог предположить, что зарезал сына магистрата Альмейры.

Ниму, вторую сестру, он встретил у ворот. Судья Карре, в отличие от Ойзо, оказался сволочью трусливой, и потому не стал преследовать вырвавшегося от него ребенка. Зато отсутствие смелости он явно компенсировал жадностью. Нуна запомнила место, куда ее привезли и когда на следующую ночь Тэфе отправился туда в поисках хоть каких-то следов незнакомца, он сам заявился и стал требовать, чтобы ему вернули уплаченные деньги. Две тысячи лян, уплаченные за возможность изнасиловать семилетнюю девочку. Во второй раз Тэфе не колебался и судья даже толком не понял, когда его убили.

— Да уж, — только и смог сказать Рейке, дослушав до конца всю историю. — Повезло тебе, парень.

Парень, вернее оба мальчишки, вскинулись, не понимая, как это и о каком везении речь, а Йон продолжать не стал. Подпер голову рукой, с тоской думая, что костюму конец, ботинки тоже, скорее всего, придется выбросить, а награда в пятьсот лян, на которую он так надеялся, точно не окупит всех моральных затрат. Мало того, что убиенный магистратов сынок превратился из перспективного студента из приличной семьи в мразь, движимую лишь жаждой новых ощущений, так еще и кровавый севрасский кот на деле оказался перепуганным пацаном с двумя девчонками на шее и перспективой веревки. За судью, любителя детей, его бы никто и пальцем не тронул, а вот магистрат за сына...

И, все же, повезло ему. Повезло, что в ту ночь еще один идиот тащился через лес и не придумал ничего лучше, как украсть брошенный там труп для опытов, чем помешал свести воедино убийство Ойзо с убийством Карре. Студент недоделанный! Вон, сидит теперь с возмущенной рожей на стуле, придурок лопухий. Эх, взять бы его за эти ушки, да на солнышко! А решать все теперь должен немолодой и, не сказать чтобы зажиточный, сыщик с туманными перспективами на будущее. За, фактически, двадцать восемь лян гонорара мелочью.

— А прыгать ты с чего собрался? — Йон вернулся к нерешенному вопросу, заключающемуся в сосредоточенном лице и пристальном взгляде в одну точку.

Тэфе не ответил. Некоторое время сосредоточенно смотрел в одну точку, привычными движениями вертя в пальцах коготь. Изогнутое лезвие бросало солнечные блики на стены комнаты.

— Я не помню, — в итоге недоуменно признался он. Нахмурился, между длинными бровями пролегла морщинка. — Я помню как встретил апэ Эреха... потом забрал сестру и пошел готовиться к выступлению... там кто-то был, я помню, что кого-то встретил... А дальше... все.

Он изумленно оглядел Рейке и Эреха.

— То есть ты не хотел кончать жизнь самоубийством, я правильно тебя понял? — Йон подался вперед. — Ты просто не помнишь, почему это сделал? Точно не помнишь?

Фразу «не врешь» он опустил. Читать Тэфе можно было как открытую книгу и врать он, похоже, не умел вовсе, в отличие от танцев с ножами. Сейчас он был испуган и растерян.

— Нет. — он тряхнул хвостом, как лошадь. Поглядел с отчаянием. — Совершенно!

Мелкий выглядел изумленным. Сам Йон, раскачиваясь на стуле, прикидывал возможные причины такой потери памяти. Вариантов было несколько, все очень неприятные, но ему отчего-то казалось, что за этим всем стоит что-то еще. Что-то, что зацепилось на границе памяти и вызывает сейчас назойливый зуд, как всегда бывает, когда знаешь, но вспомнить не можешь.

Слишком много событий сменяли друг друга за эти дни. Слишком много информации.

— Ладно, — он поднялся на ноги. — Вставай, док, пошли, заберем из цирка девочек и нашу лошадь.

Которая, между прочим, сейчас будет стоять вдвое дольше, к утру они ее не вернули, а сама она точно отвязаться не могла.

— А я? — вскинулся севрасец.

Ишь, опять хвостом тряхнул. Ну, чисто боевой скакун при звуках трубы.

— А ты будешь сидеть тут и не высовываться. Наворотил уже, хватит. Ты уясни, что

если бы не этот вот любитель анатомии, — Эрех от этих слов обиженно надулся, — то военные, какими бы тупыми они ни были, в два счета сложили б и твою манеру резать людей, и то, где ты их бросал. Найди они два трупа подряд, ты бы уже болтался на виселице в тюремном дворе.

Мальчишка протестующе вскинулся, но Йон остановил его одним взглядом.

— И нечего сверлить меня глазами, парень. Не приведи Боги, эрл Ойзо тебя найдет — ничто, никакие грешки его ублюдочного отпрыска не спасут твою шею. И наши заодно. Ладно, мне ты ничего не должен, согласен. Но есть еще и док, который несколько часов назад вытащил тебя из рук Смерти. Уважай свой второй шанс и его усилия. Усек, э?

Судя по потухшему взору, да.

— Так что, отдыхай и ничего не делай. А ты, док, хватит губы дуть. Собирайся, у нас еще уйма дел.

— Это каких? — задать ему вопрос мелкий решился только на улице.

— Для начала, денежных. Или у тебя в кармане источник монет забил? Учитывая, что зарплату свою ты мне еще в первую ночь отдал, сомневаюсь.

Одна надежда, что главный редактор, тот еще жмот, раскошелится на аванс, если помахать перед его носом аппетитным скандалом. Помнится, он и магистрат состоят в разных партиях, более того, свояк редактора в свое время пытался даже какую-то интригу повернуть по смещению Ойзо с насиженного места. Йон просто спиной чувствовал, всей своей неоднократно битой шкурой, что без страховки, на одном праве свидетельствовать в суде, он не выедет. Вряд ли магистрат не знал, пусть и частично, о подвигах сынишки. Знал, конечно, старый хмырь. И прикрывал отпрыска, чего уж стесняться. И дальше прикроет, тем более, что дети живы. Так что выход один — сначала поднять волну народного гнева, а потом на этой волне въехать в Дворец Правосудия. А что лучше всего помогает в таком деле? Длинные языки газетчиков, что же еще.

В редакции, как всегда, царил дурдом, который главный редактор, мастер Онойка, называл неподходящим термином «информационный голод». Сновали репортеры, газетные мальчишки, редакторы, корректоры, рекламодатели и бухгалтеры, а также посетители, желающие продать сенсацию или, наоборот, купить ее, да так, чтобы она никогда не появилась на страницах. «Эхо Альмейры», вторая по влиятельности газета в королевстве, да еще и оппозиционная всему на свете, за исключением денег и концепции свободы слова в понимании Марва Онойки, была сосредоточением независимой информации. Ее основной конкурент, «Альмеррайдский гудок», представлял из себя листок куда как более консервативный и рассчитанный, прежде всего, на публикацию официальной позиции Двора и поддержку правящей коалиции. «Эхо» же питало жажду знаний широких слоев общества. Благо Его Величество, Кароль Седьмой, считал, что свобода слова необходима нынешнему Альмеррайду, как всегда были ему необходимы воздух, вода и расположение Судьбы, и даже поощрял не всегда здоровый энтузиазм газетчиков, особенно в публикации правды и компромата на чиновников всех мастей. Репортеры, в ответ, самого короля и все семейство Фаттихидов не трогали.

Иногда Йон задавался вопросом, что сказал бы на такое сам Фаттих Маэде, основатель династии. Эрех же, семенивший за ним как рыбацкая шаланда за военным крейсером, только головой вертел, пораженно разглядывая царящее вокруг безумие. Вокруг же сновали, кричали и обменивались новостями.

— Эй, Диссел, ты куда дел статью про открытие военной выставки в Асталоте? Что?

Что значит, ее оставили на завтра?! Да завтра ее напечатают даже на ресторанных салфетках, ты о чем?!!

— Ребят, кто-нибудь уже занялся делом о назначении Его Величеством следственной комиссии по вопросу злоупотреблений во время Боятской компании?

— Очень вовремя! Они бы еще лет десять прождали!

— Чья это новость?! Чья, я спросил? Мелко, твоя? Ты совсем сдурел? Вопрос о отсутствии кипятка в буфете речного вокзала на вторую полосу?!! Я тебя уволю!

Йон увернулся от брошенного в голову репортера Мелко орфографического словаря, придержал дока, чтобы того не затоптали два секретаря и один корректор и, наконец-то, вошел в святая святых этого бардака — в кабинет главного редактора. Тот как раз, встав на стул для увеличения своего более чем небольшого роста, верещал, как прищемленный дверью кот.

— Что это такое! Да, я тебя спрашиваю! Вот это ты предлагаешь мне на первую полосу?

Внизу, пригнувшись, тряслись редактор, наборщик и некий прыщавый юнец в фартуке с меткой типографии.

— Нет, это просто невозможно! За что я вас тут держу, кретинов эдаких?! Олухов безграмотных! Криворуких побирушек! Уволю! Всех! На Пустоши поедете, агитационные листовки печатать!

В углу, прислонившись плечом к стене, стоял репортер Лунте и широко улыбался, глядя на разворачивающуюся сцену.

— Я вас всех спрашиваю! Это уже в который раз, а? В который?!

— О чем скандал? — шепотом поинтересовался Йон у приятеля.

Тот заулыбался еще шире, хотя казалось, куда уже.

— Наша краса, Тойфе, опять накосячил в наборе, — Йорр Лунте был репортером до мозга костей и говорил только и исключительно на профессиональном жаргоне. — Шефа сейчас удар хватит. Он уже с четверть часа так верещит. Сначала, вон, орал на команду, которая занималась описанием таинственного происшествия со вторым принцем — они умудрились написать, что дело не раскрыто и одна из теорий, будто покушались не на принца, а на кролика. Угу, в Королевский оранжереях.

Йон хмыкнул.

— А теперь вот это. А ты, кстати, как? Все ловишь беглых супругов?

— Забудь про супругов, — Рейке понизил голос, глядя, как разошедшийся Марв лупит наборщика по хребту свернутыми в трубку листами ватмана. — У меня тут наклеивается скандал не то что года, десятилетия. Если накопаю, возьмешься написать?

Йорр моментально наострил уши и стал совершенно похож на лису. Сразу видать, что профессиональный газетчик во втором поколении, вскормленный типографскими чернилами.

— Прямо вот десятилетия? Не гонишь ли ты мне, приятель?

— Судьбой клянусь, — хмыкнул Йон и быстро изобразил ладонью в воздухе знак Рукокрылой. Никем более он поклясться не мог и его собеседник был одним из немногих, кто это доподлинно знал.

— А сам тогда чего не возьмешься? — Лунте глядел с подозрением.

— А сам я, — Рейке еще больше понизил голос, произнес практически одними губами, — думаю, буду давать показания в Высшем суде. И как бы не самим десяти.

Орфографический словарь, запущенный меткой рукой мастера Онойки, перелетел через

кабинет и с грохотом врезался в полку, свалив оттуда бронзовый бюстик поэта Линде.

— Ого, — тоже одними губами ответил Йорр.

Это, похоже, было согласие. На душе немного полегчало — Рейке уже пару раз сотрудничал с репортером Лунте и знал, что тот за честь почитает не только свою независимость и любовь к правде, частенько, впрочем, переходящую в людоедство, но и то, что его никому не получалось подкупить. Йорр Лунте был, прежде всего, журналистом, и свободе слова служил так, как все остальные служат двенадцати Богам.

— Если еще раз! — в их беседу ворвался рев Марва и Эрех, так и стоящий сбоку от Йона, пригнулся.

Следом за словарем полети скомканные гранки.

— С чего он так бесится? — обеспокоенно уточнил Йон. Не то, чтобы гнев Марва Онойки мог его напугать, как и сам Марв, но вот то, что гневаться тот любит долго и со вкусом, могло затянуть процесс выколачивания аванса. — Ну, накосячили, с кем не бывает?

— Э-э, — засмеялся Йорр, — они же не просто накосячили. Они тут накосячили в преступлении года, причем по полной — и орфография, и шапка. Ты разве не в курсе, сын магистрата пропал? Так сегодня утром нашли его тело и задержали убийцу.

Где-то под локтем придушенно пискнул мелкий.

— Э?!

— Да, я сам там не был, вызывали кого-то из дежурных новичков, они новость и приперли. И даже картинок успели нашлапать. Да ты сам погляди.

Лунте поднял с пола гранки, расправил листы и протянул сыщику.

Первое, что бросилось в глаза, было жирное: «Горелый труп Читела Ойзо наконец-то найден!»

И чуть ниже: «причины смерти не установлены из-за отсутствия на трупе кожи».

Йон быстро пробежал корявый текст. Из него выходило, что сегодня ранним утром, пока док выращивал в госпитале персиковые сады, военные под руководством незабвенного Теона Делко обнаружили не только обгорелое до неузнаваемости тело тула Ойзо («труп был не похож на самого себя»), но и убившего его рыбака. Который, если верить изложению дежурного репортера, неизвестно где и неизвестно как напал на несчастного убитого с целью совершить «воровство ценностей и украшений».

Это было уже чересчур.

— Мастер Лунте, — Йон всунул листки в руки мелкому, чтобы тот ознакомился. — А займи-ка мне десять лян, а? До завтра, в счет той сенсации, о которой мы с тобой договорились.

Ждать, пока Марв закончит верещать, времени не было.

Лунте посмотрел с подозрением, но сунул руку в карман и всучил Йону пачку мелких купюр.

— Спасибо, друг. — серьезно кивнул Рейке, ухватил за шиворот но-Тьена и быстро, не обращая внимания на все еще царящий вокруг дурдом, покинул кабинет.

Остановился Йон только на углу, в дух кварталах от здания редакции.

— Слушай сюда, док, — серьезно сказал он. — Планы меняются.

Эрех, не перебивая, кивнул. Круглые серые глаза смотрели внимательно.

— Сейчас ты возьмешь деньги, — он всунул ему в луки полученный от Йорра ляны. — И поедешь к своему второму работодателю. Ты понял, о ком я? Все, что мы хотели узнать вместе, узнаешь у него сам. После чего займешь там парочку амбалов и сходишь в цирк за

сёстрами нашего котика и лошадыю. Думаю, с таким сопровождением тебе не откажут. Встречаемся у меня дома. Все понял?

— Что случилось? — только и спросил док.

— Я еще не знаю точно, — Йон сунул руку под пиджак, нащупал рифлёную рукоять Миротворца и недобро улыбнулся. Ну, все, Теон, наконец-то ты мне попался. — Но собираюсь узнать. И пусть он мне только не расскажет.

Добирался до Товайхо Эрех на перекладных — дал поляна первой согласившейся телеге и уныло тряся по дороге, которая изрядно ему обрыдла за последние дни. И думал.

К собственному удивлению не о том, что случилось с ним в госпитале, хотя определенно стоило бы. Когда он спасал генерала, все было совершенно по другому, он не терял себя и божественную благодать ощущал иначе, просто как вспышку силы, на какой-то миг поборовшую панический ужас не удержать раненого и опасения, что снарядом по голове прилетит. Произошедшее в госпитале было совершенно другим. Так, наверное, чувствовали себя в древности преступники, которых окунали в кипящее масло. Мгновенный непереносимый жар. И ощущение, что в собственном теле становится очень тесно, как взрослому в детской одежде. Классическая божественная одержимость, чудо и все прочее оказались не столь захватывающими, как он себе представлял в детстве, когда читал о них.

О последствиях же думать и вовсе не хотелось. Наоборот, в голову упорно лезли мысли о Тэфе и его сестрах, о туле Ойзо и о мастере Рейке, который что-то понял, но, как всегда, не сказал, что. А Эреху было интересно. Он впервые попал в эти сферы человеческого дна, и логика людей, совершающих преступления, временами казалась ему непостижимой. До этого, что за полгода работы в тюрьме, где он ассистировал тюремному лекарю, что за годичную его карьеру штопальщика при банде мастера Юхея, он не задумывался как много человеческого зла существует вокруг. Даже когда его старший брат Эвери, названный в честь того самого предка, чья подпись украшала Договор, положивший начало Альмеррайду, стал завсегдатаем чумных домиков, он не думал об этом.

Королевство было довольно спокойным местом, особенно по сравнению с теми же островами. Военные, система магистратов и уездных судов, а также Департамент безопасности Короны и его благословенные Псоглавцем ищейки казались Эреху, как и всем обывателем, гарантией если не абсолютной безопасности, то хотя бы того, что криминальный мир не выплеснется за пределы трупоб, в которых ему определено существовать. И только за последние дни, следуя за мастером Рейке сквозь концентрированный мир преступности, он понял, насколько способность ко злу заложена в самом человеке. И впервые подумал, что не смог бы жить на обратной стороне мира так, как это делает сыщик, годами, изо дня в день.

Телегу тряхнуло на камне и Эрех, ощутило приложившись о бортик, ойкнул.

— Задумались, мастер? — прервал его мысли управлявший телегой седоусый торговец.

— Немного, — улыбнулся целитель, потирая ушибленное место.

— Слышали, наверное? Тут недавно нашего судью зарезали, ограбили до подштанников и голым прямо на дорогу бросили.

И не только слышал, мог бы сказать Эрех, но благоразумно промолчал. Хотя отливающее синевой тело покойного Карре живо всплыло в памяти.

— Нет, — соврал он. — А что за судья?

— Наш-то? Так себе человек был, если по правде. Даже в городе не жил, предпочитал

из столицы таскаться сюда два раза в неделю на судебные дни или по вызову. Я лично свечку не держал, но поговаривали, что еще и продажный. Представляете? Совсем королевского гнева не боялся. А сомнения-то в нем было — просто жуть. И надо же, как Боги распорядились, что помер от руки разбойников и нашли его в полном стыду.

Да уж. Божественное провидение, не иначе. Дети — святы и неприкосновенны, как можно было! От одной мысли, да еще от воспоминания про след от удара на ноге девочки, начинало трясти.

— Вас где высадить-то, мастер?

— А? А, мне, пожалуй, на перекрестке у колодца, — телега остановилась, купюра в поляна перекочевала в карман торговца. — Спасибо за доброту!

Мастер Юхей, глава Красной банды, которая, по его мнению, контролировала и дорогу, и торговлю в Лаальском уезде, проживал в обыкновенном с виду деревянном домике на окраине Товайхо. На самом деле, конечно, контролировал он только нелегальную коммерцию — контрабанду, мелкий черный рынок, рассчитанный на проезжающих до столицы торговцев, да то, что сопутствует торговому тракту: игру в кости из-под полы в придорожных гостиницах, гостиничных девочек и оборот нелегального алкоголя в обход королевских акцизов. Сам мастер, разумеется, верил, что он — великий воротила преступного мира, потому имел и подобающую его положению охрану, и бухгалтера с адвокатом, и личного штопальщика, и не имел жены.

Эрех постучал условным стуком в непроницаемые, украшенные изображением танцующих журавлей, ворота и приготовился ждать. До этого сразу его впускали только если кто-то помирал, а на еженедельных осмотрах предпочитали помариновать снаружи, чтобы, видимо, знал свое место. Но вот сегодня открыли сразу. Домоправительница, красивая, круглолицая эфессэ, склонилась в поклоне, мазнув рукавами женского агаи по деревянному тротуару.

— А вы сегодня в неурочное время, мастер Тьен, — пропела она, акцент в речи был слышен отчетливо.

Вообще Аои Юраи приходилась мастеру Юхею практически женой, но, поскольку преступному воротиле жены не полагается, до храма они с ним не дошли. Зато воспитывала она его как законная супруга, Эрех не раз становился свидетелем.

— Я по личному делу, апэ Аои, — сказал он, кланяясь в ответ.

Женщина разулыбалась и беспрекословно пропустила его в обсаженный яблоневыми деревьями двор. Эрех прошел вперед, спиной ощущая ее взгляд.

На Аои Юраи он производил то же впечатление, что и на всех женщин в его жизни. Что поделать, если его внешность вызывала у противоположного пола только лютый материнский инстинкт и жалость, а также желание накормить (до отвала) и приласкать (отнюдь не по-матерински). По опыту зная, что все это обязательно закончится неприятностями, Эрех всегда старался держать между собой и женщинами преграду из традиционного астийского этикета. Сложно погладить по голове взрослого человека, который разговаривает в третьем тоне вежливости и, чуть что, склоняется в очередном замысловатом поклоне со специальным значением.

Мастер Юхей сидел в большой комнате и вкушал послеобеденный чай. Стол перед ним был уставлен пирожками, пышками, пампушками и печеньем. Эрехов желудок тут же протяжно напомнил целителю, что последней едой, которую вкушал он, были два мелких яблока в карамели прошлой ночью.

— А, целитель Тьен, доброго тебе вечерочка, — прохлюпал чаем Юхей. С маленькой чашкой он, здоровый, плечистый мужчина типично бандитской внешности, смотрелся уморительно. — Зачем пришел? Вроде ж никто у нас не помирает.

— Я с личным вопросом, — на заставленный стол Эрех старательно не смотрел, но желудок бурно и упорно страдал. — Не за деньгами.

— Да я и не подумал про деньги. Юраи! Неси еще прибор, у нас гость, женщина!

Апэ Аои вынырнула из-за занавески, недовольно махнув юбками, и, судя по ее лицу, а также по тому, как слегка пригнулся Юхей, «женщину» она ему потом обязательно припомнит. Еще раз очень тепло улыбнувшись Эреху, она налила ему полную чашку чая и передвинула поближе все блюда с выпечкой.

— И чего же ты хочешь? — задал вопрос мастер бандит, когда домоправительница вышла.

Эрех отпил чаю, откусил пирожок, чтобы утихомирить бурчание в животе, и произнес:

— Судья Карре. Что вы о нем знаете?

— О покойнике-то? — Юхей хохотнул. — Много чего. Даже платил ему, было дело. За спор о земельном участке под трактир в Мимири. А тебе он зачем?

— Я его вскрывал, — Эрех задумчиво вертел в руках чашку, следя, как темно-золотой чай окрашивает белые фарфоровые стенки. — И кое-что слышал. Личное.

Пристальный взгляд через стол был ему ответом.

— Ты о детях? — внезапно серьезно спросил мужчина.

— А вы знали?

Глава местных бандитов помолчал.

— Скажем так... Он же понимаешь, у нас не жил, брезговал. Судебные дни в уезде два раза в неделю и то, по вечерам уезжал обратно в столицу. И времени ж ему было не жаль! Поэтому я мало что знаю определенно. Кроме одного.

Он тоже покрутил чашку в руках, поставил на стол.

— Только учти, если что — я отопрюсь от всего, что сказал.

— Так он же умер! — изумился Эрех.

— Дело не в смерти, мастер, дело в другом. Пару лет назад прошел слух, что появился где-то на юге человек, который может достать то, что другие не могут. Просто вот все может достать или сделать. Я не знаю подробностей, но наш судья прям встрепнулся. У него же, понимаешь, ни жены не было, ни любовницы. Народец-то поговаривал, конечно, но, думали, что он, может, просто женщин не любит или по мужской части там что, мало ли как бывает. И тут наш судья резко снялся с места и рванул на юг.

— А вы откуда все это знаете?

-А ты думаешь, я только чай пью и кости гоняю? Мы ж в двух милях от столицы, мастер, а не на Пустошах. Информацию всегда можно купить, а то, что знают двое, знают все. Вот я и купил — ну, чтобы было чем на судью повлиять, если вдруг что. С ними, с чиновниками, таким как мы можно или дружить, за небольшую денежку, или не дружить, но обязательно с информацией в руках, или вообще не пересекаться. Так вот, что я тебе хотел сказать. Нашел я человечка, который нашел мне еще человечка, который узнал, куда ездил судья-то. И зачем. И знаешь... Я чуть не сблевал. Бывают же такие! И как Боги их допускают, а?

Эреха тоже сильно интересовал этот вопрос последнее время. Настолько, что он всерьез подумывал задать его потом, после смерти, когда предстанет его душа перед ликами всех Двенадцати на Небесном суде.

— Насколько я понял, ему там не удалось, то ли родня настучала в магистрат, то ли сам магистрат задался вопросом интересного человека, исполняющего желания, только вот судья наш вернулся и полгода сидел тише воды, даже временно переехал в служебную квартиру при суде. Никуда не выходил, храмовников пуще моровой язвы боялся.

Эрех машинально потянулся за пирожком и обнаружил, что под увлекательный рассказ опустошил целое блюдо. И даже не заметил. Голова его была занята другим, что-то крутилось в ней, связанное с желаниями, что-то, что он никак не мог уловить или вспомнить.

— Он опять попытался, вы знаете? — оставив ускользящую мысль в покое, Эрех посмотрел в глаза Юхею. — За день до смерти. Собственно и убили его...

— Что, родня ребенка нашла? Молодцы!

— Только вот самих детей, двух девочек, надо забрать. Там... еще был желающий. Я, собственно, за этим и пришел. Вы мне людей не дадите?

— Мог бы и не спрашивать. Ради такого дела я и сам сходить могу, юность вспомнить. Эй, Юраи! Женщина! Да что ж это такое! Вечно ее не дозовёшься, когда она нужна.

Поднявшись со стула с удивительно для человека его масштабов грацией, Юхей нырнул за занавески. Эрех засунул в рот пышку с малиновым вареньем и, пережевывая, задумался. Был ли тот, к кому ездил судья два года назад и тот, кто продал Нору и Ниму, одним и тем же? Если б тут был мастер Рейке, он бы уже целую теорию выдвинул, а так приходилось обходиться своими весьма скромными силами и незначительным опытом.

Дожевав пышку и потянувшись за пончиком, Эрех сообразил, что в доме вдруг воцарилась абсолютная тишина. Тяжкая, настороженная, заставившая его потянуться к серебряному ножу для масла. Что он собирался с этим ножом сделать, Эрех не сообразил. Тяжелый удар по затылку швырнул его в темноту и последнее, что целитель ощутил, была поверхность скатерти, на которую он рухнул лицом.

Дверь в кабинет к Теону Делко Йон распахнул пинком. Останавливать его никто не стал — костюм свой он за это расследование полностью изгваздал и пришлось опять надеть старую форму, которую сидящий в приемной плешивый хмырь узнал даже без знаков различия. И потому на шум и грохот никто не прибежал.

В несколько стремительных шагов сыщик пересек просторный кабинет и небрежным движением швырнул на стол картинку, только что сварганенную им при помощи Глаза и возможностей типографии «Эха Альмейры».

На картинке во всей красе возлежал тул Ойзо, слегка подпорченный неправильным хранением, с отчетливо видимым швом от вскрытия на груди.

Теон вперил взгляд в черно-белое изображение и побелел, как окружающие его стены.

— Ты немедленно отпустишь того бедолагу и объявишь во всеуслышание, что произошла ошибка в опознании, — вкрадчиво сказал Рейке, не сводя с полковника пристального взгляда. — А иначе я с телом на плече иду в магистратский суд и под присягой рассказываю, что ты и твои орлы начудили сегодня у старых сушилен. И как вы собирались надурить магистрата.

Белизна полковничьего лица стала отливать синим.

— Ты знаешь, что старый хрен с тобой сделает, не так ли, Теон?

Дрожащей рукой Делко рванул ворот кителя.

— Он все время был у тебя?!

— Скажем так, — ухмыльнулся Йон. — Вы же сами объявили пятьсот лян награды за тело и убийцу, э? Достаточная сумма, чтобы такой неудачник, как я, приложил определенные усилия.

— И ты нашел... убийцу? — обычно самоуверенный, с громкий голосом, сейчас Теон говорил, чуть ли не клацая зубами.

— Это оказалось интересное дело, — Йон продолжал скалиться, как пес, загнавший вора в угол. — Обманчивое дело. Сначала я нашел жертву, которая вдруг обратилась в преступника. Потом нашел убийцу, оказавшегося жертвой. А потом я стал задавать вопросы и на один никак не могу найти ответа самостоятельно — каким же это образом владелец провинциального цирка вдруг вышел на весь бюрократический цвет столицы? И, знаешь, я так бы и плутал в неизвестности, если б ты не стал вскрывать тело уездного судьи. И меня вдруг озарило — почему ты, почему не магистрат, э?

Следить, как мечется человек, пойманный на горячем, когда-то представляло для Йона удовольствие отдельного рода. Он думал, что забыл это чувство, но глядя на перепуганное лицо, с бегающими глазками и задрожавшими усами, понял — нет. Просто давно не было шанса его испытать.

А самое главное было то, что Теон Делко знал его еще тогда, восемь лет назад, и сейчас — Йон готов был свою единственную шляпу заложить — в полной мере вспоминал все, что тот к нему тогда испытывал, особо не скрываясь: отвращение и страх. Особенно страх, безудержный ужас перед взявшим след псом, остановить которого могут лишь Боги. Вот и теперь у полковника даже губы дрожали, как у готового заплакать ребенка.

— Это не я, — неожиданно тонким голосом пискнул он.

Прям словно мелкий, когда волнуется или возмущен.

— Э?

— Его крышую не я.

— Не смеши меня.

— Это правда! — Делко вцепился в край стола, чтобы скрыть как трясутся руки.

— Тогда кто?

Молчание и бегающие глаза. Йон устало вздохнул.

— Ну, как хочешь, — пожал плечами, взял со стола картинку и сунул в карман, показывая, что собирается уходить, вернее, идти. К магистрату.

— Не... — Делко осекся, внезапно поник и рухнул на стул. — Все.

— Что?

— Все. Я сказал — все! Все, кому он оказывал услуги.

— То есть ты хочешь сказать, что речь идет о круговой поруке клиентов? — Рейке оторопел. — Да что он тогда такое делает? И... Проклятье, Теон, ты что, тоже предпочитаешь детей?! Не брешь, я же тебя лет пятнадцать знаю!

— При чем тут дети? — Делко оторопело моргнул. — Ах, ты про судью... Нет, дело совсем не в детях...

Он снова замолчал.

— Тогда в чем? — эта странная беседа начинала надоедать, но тревога, вызванная признанием, не давала ее прекратить.

— Он... Понимаешь, он исполняет желания... Хотя о чем это я. У тебя же никогда не было желаний. Ты был счастлив! Ты копался в человеческой грязи и крови, потом приходил домой к жене и это делало тебя счастливым! Ты же ничего никогда не хотел, как и все вы,

проклятые собаки! И тебе не понять, что значит хотеть чего-то!

— Повремени с истерикой, пожалуйста, — Йон всеми фибрами слышал, как сейчас, там, в Небесном Дворце, в заливи́стом хохоте заходится Судьба. — При чем тут желания? Мне кажется, ты отклоняешься от темы разговора.

Упер руки в столешницу, навис над Теоном, прекрасно зная, какое впечатление, с его ростом и лицом, при этом производит:

— Или не отклоняешься? Кто он такой — мастер Тулли?

Полковник смотрел затравленно.

— Он исполняет желания, — выдавил наконец. — Я же сказал... Он приходит к человеку и предлагает ему то, что тот давно хотел. Карре вечно скрывал, что его возбуждают только маленькие девочки... А Ойзо было скучно и он пробовал все, чтобы развеять скуку. Ты знаешь, почему отец забрал его из Асталота домой? Они там с приятелями скотили компашку и ради интереса убили какого-то бродягу. Долго убивали — пару суток. Сын магистрата хотел посмотреть как умирает человек... Гаденьш.

— И ты об этом знал? — неожиданно спокойно уточнил Рейке.

— И я знал, и его отец знал. И про наркотики тоже. И про шантаж. Хотя... нет, вру, шантаж ему был нужен, чтобы покупать наркотики, магистрат урезал содержание и перестал давать ему деньги в руки. Спорю, если б он был жив, следующим желанием было бы — убить отца.

Солнце, перевалившее за полдень, весело заглядывало в окошко, рассыпая по полу теплые пятна света. Интересно, сколько сейчас? Час Собаки или Кошки?

— Ладно, я понял. Приходит некто и предлагает сильным мира сего — хотя, сильные из вас, как из козьего хвоста дудка, — предлагает им исполнение желаний. Я так понимаю, не тех, что загадывают на Первый день года. Ты что просил?

— Тестя.

— Э?

— Чтобы тесть от меня отвязался, чего непонятного?

Сыщик озадаченно моргнул, потом сообразил. Тесть Теона был одним из десяти судей Высшего Королевского Суда.

— Контролировал он тебя, э? Запугивал? А ты сидел и не мог слова поперек пискнуть, потому что он сожрал бы тебя вместе с формой, сапогами и парадным мечом?

Делко полыхнул, белизна щек мгновенно сменилась таким румянцем, что Йон испугался. Как бы не помер, скот, прежде чем признается.

— И что случилось с ним, с тестем?

— Удар хватил...

— Удар, значит. Удар... Удар и желания, — мысли, которые никак не могли оформиться, перекатывающиеся, будто стекляшки в трубе калейдоскопа, сложились. Отчетливо вспомнился Тэфе на краю трамплина, остановившийся взгляд, прикованный к темноте за спинами зрителей. — Дай угадаю. Мастер Тулли — всего лишь чтец из Храма Отца и Матери, со сломанными обетами? Оттуда все его волшебные умения знать, что хотят люди и заставлять их делать то, что они не хотят? Плюс немного связей во всяких интересных местах? Х-хорош... паучище.

— Всего лишь?! — полковник все же сорвался, захохотал, визгливо и тоненько, так, что слезы потекли по лицу. — Он был одним из высших иерархов Храма! Ты бы видел, что он может!

— Да видел я, видел, я ж не ты, и в штабе штаны двадцать лет не протирал, — с досадой отмахнулся Йон. — Я просто одного не пойму, неужели ты так хотел свободы, что не побоялся связаться с безумцем, зная, в какую дыру это тебя приведет? А жертвы? Два трупа — пусть их, мир чище станет, но дети? Ты что, не понимаешь, что жрешь дерьмо и радуешься, будто это мороженое?!

Он не удержался, стукнул по столу кулаком.

— И на что ты надеялся? Что никто не узнает? Смешно. Ты, видимо, толком не имел дела с чтецами, не так ли? Иначе знал бы, что обеты — единственное, что не превращает их в стихийное бедствие. Они же все поголовно сумасшедшие. Он же не просто исполнил твое желание, кретин ты эдакий, он сначала заставил тебя хотеть его исполнения так, чтобы ты сам к нему пошел, да еще и на коленях умолял!

Судя по тому, с какой ненавистью вскинулся полковник, насчет коленей Рейке угадал.

— Твои суждения всегда правильны, да? — прошипел Делко. — Да что бы ты понимал! Всегда думал, что если ты осенен благодатью, все остальные — мусор! Тогда посмотри на себя сейчас! Ты никто!

— Да, я осенен, — если это была попытка оскорбить, то она провалилась. — И знаешь что, друг мой? Я действительно считаю вас всех мусором. Потому что я-то знаю, зачем я тут. А ты? Какого ты торчишь здесь с утра до ночи, э? Пенсию высиживаешь? Награды? И мусором, конечно, никого не считаешь? Тогда скажи, сколько трупов тебе надо принести, чтобы ты понял, ничтожество, где предел допустимого? Сколько еще? Пять? Десять? Скажи мне! Скажи мне число!

Он все же сорвался на рык, от которого дрогнули стены, а Теон, секунду назад такой уверенный, вжался в спинку стула. Пришлось выдохнуть, пока не вцепился ему в горло.

— Но ты не бойся, старик, — он похлопал его по плечу, выпрямился и пошел к двери. — Хоть я и никто теперь, но с правом на свидетельствование в суде. Судебные чтецы, знаешь ли, великая штука. Думаю, мы с тобой еще увидимся. У подножья, так сказать, правосудия.

Широко ухмыльнулся, глядя, как смысл его слов отражается на щекастой полковничьей морде, и вышел в коридор. Плешивый хмырь за конторкой сидел, пригнувшись, явно подслушивал под дверью.

Йон сосредоточился, отгоняя произошедшее в дальний угол памяти. Кажется, он совершил большую ошибку, послав мелкого в Товайхо за информацией. Очень большую. И теперь должен был поспешить.

Глава 7. Отрекшийся

Очнулся Эрех тоже от удара, только по лицу. Такого сильного, что щека полыхнула огнем, а рот мгновенно заполнился чем-то теплым с металлическим привкусом. Похоже, щеку разбили о зубы.

— Не притворяйся, мальчик, — равнодушно произнес дребезжащий голос.

Эрех подумал, что и правда, не стоит, открыл глаза и огляделся. Он был все там же, в большой комнате в доме мастера Юхея, только теперь мебель была перевернута, посуда побита, а сам Юхей лежал в углу, скрученный наподобие колбасы. Вдоль стен, сжимая в руках обтянутые войлоком трости, стояли четверо его охранников и пустыми глазами таращились куда-то прямо перед собой.

Целитель машинально прикинул вес трости, которой его и приложили по голове, и подумал, что если отделается лишь сотрясением, то ему, можно сказать, повезло. И только потом обратил внимание на стоящего прямо перед ним высокого седого старика с бесцветными глазами. Такие же были у мастера Рейке, но если к его взгляду, цепкому и насмешливому, он уже привык, то эти белесые рыбы буркалы вызывали страх. И сразу объясняли, кто здесь теперь хозяин. Мастер Тулли, владелец Павильонов чудес и диковин.

— Что с ними? — сглотнув слюну и кровь, спросил Эрех, надеясь не сорваться на девичий тембр.

— Ничего, — старик никак не отреагировал на его вопрос, лишь смотрел пристально, словно сквозь голову.

Эрех еще раз оглядел комнату, сосредоточившись на каменных лицах мужчин, и понял. Вспомнил неясное беспокойство, настигшее его в цирке перед прыжком Тэфе.

— У вас не получится, — сказал он, чувствуя, как к пульсирующей боли в затылке присоединяется ощущение сильной тошноты. Казалось, шевельнись и вывернет наизнанку. Тошнота резко усилилась, и ему пришлось повторить: — Я целитель, не старайтесь, у вас не получится.

Тулли сморгнул.

— Надеешься, мальчик, твоя Богиня защитит тебя от меня?

— При чем тут надежда? — удивился Эрех. — Я несколько часов назад исцелил человека, вы просто не пройдете сквозь остаточный эффект одержимости. А, вы про такое не знали?

Хорошо было бы, если б этот эффект не только защищал от непрошенных гостей в голову, а и отбивал у них всю охоту, но это из области несбыточного. Хотя бы тошнота ушла, оставив лишь головную боль и легкий звон в ушах.

— Что же, это слегка неожиданно. Я так понимаю, кретин Тэфе уже точно жив? И где он?

— Ни малейшего понятия, — буркнул Эрех. — С чего вы вообще думаете, что я знаю?

— Не надо, мальчик, — ни голос, ни выражения лица владельца цирка не менялись, — не стоит мне лгать. Я видел твоё выступление перед тем, как он прыгнул, и слышал все, что ты тут выпрашивал у нашего доброго хозяина.

Он кивнул в сторону связанного Юхея, непрерывно мычащего что-то сквозь кляп. Судя по интонациям, тот, не стесняясь в выражениях, высказывался о сложившейся ситуации.

— Если ты думаешь, что раз я не могу прочесть тебя, значит и узнать у меня ничего не

получится, ты очень ошибаешься, — трость с костяным набалдашником качнулась в морщинистой руке. — Боль, знаешь ли, не менее эффективное средство, чем мой дар. Где Тэфе, мальчик?

Эффективное, да. А Эрех, чего уж скрывать, боли очень не любил. Просто до ужаса.

— Я же вам ответил, — упрямо повторил он, не отводя взгляда. — Я не знаю, о чем речь.

Чтобы отдать приказ мастеру Тулли не понадобилось ничего. Просто один из шкафообразных охранников отошел от стены и встал прямо перед Эрехом, заслонив собой все пространство. Чтец управлял ими всеми одновременно, и от этого становилось еще страшнее.

Хлоп! Голова мотнулась, в этот раз влево, и солено-металлический привкус усилился.

— Не обязательно начинать с большой боли, — тем же равнодушным тоном произнес мастер Тулли.

Хлоп! Теперь удар пришелся на правую щеку, в ушах зазвенело сильнее.

— Достаточно ритмично повторяющейся. Ты никогда не видел, как после таких экзерсисов плачут даже самые крепкие мужчины?

Хлоп.

Видел, конечно. Однажды, в тюрьме. Кажется, у Эреха и владельца цирка было нечто общее. Чтецы всегда работали при тюрьмах и допросных, собственно, их дар к этому роду занятости подходил превосходно. Целители — реже, но Эреху не повезло. Ему довелось узнать, как человек расползается от подобных истязаний. Главное здесь — сохранять ритм и после каждого удара напоминать, что есть другой выход. Признаться. Рассказать. Освободить себя от боли.

Как скоро он не выдержит?

Хлоп. Перед глазами плясали радужные круги. На то, чтоб удерживать в голове мысли, уходили все силы.

— Не противься, мальчик. Нет ничего стыдного в том, чтобы поделиться своими бедами. Скажи мне — и дальше все будет хорошо.

Все будет хорошо, когда мастер Йон тебя найдет и трость эту дурацкую тебе в задницу загонит, подумал Эрех, и, когда вместо пощечины схлопотал тяжелый и короткий удар под дых, понял, что не подумал. Сказал.

Стуток боли разорвался внутри, ослепив, выбив возможность и думать, и смотреть, и дышать.

На задворках сознания грянул гром. Потом еще раз. И еще.

Раздался грохот, посыпались стекла, и Эрех, сквозь текущие из глаз слезы, сообразил, что это происходит не у него в голове. На то, чтобы проморгаться и сфокусировать взгляд ушла вечность. А когда получилось, он обнаружил, что мастер Тулли исчез, охранники — тоже, кроме того, что его бил, а теперь тихо подвывал на полу у входа. А над Эрехом теперь склонился Йон Рейке с кухонным ножом в одной руке и револьвером в другой. В гравированных линиях на стволе оружия, мерцаая, гасли лиловые искры техномагии.

— Ты плохо выглядишь, док, — вместо приветствия сообщил ему сыщик, подойдя и перерезая веревки. — Дышать можешь?

— А вы не торопились, — в тон ему ответил Эрех, понимая, что да, может, хоть и неглубоко. — Я тут чуть не уснул.

Сыщик дерзость оценил, одобряюще и осторожно похлопал его по плечу и направился к

все еще лежащему на полу мастеру Юхею.

Освободившись от кляпа, глава местных бандитов огласил мир отборнейшей руганью, в которой поминались все предки мастера Тулли и их редкостное душевное и телесное расположение к козам и овцам.

— Совершенно с тобой согласен, мастер, — хмыкнул сыщик. — Эй, док, если ты в состоянии стоять, погляди на парня у входа. Я старался ничего важного не задеть, но что-то там ему все же прострелил.

— Зачем? — спросил Эрех, кое-как поднявшись на затекшие, дрожащие ноги.

— Чтобы выбить чтеца из концентрации. А ты что, разве не знаешь, что когда они вот так держат на полном контроле, то связь двусторонняя? Да и вообще, внезапная боль может освободить читаемого от влияния.

Эрех не знал. Проковылял к двери, осмотрел полученную рану. На первый взгляд все было не так уж опасно, разве что сидеть он сможет не очень скоро.

— А где сам Тулли?

— Свалил, скотина, — лениво отозвался Йон. — Но это не страшно, я знаю, куда он побежал.

Что-то в его тоне заставило Эреха отвлечься от раненного. Выражение лица у мастера Рейке было странным — сосредоточенным и спокойным, будто решение уже принято.

— У вас кровь идет, — проглотив вертевшийся на языке вопрос, только и сказал он в ответ. — Вон, на боку пятно расплывается.

— Где? — Йон сунул руку под рубашку, ощупал бок. — Точно! Надо же, это меня кто-то во дворе зацепил, а я и не заметил. Ладно, закончишь с этим раненым в задницу страдальцем, заштопаешь и меня. Не хватало еще последние приличные штаны кровью заляпать.

На все ушло более часа. Пока Эрех выковыривал пулю, спрашивая про себя, откуда у мастера Рейке взялся револьвер, ведь такое огнестрельное оружие выдают только военным да чиновникам из Департамента безопасности короны, пока мастер Рейке и восстановивший душевное равновесие мастер Юхей проверяли домоправительницу, дом, двор и нанесенный ущерб, ночь приблизилась к Черному часу. Беспокоила мысль, как там Тэфе и девочки, болела голова, было страшно от того, что где-то на свободе бродит сумасшедший, способный подчинять себе людей.

Скрипнула дверь.

— Жить будет? — спросил Йон Эреха и тут же обратился к раненному. — Прости за выстрел, парень, но деваться мне было некуда. Или ранить одного, или положить всех, когда вы бы бросились защищать вашего временного хозяина.

Прошелся по комнате, перевернул и поставил на место опрокинутый в драке стол и разбросанные по комнате стулья. Стащил с себя пиджак и сорочку, уселся верхом на один из них.

Эрех, выпроводив охромевшего и перевязанного бандита, поднял специально для него хранившийся в этом доме врачебный чемоданчик и переместился поближе к сыщику. Глянул на открывшийся пейзаж и замер.

— Да уж, док, если б я знал, что ты притащишь мне такую проблему, я б шесть раз подумал, прежде чем согласиться. Пятьсот лян напополам уже не кажутся мне достаточной суммой. Это же надо! Давно я не видел отрекшегося чтеца. Вообще был уверен... Эй, мелкий ты чего замер-то?

Эрех стоял, застыв столбом, и неотрывно смотрел на сыщицкую спину, широкую, жилистую, на которой в полный размер скалилась татуированная собачья морда. Пятёрка шрамов, неровных и давно побелевших, пересекала ее сверху вниз, от шеи к крестцу, словно чья-то гигантская когтистая лапа рассекла кожу, пытаясь сорвать с нее рисунок.

Рейке обернулся, пристально взглянул на Эреха.

— А-а, понятно, — невесело усмехнулся он. — Чего смотришь? Красиво? Или страшно?

Ответить было сложно. Эрех поймал себя на том, что пятится и невероятным усилием воли остановился.

— Да-да, это оно. Департамент безопасности Короны, первый отдел. Личная королевская псарня, — сыщик повел плечами, на спине, следуя движениям, наморщил оскаленную морду Горо Псоглавец. — Что ты замер, как девица малая, док, если уж взялся штопать, так штопай. А то кровь мне сейчас последние штаны заляпает.

Целитель завороченно кивнул и вернулся к выбору иглы для штопки длинного пореза на боку.

— И не бойся ты так, мелкий, — мастер Рейке продолжал говорить как ни в чем не бывало. — Здесь больше нет правосудия. Было, да все вышло. Хотя забавно. Поневоле поверишь...

Он осекся. Эрех вдел нитку в иглу, присел на пол, стянул края раны пальцами. Он мог бы попробовать исцелить, но опасался возможных последствий, из головы все не шли шелестящие листьями деревья посреди приемной Чистого Сердца.

— Поверишь во что? — нарочито твердым голосом спросил он.

Реагировать так на то, что кто-то когда-то был всего лишь таким же как он — посвященным Богу, было невежливо. Целитель знал, что ищейки Горо не могли даже выкупиться. Единственным способом получить свободу выбора для них было сыграть в храме Судьбы на собственные обеты, тем самым их сломав.

Если бы это был другой человек, он бы его испугался, вдруг понял Эрех. Если бы был другой. А так страх — и то, не перед Йоном, а перед тем, кто когда-то выбрал его себе в сосуды — мелькнул и исчез. Мастер Рейке все эти дни вел себя совершенно нормально. И вообще, Эрех понятия не имел до этого, что ищейки могут сломать обеты и как они себя при этом ведут. Целители обычно кончают с собой, не выдерживая пустоты на месте дара. Чтеца он уже тоже видел.

Не зря Храм Отца и Матери казнит их.

— Так во что поверишь? — переспросил он, потому что мастер Рейке не ответил.

— Да так... Просто подумал, что поневоле поверишь в руку Повелителя Случаев. Это же надо — собрать в одном месте по одному делу сразу трех посвященных. Нет, ты, конечно, в нашей компании самый странный. Сломавших обеты для собственного блага я уже видел, а вот чтобы настолько святого...

Эрех вдруг вспомнил, что он, в самом деле, теперь патентованный святой с эпизодом одержимости Богиней, и горестно вздохнул. Заполненный сосуд, чтоб его.

— Чего это ты сопишь, док? — удивился сыщик.

— Вы мне напомнили, мастер, что я теперь святее некуда, — признался в своих переживаниях Эрех. — А это значит, что сумму выкупа мне увеличат до небес и останусь я навсегда при Храме. Еще, наверное, и ко дворцу припишут.

Он закончил шить и принялся обрабатывать рану перекисью. Йон и перекись зашипели одинаково недовольно.

— Так чего ты печалишься? Дворец — это совсем неплохо, это стабильный доход, никакой нужды, и гарантированная уверенность в завтрашнем дне.

— Зато никакой свободы, — руки машинально делали привычную работу, накладывали повязку, прикрепляли края пластырем, так, чтобы не тянула, не мешала движению. — Никакого Университета. И жизни тоже никакой. Одни придворные и их болезни. Всю жизнь, знаете ли, мечтал лечить геморрой и сифилис у аристократов.

Мастер Рейке обернулся.

— А что, ты предпочитаешь делать все то же самое, но в деревне на границе? Или принимать роды в затрапезном госпитале рядом с Серыми Пустошами? И, к слову, насчет аристократов, а сам-то ты кто, Эй-рех но-Тьен, потомок Эмери Осоки?

— Я предпочитаю самому решать, сидеть мне в деревне, на границе или в Пустошах, — буркнул Эрех, признавая правоту собеседника. Свобода не дает гарантии счастливой жизни. — И против приема родов совершенно ничего не имею. Лучше так, чем делать аборты придворным дамам. А что касается моей аристократичности...

Нитку он негигиенично перекусил зубами.

— Да какой из меня, в задницу, аристократ?!!

Йон поперхнулся, потом запрокинул голову и захохотал в голос.

Игнорируя сыщицкое ржание, Эрех принялся складывать использованные инструменты в банку с раствором перекиси для дезинфекции.

— Что мы теперь будем делать? — спросил он, имея ввиду сбежавшего мастера.

— Мы? — иронии в голосе сыщика хватило бы на то, чтобы заполнить бочку для вина. — Ничего. А я сейчас схожу к нашему мастеру и заберу девчонок. Пора заканчивать с этим делом. Закрывать, так сказать, эту главу.

Эрех оторопел.

— Но... Вы с ним не справитесь! — голос его опять сорвался на писк и он мысленно проклял эту свою особенность. Кто возьмет на дело человека, который все время пищит, словно мышь под веником? — Он же чтец! Он подчинит вас так же, как у него это получилось с Тэфе и людьми мастера Юхея! Для чтецов нет преград, а вас даже никто не охраняет! Вы представляете, что будет с нами, если вы станете его рабом?

Йон, насвистывая, неторопливо застегивал пуговицы на сорочке.

— Да вы меня даже не слушаете! — возмутился целитель.

— Да слушаю я тебя, слушаю. Не пиши так, — добродушно усмехнулся мастер Рейке. — Слушай, док, я понимаю, что знаем мы друг друга всего ничего, но ты как думаешь — сколько мне лет, э?

Вопрос был настолько неожиданным, что все возмущение сразу улеглось.

— Ну-у, если судить по возрастным изменениям лица... Сорок пять?

— Паршивец мелкий, — хмыкнул Йон. — Сорок три. Так вот, мелочь ушастая, я прекрасно знаю не только то, что ты тут выкрикиваешь. И уж, поверь мне, с чтецами дело я имел почаще и поболее твоего. Пусть и не с отступниками. Отступников, знаешь ли, Храм обычно сам убивает.

— Все равно это не причина, чтобы идти к нему в одиночку.

— А кто говорил, что я пойду один?

Он натянул пиджак, потом взял со стола револьвер, вытащил из кармана горсть патронов и вставил недостающие в барабан.

— Знакомься, док, это — мой Миротворец, — серьезно произнес Йон, и магическое

оружие в его руках тускло, многозначительно сверкнуло лиловым, узнавая руку хозяина. — И у нас с ним есть пара идей...

Он шел пешком через лес. Брать лошадь или коляску у Юхея Йон отказался. Вовсе не потому, то ему это претило, совершенно нет. Просто те полторы мили, что отделяли Товайхо от поля под Мимири нужны были ему, чтобы собраться с мыслями и с силами.

Чтецы, посвященные Отца и Матери, встречались среди одаренных чаще всего. Йон понятия не имел, как божественное провидение определяет, сколько одаренных должно быть и почему, на то оно и божественное провидение, а вот статистика была неумолима. На весь Альмеррайд приходилось несколько тысяч чтецов и, для сравнения, всего двадцать три ищейки. С ним, с Йоном, когда-то было двадцать четыре.

Его Храм никогда не бдил над отступниками так, как это делал Храм Отца и Матери. За восемь лет Рейке ни разу не видел никого из своих бывших сослуживцев или наставников, отпустили ли они его или он перестал для них существовать — этим вопросом он не задавался. Тогда еще ищейка Рейке знал, на что идет, предлагая Судьбе все, что имеет. Твердо знал. И ни разу после всего, даже после потери разума, не винил в случившемся Горо или Храм. Да, ему отказали в праве на правосудие, но никто его и не гарантировал. В этом и есть вся подлость жизни — тебе дают выбор, но ты сам решаешь, по какому из предложенных путей пойти. Остаться в рядах псов Горо или стать никем. Продолжать читать в душах людей или торговать тем, что в них увидишь. Исцелять до последнего или забрать чужую жизнь.

За эту вот способность ставить человека перед самым мерзким и тяжелым выбором никто Судьбу-то и не любит.

Второй насущный вопрос был — что делать дальше. Нагружать им двадцатилетнего пацана было бы нечестно, пусть он и заварил всю эту кашу и Йона в нее окунул. Первоначальный его план — слить историю Йорру и, потом, под голодными взглядами репортеров войти в Высший суд с трупом тула Ойзо на плече, никуда не делся, только в этом плане не было чтеца Тулли и двух девочек у него в заложниках. Чтецов невозможно доставить в светский суд. Чтецов судят такие же чтецы, способные удержать дар того, кого больше не удерживают обеты Богам. Это аксиома.

Так что оставался только один выход.

Ничего, лес большой, а прятать тела Йон умел не хуже, чем их находить. Двадцать лет в Департаменте безопасности — это не сыроежку понюхать.

Он миновал чернеющие среди кипарисовых стволов развалины королевской резиденции, пересек заросшую травой старую дорогу и вышел к тому месту, к которому стремился. Маленькая ниша, выдолбленная в огромном валуне, взявшемся в этих местах неизвестно откуда. Крошечные негасимые огоньки двух свечей и старинная, грубой работы статуэтка в глубине камня. Место последней надежды.

— Ну, здравствуй, — голос вдруг сел, в душу прокралась совершенно детская робость.

Не жалея брюк опустил на колени в густую траву, коснулся лбом земли в ритуальном поклоне.

Йон Рейке не был в храме целых восемь лет. Ни в каком. Считал себя не имеющим права в них заходить.

— Я знаю, что не могу просить тебя, — собственная хриплая речь в ночной тишине звучала странно и глупо. — Я знаю, что не заслуживаю твоего доверия. Знаю, что хотел

большого и сломался под весом этого желанья. Но сейчас я не один и прошу не за себя. Помоги им. Защити их. Ради тех, кто не может сопротивляться и тех, кто не может защитить себя сам, я ищу твоего правосудия. Приди для них, отец мой.

Все храмы и святилища Горо в Альмеррайде Йон знал наизусть. Их было совсем мало. Зачем, если лишь немногие решаются просить о заступничестве свирепого, не знающего жалости Бога с головой собаки.

Ночная тишина была ему ответом. Глухая, жаркая, вскоре обещающая ливень с грозой. Йон, еще раз поклонившись, встал с колен и пошел, неторопливо, не оборачиваясь. Он и не ждал, что ему ответят сразу же. В этом весь Псоглавец и его суть, когда до самого последнего момента неизвестно, чья ярость кипит в груди, своя собственная или божественная.

Под любопытным глазом луны Рейке преодолел оставшееся расстояние, вышел на тот же бугор, с которого сутки назад они с Эрехом смотрели на огни цирка. Сейчас цирк был пуст, не освещен и необитаем. По пустой дороге между шатрами и кибитками первые порывы грозового ветра гоняли клубы пыли.

Эта картина лучше всякого приглашения сказала Йону о том, что мастер Тулли, безумный чтец, его уже ждал.

Он вынул из кобуры Миротворца, привычным движением выщелкнул барабан, проверив патроны в нем, потом стал спускаться ко входу. Скрываться смысла не было, одаренный таких масштабов доподлинно знал о его приближении.

Когда их учили как быть ищейками, сопливых детей, собранных в Уединении от Скверны, то рассказывали — если хочешь продолжать сохранять контроль над собой, помни, зачем ты пришел к чтецу. Помни где ты. Он будет показывать тебе миры, которые ты жаждешь увидеть, будет пугать тебя твоими самыми страшными страхами, но ты помни, кто ты и зачем ты тут.

Вот Йон и помнил. Он, Йон Рейке, пришел в цирк, чтобы прекратить, наконец-то, этот бардак в его городе.

В непроницаемую мглу он нырнул, как только прошел через арку под натянутым полотнищем. Исчезли поле, огни Мимири вдалеке, цирковые шатры и дорога. Йон знал, что они на месте, это просто глаза перестали их видеть, подчиняясь власти человека у него в голове.

«Я знаю кто ты».

Голос говорил из темноты, в которой Йон увяз мгновенно, как муха в меду.

— А я знаю кто — ты, идиот несчастный, — насмешливо ответил он темноте. — И не думай, что получится меня напугать, я много раз пуганный.

Не говоря уже о том, что каждое посещение судебного процесса судебные чтецы лезут в голову, чтобы удостовериться, дает ли он правдивые показания или безбожно врет.

«Думаешь, сможешь меня найти?»

— А почему не смогу-то? — хмыкнул в ответ сыщик. Ориентирование по памяти, этому его тоже учили. Розги и бесконечные тренировки — отличные учителя. — А, ты подумал, что отключил мне зрение и я уже все, утоплюсь в слезах?

Десять шагов до первого павильона, того, с женщиной-змеей. Почему-то Йон не сомневался, что Тулли сидит сейчас в большом шатре. Оставалось только до него добраться. Двадцать пять шагов, до «девушки одной из двух». А потом примерно тридцать и направо до кибитки с магом, за которой и будет большой шатер. Ждать логики от безумца не стоило,

поэтому приходилось полагаться на интуицию.

— Что, морда ты сопливая, хвост задымился? — оскорбление противника тоже было веками проверенным средством заставить его потерять контроль. Главное как можно быстрее найти место почувствительнее и больно за него укусить. — Страшно стало? Боишься, что местное население, узнав про твои художества, вздернет тебя на твоём же галстуке? Правильно боишься. Ещё как вздернет. И никто, отметь, за тебя не вступится. Или твои же бывшие приятели из Храма за тобой явятся, чтобы прикончить втихую.

Три, четыре, пять... Идти и не замолкать, сквозь темноту, вслепую. Сейчас только тяжесть Миротворца в руке привязывала его к реальности.

— Но что ещё вероятнее, мурло ты эдакое, до тебя доберусь я. И тогда ты просто возжадешь сдохнуть от чьих угодно рук, но только не от моих. Как там говорится? Живые позавидуют мертвым? Вот ты у меня точно позавидуешь, клянусь здоровьем. Твоим.

«Я знаю, кто ты».

— Повторяешься, дедуля.

Тридцать два, тридцать три, тридцать четыре. Повернуть направо и потом ещё семнадцать шагов.

«Ты не понял. Я действительно знаю. Я вижу тебя изнутри».

Йон ощутил ткань шатра под рукой и, одновременно с тем, когда он шагнул внутрь, мир вокруг него вспыхнул.

Сияющие в солнечных лучах своды храма. Высоко, над головой замерла, шагая с обрыва, изящная девушка. Развела над головами всех, кто из века в век стоял перед ней на коленях, свои руки-крылья. Она — Хатма, непокорная третья дочь Матери и Отца. Рукокрылая Судьба, Дающая Выбор. Та, Что Рисует Дороги. И у ног ее кружит в мраморных руках мраморный стаканчик младший брат, десятилетний мальчик по имени Хетто, вечный божественный ребенок. Повелитель Случая, бесконечно играющий в Кости Судьбы.

Йон вновь ощутил запах благовоний, знакомое тепло нагретого пола под ладонями, услышал свой срывающийся, охрипший голос.

Забери что хочешь, все забери, что имею. Только дай мне право отомстить.

«Помнишь это? Помнишь, как ты был жалок?»

Йон помнил.

— Да, — короткое слово далось с невероятным трудом. Идти было некуда, он понимал, что находится внутри шатра, и лихорадочно пытался понять, в какую сторону двигаться дальше. Нутром чуял, что чтец стоит где-то недалеко. Безумцам, как он, надо видеть противника, наслаждаться его слабостью. — Я же не ты и память от старости не теряю.

«А это помнишь?»

Просторы храма пропали, растворились в темноте узкого переулочка, освещенного лишь ручными фонарями. Негромкие взволнованные голоса за пределами пятен света. В ту ночь дождь стекал с крыш на голову и за шиворот, смывая слезы с лица. Его собственные глухие рыдания, тяжесть мертвого тела в кольце рук и набрякшие от воды и крови волосы Элеми под щекой, белокурые волосы, без примеси золотистого или пепельного. Воспоминание такое острое, словно это случилось опять, сейчас, и он вновь стоит на коленях в луже, сжимая в объятиях убитую жену. И тяжелая боль потери всего на свете, страшное горе, обручами сдавившее грудь.

В которой, в реальности, в настоящий момент зарождалось гневное рычание.

— И это я тоже помню, старик, — рычание сорвалось с губ, прорезалось в голосе. — И

ты зря думаешь, что эти воспоминания способны меня остановить.

И, пока чтец не нырнул глубже, туда, где восемь лет назад Йон Рейке, размазывая слезы по лицу, безуспешно заклинал своего Бога послать ему правосудия, или где, отдав Судьбе все, включая разум, метался по подвалу в борделе Катрионы, сыщик вскинул руку и выстрелил.

Миротворец рывкнул, гулко, раскатисто. Что-то рухнуло с шумом, посыпалось, раздался чей-то вскрик и картинка дождливой ночи лопнула, как мыльный пузырь, позволив Йону вывалиться наружу.

Он стоял у входа на арену, а напротив, на первом ряду, упираясь тростью в пол, расположился мастер Тулли. Чуть сбоку, пригнувшись, скорчился невысокий человек, в обломках какого-то кувшина, сбитого Миротворцем. Йон ощутил удовлетворение — верный друг никогда его еще не подводил.

— Брось револьвер, — тихо произнес кто-то справа.

Рейке скосил глаза и с интересом поглядел в дуло, приставленное к его виску. Красивое оружие, ствол длиннее, чем у Миротворца, весь в извивах гравировки, по которым пробегают такие знакомые лиловые искры. И прилегающий к оружию невзрачный лаэстский хлыщ с военной выправкой.

— Я друзей не бросаю, — хмыкнул в ответ Йон, но руку опустил. — А ты, уважаемый, кто такой?

Военный не ответил, да сыщик и не ждал. Вновь посмотрел на толстяка. Освобожденная от присутствия в ней посторонних память услужливо подкинула картинку из прошлой ночи: увиденный со спины неизвестный, покидающий кибитку директора Павильонов диковин и чудес. Тот самый, надо понимать, кто по-эфесски рассказал историю о зарезанном севрасцем судьбе и пропавшем сыне магистрата. Причина, по которой Тэфе столь внезапно шагнул, против собственной воли, в пропасть над ареной.

— Я так понимаю, вы, ребята, его отряд прикрытия? Сами пришли, или он вам помог?

— Ты думаешь, нами можно управлять? — серьезно уточнил военный.

— Не разговаривайте с ним, майор, — вякнул толстячок. — Просто пристрелите!

Йон иронично покосился на военного. Ишь ты, целый майор. Интересно, что этот-то хотел? Внепланового полковника? Страшно сыщику не было, ощущались лишь небольшая досада и дикий азарт. Он знал, что сегодня сдаваться не собирается, как бы оно не обернулось, и это знание доставляло давно, казалось бы, забытую радость.

Он вновь ощутил себя волкодавом, вышедшим против волков.

Мастер Тулли тяжело поднялся, опираясь на трость, медленно, чуть прихрамывая по песку, подошел и остановился напротив Йона. Они были одного роста и смотреть прямо в глаза труда не составило. Одинаковые, светлые до прозрачности, тилейские глаза.

— Вы бы не хотели остаться со мной, мастер Рейке? — прошелестел его голос сухими листьями.

Это было неожиданно.

— Нескромное предложение. И с какого перепугу?

Военный поморщился от такого обращения, а старый чтец даже не дрогнул.

— Вы мне интересны, — Йон насмешливо изогнул бровь. — Я впервые вижу ищейку, отказавшегося от своего Бога. Знаете... или нет, откуда вам... знаете, сколько было тех, кто отказался от Горо за всю историю? Помимо вас — трое. Трое. Потому что в вас, псах, заложена любовь к ошейнику. Вы так верите в то, что делаете... И потому я спрошу еще раз

— не хотите ли остаться со мной?

Йон улыбнулся в ответ, широко, буквально оскалившись. Ошейник, говоришь?

— И зачем мне это? Хотя дай угадаю — тебе нужен охранник, который способен чуют угрозу задолго до того, как она появится? Захотел овчарку, способную охранять стадо без пастуха? Потому что военные слишком тупы и привыкли только исполнять приказы? А вот эта крыса, явно министерская, вообще ни на что не способна?

Толстяк, наконец-то поднявший с арены шляпу, возмущенно вякнул и заколыхался. Похоже, с министерством Йон попал в точку.

— А что мне за это будет? Ну, если я соглашусь?

— Я исполню все твои желания, — просто ответил Тулли.

Рейке перекосило. От мысли, что он окажется в компании таких, как Ойзо, Карре, незабвенный Теон, этот желеобразный ублюдок и прочие, стало противно донельзя.

— А если у меня их нет? — он пристально поглядел в глаза Тулли. Смотри, старик, смотри. До дна. — Если я имею все, что хочу? Что тогда ты мне предложишь?

Тулли вздрогнул, впервые за все время на изрезанном морщинами лице появилось человеческое выражение. Изумление и еще что-то. Страх?

— Убей его! — крикнул он, громко, визгливо, не скрывая паники, отшатнувшись назад.

Йон резко повернулся к безымянному майору, одновременно вскидывая Миротворца и уже понимая, что не успевает. Револьвер противника послушно расцвел искрами техномагии...

От разорвавшей спину боли Йон рухнул на колени, выгнувшись, и пуля прошла у него над головой. Сыщик рухнул на песок в попытке заглушить пылающий вдоль позвоночника жидкий огонь. Тот самый, который уже ощущал восемь лет назад, стоя над самовольно растерзанным телом убийцы его жены.

Невероятным усилием поднял трясущуюся руку с револьвером, нашел прицелом военного и выстрелил. И, несмотря на боль, с удовольствием полюбовался, как голова человека взрывается переспелой дыней.

Пронзительно закричал Тулли. Полный ужаса старческий крик был отвратителен.

Похоже, меланхолично подумал Йон, наблюдая, как из пустоты возникают сияющие тени, чтецы могут что-то такое ощущать заранее, то-то он так испугался. С Горо же до конца не поймешь, твоя это жажда крови или его. А видеть их, незримых посланцев возмездия, никто, кроме ищеек, не способен. Не способны простые люди воочию оценить божественную ярость, воплощенную в огромных длинномордых псах, словно сотканных из расплавленного серебра.

Яркой линией прочертив полумрак один из псов вцепился в ногу толстяку из министерства, повалив его на песок. Вой, исторгнутый из человеческой глотки, был страшен. Наверное, непередаваем ужас того, кто видит, как его тело заживо рвут невидимые челюсти. Оставив полуобглоданную ногу, пес вцепился человеку в горло, и крик захлебнулся в бульканье крови.

Тулли же попытался бежать, безумный идиот. Это было в чем-то даже забавно. В старых сказках говорится, что когда-то псы могли годами преследовать преступника, не отступая и не нападая, сводя с ума воем и клацаньем невидимых клыков. Сам лично Йон в этом сомневался, весь его неоднократный опыт говорил совершенно обратное — не склонен Горо развозить месть словно кашу по тарелке. С другой стороны, когда невозможно вернуть все обратно и остаются только справедливость, да возмездие, все становится возможным и

правильным.

Две сияющие тени пронесли по воздуху над зрительскими рядами, обрушились и погребли под собой высокого старика в бархатном кафтане.

Рык, крики, тишина.

Йон, повозившись на песке, встал на колени, неотрывно глядя, как троица псов приближается к нему, встает перед ним полукругом и смотрит, подняв острые уши. А крайний справа еще и улыбается, зверюга такая. Смотрел, пока пока не растворились в воздухе серебряные очертания божьих собак.

Показалось ли, или и вправду невидимая рука одобрительно потрепала его по загривку? Еще не веря, он засунул ладонь под воротник, ощупывая спину там, откуда сбегали вниз к заднице старые шрамы.

Гладкая кожа безо всяких следов старых ран.

Йон Рейке устало сел, прислонился спиной к бортику арены. Сидел долго, пока тишина не стала давить, слушая, как впитывается в песок кровь тех, кто возомнил, что им все можно. Потом, окончательно успокоившись, поднялся, сунул револьвер в кобуру и побрел на выход.

Первыми, кого он обнаружил, распахнув тяжелую ткань, были два придурка, стоявшие под проливным дождем прямо перед входом, один с когтем в руке, другой — с неведомо где взятой подборной лопатой наперевес. Группа спасения, чтоб их. Два мокрых мыша. В свете фонаря короткие светлые волосы мелкого светились подобно нимбу.

— Я кому сказал сидеть и не высовываться? — собрав остатки суровости, уточнил Йон, поочередно поглядев сначала в круглые серые глаза, потом — в прищуренные темные.

Док смутился, севрасец безуспешно попытался изобразить взрослое высокомерие на настороженной детской физиономии.

— Вас очень долго не было, мастер, — укоризненно сообщил Эрах, покрепче перехватывая лопату.

— Да? — ливень мешал понять, сколько времени он проторчал внутри. — Ну, это ничего. Главное, что все закончилось.

Он поднял голову вверх, к мрачному небу, и облегченно рассмеялся.

Раннее солнечное утро было именно таким, каким должно быть раннее солнечное утро. Сияло голубизной летнее небо. Вдалеке, на Часовой площади, колокола по традиции отбивали час Белого Голубя. Йон Рейке, стоя перед маленьким зеркалом у себя дома, внимательно разглядывал собственное отражение, облаченное в костюм, в котором он когда-то женился.

Веселое расследование, в которое его втянул Эрех, прикончило, один за другим, всю его повседневную одежду. Вернувшись домой под утро он бросил в мокрую, неопрятную кучу у двери то, что когда было формой ищейки из Департамента, кое-как умылся и рухнул спать, напомнив себе, что непременно надо завершить все дела и уж точно покончить с этой историей.

Удовлетворившись увиденным, Йон достал из тайника в полу жестяной сундучок на замке, открыл и пересчитал содержимое, откладываяемое им на мечту. Прикоснулся к прикрепленному на стену акварельному рисунку, изображавшему маленький домик в окружении цветущего сада и море за ним. Элеми очень хорошо рисовала.

— Ничего, как-нибудь в следующий раз, — ответил он на незаданный вопрос.

Жизнь, конечно, не книга, но лично Йон Рейке всегда верил, что если заканчиваешь какой-то ее этап, то надо соблюсти все мелочи.

Час спустя он пинком, по причине занятых рук, распахнул дверь в кабинет магистрата Ойзо и бросил на пол перед письменным столом завернутое в мешковину тело Читела Ойзо.

— Забирайте сына, эрл, — только и сказал он, кидая поверх свежий экземпляр «Эха Альмейры».

Йорр Лунте только глаза вытаращил, когда посреди ночи к нему ввалился мокрый Рейке в грязи по колено, тащивший за собой двух мальчишек. Зато вся первая полоса была их. Йон лично проследил, чтобы криворукие наборщики правильно написали названные им имена.

— И в следующий раз, вернее, уже в следующей жизни, постарайтесь не потакать так своему ребенку. Если, конечно, Боги доверят вам хотя бы ещё одного.

Задержался у двери, вспомнив кое-что еще:

— Ах да, обещанные пятьсот лян можете переслать в адвокатскую контору Эрайна но-Фосса.

Любезный свояк, который последние восемь лет не уставал предлагать хоть что-то для него сделать, сейчас с удовольствием занимался оформлением показаний Тэфе и его сестер. Что важно, совершенно бесплатно.

Покинув магистратское обиталище, Йон прихватил на лотке палочку рыбных шариков и зашагал через весь город, в Южные кварталы.

Жизнь в столице кипела. Свежий ветер с реки, радуясь ушедшему дождю, трепал в синем небе разноцветные флаги и бумажные фонарики, натянутые поперек улиц. Между лотками разворачивающихся торговцев, играя, сновали дети и кошки. Спешили по утренним делам женщины, внося яркими платьями приятное глазу разнообразие в скучную толпу мужчин.

— Сенсация, сенсация!

— Большой скандал в благородном семействе!

— Уйдет ли магистрат в отставку! Только сегодня!

— Кровавые подробности страшного преступления! Только в «Эхе Альмейры»!

Йон ухмыльнулся, дожевывая. Кажется, «Эхо Альмейры» сделает тройную выручку, тем самым потеснив авторитет «Альмеррайдского гудка». Йорр должен упиваться триумфом, он-то с этой темы еще долго не слезет.

Он миновал Кривую улицу, переулок Трех Повешенных, свернул через Старую площадь и, пройдя мимо фонтана, остановился перед входом в Храм. Краем глаза заметил, что его преследователь, высокий человек в костюме в тонкую полоску, остался у фонтана, не решаясь приблизиться. Что ж, очень мило с его стороны. Не хватало, чтобы ему сейчас помешали.

Йон вошел под своды, где стояла статуя женщины в платье с длинными рукавами и корзиной в руках, а у ее подножья невысокий сухонький старичок поправлял фитили бесчисленных свечей.

— Здравствуйте, мастер настоятель, — с почтением в голосе произнёс сыщик, склоняясь в приветствии. — Я пришел к вам по одному очень личному делу.

Эрех сидел на пороге дома мастера Рейке и тосковал.

С утра он, следуя полученным инструкциям и подзатыльнику, отвел Тэфе с сестрами в адвокатскую контору, где они собирались пробыть до вечера, и на этом его обязанности закончились. Тело, с которого все началось, забрал сыщик, никаких забот не было, потому, внезапно, на него навалилась такая тоска и усталость, что он просто не знал, куда бы от нее деться.

Сходил к госпиталю, полюбовался на очередь из паломников, выстроившуюся прикоснуться к чудотворным деревьям, ветви которых торчали в окно первого этажа. После чего, вспомнив об обещании, купил на рынке корзину персиков, но в Храм не пошел, боясь, что оттуда уже не выйдет. Так и сидел теперь, ожидая, пока вернется хозяин дома, смотрел, на открывающийся ему с холма вид. Персики томилась рядом.

— Опять сопли жуем, э? — мастер Рейке возник из неоткуда, навис темной тенью, заслоняя солнце.

Странно. Ночью Эрех зашел таки в большой шатер и видел все, что там произошло. Вернее, последствия произошедшего. Но страха к сыщику при этом совершенно не испытывал.

У каждого посвященного свой Бог и свой долг, вот и все.

— Ну, чего ты такой унылый? — спросил сыщик, бестрепетной рукой переставляя корзинку с порога на тротуар и устраиваясь рядом. — Все же закончилось.

— Вот именно, что закончилось, — грустно ответил целитель и, не выдержав, признался. — Я ж тогда, ночью, прежде чем ваше объявление увидеть, просил Богиню помочь... И вот... Отблагодарить ее надо, а я не могу даже шага в сторону Храма сделать. А вдруг я оттуда больше не выйду?

Йон слушал внимательно, не улыбаясь.

— С другой стороны, — вдохновленный его молчанием, продолжил Эрех. — Это же нормально. У меня был выбор и я его сделал, Тэфе жив, с его сестрами все хорошо. Ну, и что с того, что я не смогу быть свободным?

Никакого ответа.

— Просто иногда я устаю от того, что выбор всегда такой — только потерять и обрести одновременно. Почему никогда нельзя обрести, без потерь? Мне кажется, это

несправедливо.

Сыщик снова не ответил. Просто смотрел туда же, куда и Эрех до этого. Вниз с улицы, к подножью холма, на цветные черепичные крыши Альмейры.

— А вы как же? Ну, после того... — Эрех задал вопрос, мучавший его с того самого момента, как он увидел залитую кровью арену цирка. — Ваши...

— Ты за меня не беспокойся, — ухмыльнулся, наконец-то, мастер Рейке. — Сам-то что делать думаешь? Наши с тобой пятьсот лян... я, конечно, магистрату напомнил, но сам понимаешь... надеяться осталось только на его порядочность.

Пришла очередь Эреха пренебрежительно хмыкать.

— В Храм все же вернешься?

— Вернусь,— внезапно понял целитель. — А куда же еще. Что ж поделывать, раз так вышло.

Он кивнул на стоящие в пыли персики.

— Я же выбрал правильно, — сказал он, прежде всего гложущему душу постыдному ощущению навсегда упущенной свободы.

Рейке серьезно кивнул, сунул руку под пиджак и кинул ему на колени сложенный вчетверо лист бумаги.

— Это тебе. Награда.

Эрех некоторое время непонимающе таращился на странный подарок, потом протянул руку и развернул.

Мир на миг перевернулся с ног на голову, а потом встал на место.

— Стоил ты, док, конечно, дорого, словно мешок золота, а не связка мослов. В жизни б не подумал, что можно столько запросить за тощее недоразумение вроде тебя.

Эрех смотрел на сыщика во все глаза, руки и губы у него внезапно задрожали. Выкупное свидетельство, сообщающее, что он, Эрех но-Тьен, отныне и присно — свободный целитель, жгло пальцы.

— Но... как? Это же...

Йон Рейке улыбнулся, просто, как нормальный человек.

— На самом деле, мелкий, бюрократия иногда крайне полезная вещь. Твое руководство еще не одобрило твой новый статус, поэтому я вполне потянул сумму, что за тебя просили. Они, конечно, вполне могут возмутиться и, несомненно, возмутятся, но поздно локти кусать. Так что ты теперь — официально свободный святой. И, кстати, это тоже тебе. Но уже на твой выбор.

Еще один листок, на этот раз сложенный поперек и втрое.

— А это что? — с опаской спросил целитель.

— Это? Патент судебного медика. Если ты вдруг захочешь продолжить.

Сыщик все не поворачивал головы, продолжая смотреть вдаль.

— Встретил тут брата Бо, на площади у фонтана, — пояснил он. — Собственно, в Храме меня уже вернули обратно и даже дело дали. То самое, со вторым принцем и кроликом. Так что, можно сказать, я уже больше не сыщик. В связи с чем у меня предложение — если, конечно, тебе не надоели наши приключения. Тебя, разумеется, еще учить и учить, но это нормальная работа с хорошим заработком и, в будущем, с возможностью поступить в твой ненаглядный Университет. Ты как на это смотришь?

На что? Эрех заморгал. На ночные бдения, удары по лицу, чумные домики и банды, растерзанные тела и оружейные выстрелы? На вечный преступный мир вокруг? Он

вспомнил мысли, терзавшие его в телеге по дороге в Товайхо накануне вечером. Еще раз поглядел на патент.

— Только мне придется сказать мастеру Юхею, что я на него больше не работаю, — внезапно даже для себя ответил он. — И надо занести, наконец, эти персики в Храм Пресветлой Наэмы, чтобы поблагодарить ее. За все.

Больше книг на сайте - Knigolub.net